ОГОНЁК

№ 39 СЕНТЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

С каждым годом набирает силу Запсиб — одно из крупнейших металлургических предприятий на востоке страны.

Фото Г. Копосова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 39 (2308)

Основан 1 апреля 1923 года

25 СЕНТЯБРЯ 1971

ПРИРАС
И ДАЛЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ «ОГОНЬКА» ПО СИБИРИ И ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
ПЕРВОЕ СЛОВО В ЭТОМ НОМЕРЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСПЛАНА РСФСР К. М. ГЕРАСИМОВУ.

Вопрос. Большая часть территории нашей страны падает на Сибирь и Дальний Восток. Назовите, пожалуйста, с точки зрения экономики их природные особенности.

Ответ. Директивами XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану предусмотрено дальнейшее ускоренное освоение природных ресурсов и наращивание экономического потенциала восточных районов страны. Сибирь и Дальний Восток занимают значительную часть Российской Федерации, она простирается от Урала до Тихого океана, от Арктики до полупустынь и горных кряжей Средней Азии. Характерной особенностью этой территории является не только разнообразие рельефа, климата, флоры и фауны. Земли эти чрезвычайно богаты запасами руд различных металлов, алмазов и другими минеральными ресурсами. Здесь сосредоточены крупнейшие в мире запасы каменных углей. Поистине неограниченны гидроэнергетические ресурсы великих сибирских рек. Большие возможности имеют нефтегазоносные провинции Западной Сибири. В Сибири сосредоточено и одно из основных национальных богатств России — знаменитые сибирские леса. Треть добычи рыбного промысла страны обеспечивает Тихоокеанское побережье. Западная Сибирь — одна из важнейших житниц страны и крупный поставщик продукции животноводства. В этом районе, а также в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке имеется широкая база для дальнейшего ускоренного развития многих отраслей промышленности — черной и цветной металлургии, машиностроения, лесной и лесоперерабатывающей отраслей, топливной, пищевой и легкой промышленности, сельского хозяйства. Такими природными особенностями и определяется стратегия развития хозяйства трех крупных экономических районов — Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Они должны обеспечивать уже в ближайшей перспективе пятую часть промышленного производства СССР.

Вопрос. Чем, однако, объясняется, что, несмотря на столь колоссальные энергетические и сырьевые ресурсы, основная масса общественного производства приходится все же не на восток, а на запад страны, то есть в значительной мере на Европейскую часть Российской Федерации?

Ответ. Всем историческим многовековым ходом развития экономики дореволюционной России. До Октябрьской революции формирование отдельных районов происходило стихийно, неравномерно, огромные пространства оставались нетронутыми и совершенно не изученными. На востоке России не было разветвленной сети железных дорог и других транспортных путей. В результате основные центры производства и потребления с подавляющей массой населения сосредоточивались к западу от Урала.

При социализме территориальное разделение труда, развитие экономических районов определяются целеустремленным комплексным планированием, подчинены законам пропорционального развития социалистической экономики. Теоретические основы экономического районирования были разработаны В. И. Лениным в его труде «Развитие капитализма в России». Практическим применением их явился ленинский план ГОЭЛРО — первый научный план развития социалистического на-

ТАТЬ СИБИРЬЮ НИМ ВОСТОКОМ

родного хозяйства Советского государства. Тогда еще, в 1920 году, среди восьми равных районов была названа и Западная Сибирь. Только на научной основе можно было приступить к подлинно комплексному освоению природных богатств во взаимосвязи промышленности, сельского хозяйства, транспорта и других отраслей народного хозяйства, с учетом трудовых ресурсов, с учетом всех экономических и социальных факторов.

Вопрос. Каковы важнейшие этапы в развитии экономики восточных районов РСФСР?

Ответ. Первый из них приходится на первую пятилетку. Урало-Кузбасс. XVI съезд партии, определяя пути строительства социализма в нашей стране, указал, что дальнейшая индустриализация не может опираться только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым стало создание второй такой базы, и именно на востоке страны. Взаимовыгодное соединение уральских руд с кузнецким углем способствовало бурному росту производительных сил на востоке страны, значительному подъему всей металлургической и топливной промышленности.

В 1953—1954 годах составлялся региональный план освоения целинных земель, в том числе и юга Сибири. Осуществление его, как известно, надежно укрепило зерновое хозяйство Советского Союза.

XXII и XXIII съезды КПСС признали необходимым создание ряда новых металлургических баз, в том числе в Западной Сибири — Запсиба, новых крупных районов добычи нефти и газа, энергетики и химии в Западной и Восточной Сибири. Сегодня крупнейшая в СССР база нефти и газа на востоке СССР создана. «Богатейшие Тюменские месторождения,— сказал в своем докладе на XXIV съезде партии А. Н. Косыгин,— полностью обеспечивают нефтью быстрорастущие хозяйства Сибири и Дальнего Востока. Еще недавно нефть доставлялась в Сибирь с запада, а теперь Сибирь сама направляет часть нефтяных ресурсов по трубопроводам и на запад, и на восток». А что значит нефть? Это — создание новых отраслей промышленности, и прежде всего нефтеперерабатывающей, нефтехимической и химической, рождение новых городов, дорог, открывающих доступ к глубинкам еще не тронутых лесных богатств.

Развитие нефтяной промышленности на территории Сибири связано с именем крупнейшего ученого И. М. Губкина, который еще в 1932 году дал научно обоснованные прогнозы и направление нефтепоисковых работ в Западно-Сибирской низменности. В 1934-м по предложению И. М. Губкина нефтепоисковые экспедиции были направлены в северные районы Западно-Сибирской низменности.

Вопрос. Что же такое комплекс, позволяющий в максимальной мере реализовать все возможности того или иного экономического района?

Ответ. Территориально-производственным комплексом принято называть рациональное сочетание предприятий различных отраслей на общей территории, при котором достигается крупный экономический эффект. Возьмите Братский комплекс. Главная специализация у него на базе мощной Братской ГЭС — лесохимия и выплавка алюминия. Эти отрасли будут развиваться в нем ускоренно, потому что именно они с наименьшими материальными и трудовыми затратами дают тут наибольший экономический эффект и приобретают уже межрайонное, общесоюзное значение. Однако лесохимия и производство алюминия не существуют изолированно, а сочетаются с другими отраслями хозяйства, которые здесь развиваются. При такой системе экономится примерно пятая часть капитальных вложений. Поэтому комплексы все активнее входят в нашу экономику. Комплексный подход, как сказал Л. И. Брежнев на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 11 июня 1971 года, «мы приняли... на вооружение и будем последовательно проводить его в жизнь». Разумеется, что плановое, пропорциональное комплексное развитие хозяйства возможно и присуще только социалистическому обществу.

Вопрос. Насколько возрастет удельный вес Сибири и Дальнего Востока в новой пятилетке?

Ответ. Как и в истекшем пятилетии, Сибирь и Дальний Восток будут развиваться ускоренными темпами. Предстоит обеспечить высокие темпы роста энергоемких производств черной и цветной металлургии, нефтедобывающей, газовой, химической промышленности, машиностроения, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, топливной промышленности и электроэнергетики, легкой, пищевой, рыбной промышленности, промышленности строительных материалов и строительной индустрии. Намечается ввести 82 (по общереспубликанским масштабам) процента мощностей по добыче угля, около 80 процентов — по добыче нефти и газа, 36 процентов — по производству стали. Удельный вес восточных районов в республике по добыче нефти и газа возрастет в новой пятилетке примерно в три раза. Значительно повысится удельный вес угля, целлюлозы, картона, соды кальцинированной, газовых турбин, шерстяных и шелковых тканей, бельевого трикотажа, а также ряда других важных видов продукции. Словом, могущество России будет прирастать в большей, чем когда-либо, степени Сибирью и Дальним Востоком.

Вопрос. В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану назван ряд комплексов по Сибири и Дальнему Востоку: нефтехимические в районах Тобольска и Томска, Братский и Саянский территориально-производственные и Усть-Илимский лесопромышленный. Какой из них наиболее перспективен?

Ответ. Все эти комплексы являются весьма перспективными. Но по масштабу, размаху поставленных задач Саянский комплекс не имеет себе равных. В нем наиболее ярко проявляются преимущества комплексного развития района, в данном случае — юга Красноярского края. Здесь все взаимосвязано: энергетика с электроемкими металлургическими отраслями, металлургия с энергоемким тяжелым машиностроением. Легкая и пищевая промышленность и сельское хозяйство продуманно дополняют друг друга. Создание комплекса, которое начинается в этой пятилетке, приведет к рождению мощного индустриального района, оснащенного самой современной техникой.

Обратите внимание, что в этой пятилетке в Восточной Сибири соз-

ВСТРЕЧА МЕЖДУ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВЫМ И ФЕДЕРАЛЬНЫМ КАНЦЛЕРОМ ФРГ В. БРАНДТОМ

С 16 по 18 сентября в Крыму состоялся ряд бесед между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Федеральным канцлером ФРГ В. Брандтом, совершившим визит в Советский Союз.

В принятом совместном коммюнике подведены итоги переговоров по широкому кругу международных проблем и двусторонним отношениям между СССР и ФРГ.

В коммюнике подчеркивается первостепенное значение договора, подписанного Советским Союзом и Федеративной республикой 12 августа 1970 года, который уже теперь оказывает благотворное влияние на весь ход европейских дел.

Л. И. Брежнев и В. Брандт выразили твердое убеждение, что вступление в ближайшее время в силу договора между СССР и ФРГ, а также договора Польской Народной Республики с Федеративной Республикой Германии позволит обеспечить решительный поворот в сторону широкого, прочного, долговременного сотрудничества к большой пользе для нынешнего и будущих поколений народов этих стран и их соседей, для упрочения мира в Европе.

Значительное внимание было уделено вопросам, связанным с подписанием 3 сентября с. г. СССР, Великобританией, США и Францией четырехстороннего соглашения, которое представляет собой крупный шаг на пути разрядки европейской и международной напряженности.

Стороны признали, что складывающаяся в настоящее время обстановка в Европе благоприятствует созыву общеевропейского совещания с участием США и Канады, и намерены принять меры, чтобы ускорить проведение такого совещания.

В коммюнике отмечено наличие общих элементов в позициях сторон относительно сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе.

Нормализация отношений между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германии на основе полного равноправия, отсутствия дискриминации, взаимного уважения независимости и самостоятельности каждого из обоих государств в делах, касающихся их внутренней компетенции, в их соответствующих границах представляется сегодня возможной и имеющей большое значение, говорится в коммюнике.

Стороны высказались за расширение связей между СССР и ФРГ в самых различных областях.

Итоги встречи между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Федеральным канцлером ФРГ В. Брандтом восприняты международной общественностью как новый важный вклад в решение насущных проблем мира и безопасности в Европе.

На снимке: во время беседы Л. И. Брежнева и В. Брандта.

Фото ТАСС.

дается не один комплекс, а сразу три. Центр тяжести в развитии производительных сил перемещается, таким образом, все дальше и дальше на восток.

Большие задачи поставлены и перед Советским Дальним Востоком. Должны быть пущены первые агрегаты на Зейской ГЭС и Приморской ГРЭС. Начнется сооружение нового нефтеперерабатывающего завода. Будет укрепляться материально-техническая база рыбной промышленности, увеличатся мощности судоремонтных предприятий, подвергнутся реконструкции морские порты и причалы.

Вопрос. Что показал опыт освоения Западной Сибири? Какие возникли тут сложности?

Ответ. Любой район является сложным организмом, и в условиях быстрых темпов развития нашей экономики в нем возникает много проблем. Тем более это относится к такому огромному, быстрорастущему экономическому району, как Западная Сибирь. Ряд сложностей в его освоении вызван исторически сложившимися условиями, например, тем, что некоторые отрасли тяжелой промышленности возникли в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов в результате перебазирования предприятий на восток, а другие взаимосвязанные отрасли хозяйства в силу ряда причин не могли получить такого же развития. Значит, сейчас есть необходимость развивать их более быстрыми темпами. В первую очередь это относится к промышленности строительных материалов и строительной индустрии. Поэтому она и некоторые другие отрасли, как это и предусмотрено в Директивах XXIV съезда КПСС, будут развиваться опережающими темпами.

Размещение промышленности в Западной Сибири до сих пор осуществлялось главным образом в таких городах, как Новосибирск, Кемерово, Омск, Томск, Барнаул и в других крупных центрах, где имелись необходимые предпосылки и трудовые ресурсы. В настоящее время в связи с тем, что эти города уже насыщены промышленностью, принимаются меры по преимущественному строительству новых предприятий в малых и средних городах.

В новой пятилетке большое внимание уделяется проблемам транспорта в Сибири и на Дальнем Востоке. Строительство новых транспортных магистралей в районах Сибири будет способствовать развитию здесь производительных сил, совершенствованию хозяйственных связей вновь осваиваемых территорий с обжитыми районами страны.

Мероприятия по решению этих и других сложных проблем дальнейшего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока предусмотрены в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану на 1971—1975 годы. Ряд вопросов будет решаться и за пределами 1975 года. Над ними продолжают работать плановые органы. В этом — решающее слово за плановыми органами СССР и Российской Федерации, Советом по изучению производительных сил Госплана СССР, Сибирским отделением и Дальневосточным филиалом Академии наук СССР. Л. И. Брежнев подчеркнул особое значение науки: «Ведь речь идет о подлинно научном подходе к освоению огромных территорий Российской Федерации — о подходе, который сочетал бы решение актуальных задач сегодняшнего дня с учетом отдаленных перспектив развития страны».

Вопрос. Последний вопрос — обеспечение восточных районов кадрами.

Ответ. Это вопрос первостепенной важности, непосредственно связанный с дальнейшим развитием экономики Сибири и Дальнего Востока. Для его решения партия и правительство выделяют огромные средства.

За 1966—1970 годы только в Дальневосточном экономическом районе было открыто пять высших и двенадцать средних специальных учебных заведений. В годы новой пятилетки будет открыто еще пять вузов и столько же техникумов. Общее число специалистов с высшим и средним специальным образованием на тысячу работающих в 1970 году по сравнению с 1965 годом увеличилось на 53,3 процента при общем росте по РСФСР на 41 процент. В Сибири и на Дальнем Востоке будет открыто 140 профтехучилищ. Принятые меры позволят наиболее полно обеспечить кадрами — специалистами и квалифицированными рабочими — развивающееся народное хозяйство Дальнего Востока.

Принимаются меры по улучшению культурно-бытовых условий в этих районах.

За последние 20 лет жилищный фонд в городах и рабочих поселках Дальнего Востока увеличился в 3, в Западной Сибири — в 3,6, в Восточной Сибири — в 3,7 раза.

В истекшей пятилетке в соответствии с Директивами XXIII съезда партии на Дальнем Востоке были осуществлены меры по повышению уровня жизни населения: снижены розничные цены, введен повышающий коэффициент к заработной плате рабочих и служащих ряда отраслей, расширены льготы для работающих на Крайнем Севере и в местностях, приравненных к нему, установлены льготы для работников, направляемых на восток страны в порядке переселения. Это способствовало привлечению и закреплению кадров.

В Директивах XXIV съезда КПСС предусматривается дальнейшее повышение уровня жизни трудящихся в районах Сибири и Дальнего Востока. Повышение минимума заработной платы, ставок и окладов среднеоплачиваемых работников отраслей материального производства будет проводиться, начиная с восточных районов страны.

Предусмотрено повысить оплату труда путем введения повышающих коэффициентов к заработной плате рабочих и служащих предприятий и организаций, расположенных в Западной Сибири, для которых эти коэффициенты в настоящее время не установлены. Будут повышены действующие коэффициенты к заработной плате работников некоторых отраслей в ряде районов Дальнего Востока и Восточной Сибири. Директивы XXIV съезда КПСС предусматривают всемерное ускорение жилищного и культурно-бытового строительства в восточных районах страны.

Быстрейшее освоение Сибири и Дальнего Востока — всенародное дело!

В ИНТЕРЕСАХ ВСЕХ НАРОДОВ

Владимир **НИКОЛАЕВ**

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Выдвинутая XXIV съездом КПСС развернутая программа борьбы за прочный мир и коллективную безопасность, за международное сотрудничество и взаимопонимание, за свободу и независимость народов с каждым днем завоевывает все новые миллионы сторонников во всем мире. Развитие событий на международной арене и основные тенденции, определяющие это развитие, убедительно говорят о том, что эта программа успешно осуществляется сегодня на практике.

Да, именно по инициативе Советского Союза предпринимаются одна за другой важные внешнеполитические акции, которые отличаются конструктивным и конкретным характером. Вот лишь наиболее крупные из таких последних акций: советско-египетский Договор о дружбе и сотрудничестве, Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Республикой Индией, четырехстороннее соглашение по вопросам, относящимся к Западному Берлину, и другие. Насущные задачи борьбы за мир и безопасность были обсуждены на дружеской встрече руководящих деятелей братских стран в Крыму.

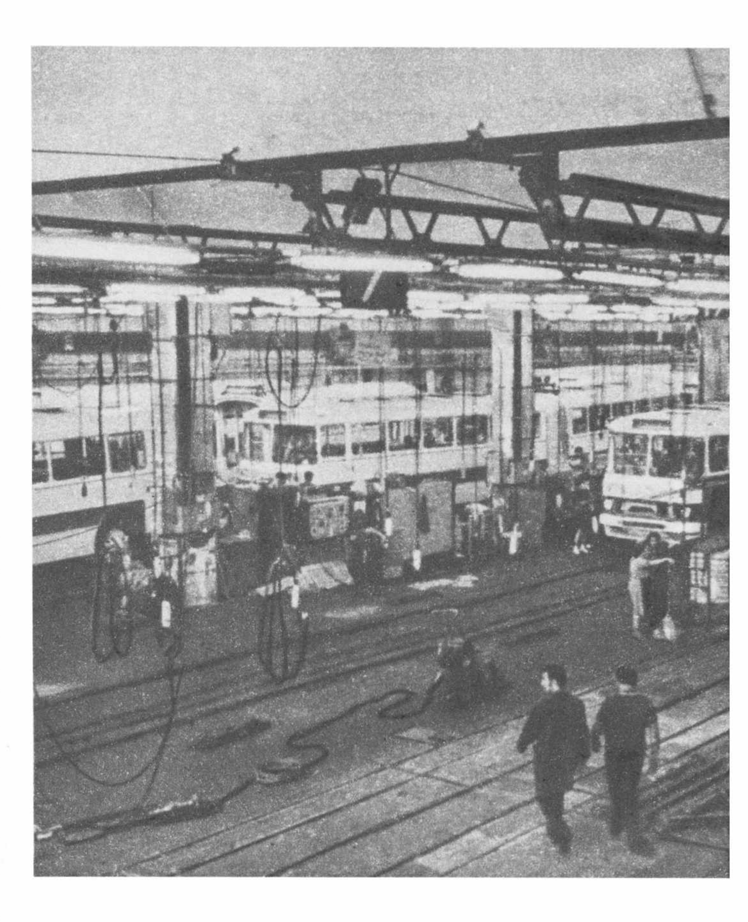
Только что завершился визит в Советский Союз канцлера ФРГ Вилли Брандта. Во время этого визита состоялся ряд бесед между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Федеральным канцлером В. Брандтом. В коммюнике об этой встрече отмечается, что беседы носили деловой и откровенный характер и проходили в атмосфере взаимопонимания. При этом подчеркивается первостепенное значение для настоящего и будущего отношений между обоими государствами договора, подписанного Советским Союзом и Федеративной республикой 12 августа 1970 года. В коммюнике выражается уверенность в том, что вступление в силу договоров между СССР и ФРГ, а также между ПНР и ФРГ позволит обеспечить решительный поворот в отношениях между названными странами и послужит упрочнению мира в Европе.

Одна из актуальнейших международных проблем современности — вопрос об укреплении безопасности и развитии сотрудничества на европейском континенте — является предметом неустанного внимания и заботы Советского правительства. В коммюнике о встрече между Л. И. Брежневым и В. Брандтом говорится, что важное место в беседах заняли вопросы подготовки совещания по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе. Складывающаяся сегодня обстановка в Европе благоприятствует созыву такого общеевропейского совещания с участием США и Канады. В коммюнике также отмечается, что в настоящее время представляется возможной и имеющей большое значение нормализация отношений между ГДР и ФРГ.

Открытие очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН приобретает еще более важное значение в связи с новой инициативой Советского Союза. Наша страна предложила включить в повестку дня сессии в качестве важного и срочного вопрос «О Всемирной конференции по разоружению». Надо отметить, что сегодня и это советское предложение звучит еще более актуально и конструктивно, чем когда-либо ранее. Оно звучит именно так благодаря нашему упорному и последовательному проведению в жизнь ленинских принципов советской внешней политики, ленинской программы борьбы за прочный мир, принятой XXIV съездом КПСС. Вопрос «О Всемирной конференции по разоружению» возник не на пустом месте. Это предложение исходит из того, что заключенные за последние годы международные договоры в известной мере ограничивают масштабы гонки вооружений, прежде всего ядерных. Начало положено. Пусть впереди еще немало трудностей, но, как говорится, прежде чем начать любой путь, надо сделать первый шаг.

Мирная инициатива Советского Союза, последовательный курс нашей страны на развитие и укрепление международного сотрудничества обретают все бóльшую созидательную силу, завоевывают все более широкую популярность. Именно в этом свете надо рассматривать предстоящие визиты Л. И. Брежнева в Югославию и Францию, А. Н. Косыгина — в Канаду и Алжир, Н. В. Подгорного — в Демократическую Республику Вьетнам.

Советский народ и народы братских стран социализма, широкие прогрессивные силы во всем мире горячо одобряют и активно поддерживают внешнюю политику Советского Союза. Говоря о решениях XXIV съезда КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «Мы вместе со своими друзьями и союзниками при поддержке огромного большинства трудящихся масс во всем мире будем последовательно и твердо отстаивать выдвинутые съездом предложения. Мы убеждены, что это отвечает интересам советского народа, всех народов земли».



СЭВ — В ДЕЙСТВИИ

АЛЮМИНИЙ

Имре КОКАИ,
венгерский журналист

Слово «интеграция» значит объединение. О социалистической интеграции сегодня в Венгрии говорят все: министры и рабочие, хозяйственники и директора предприятий, виноделы и модельеры. Потому что сегодня все понимают, что успех каждого труженика, каждого предприятия во многом зависит от того, насколько успешно будет воплощаться в жизнь тот план объединения усилий братских стран, который на официальном языке называется Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ.

И хотя речь идет о документе хорошо известном, все же нелишне еще раз поговорить о нем. В Комплексной программе показано, как можно преодолеть препятствия, стоящие на пути развития небольшой страны, возникающие в силу ее относительно скромных экономических ресурсов. Этот документ наглядно показывает, какие огромные возможности заложены в международном разделении труда, в социалистической экономической интеграции.

Венгрию по запасам сырья считают одной из самых бедных стран в Европе. Единственное, чем щедро наделила природа наши недра,— это бокситы, сырье, из которого получают алюминий. Но для его выплавки требуется много электроэнергии. А ее у нас недостаточно. Это многие годы тормозило развитие алюминиевой промышленности. Положение изменилось после подписания в ноябре 1962 года советско-венгерского соглашения о сотрудничестве в области производства глинозема и алюминия. В 1975 году мы поставим в Советский Союз 240 тысяч тонн глинозема. Весь выплавленный из него алюминий целиком будет использоваться в различных областях венгерского народного хозяйства или пойдет на экспорт.

Еще в недавнем прошлом пейзаж отдельных местностей менялся очень медленно, в редких случаях одно и то же поколение было свидетелем больших перемен. В наши дни размах строительства, большие геологические открытия поистине со сказочной быстротой вносят поправки в экономическую географию и изменяют пейзаж того или иного края. Именно такой процесс идет сейчас в Западной Венгрии у подножия гор Баконь. Здесь рядом со старыми вступают в строй новые шахты, где добывают бокситы.

Вот что рассказал директор предприятия Иожеф Канижаи, который находится на этом посту уже 17 лет:

— К 1975 году мы должны добывать более двух миллионов тонн бокситов. Чтобы добиться такого увеличения производительности, мы должны позаботиться о техническом развитии производства и дальнейшей механизации работ. На это ориентируются и геологи. Должен сказать, что геологи славно поработали. Скоро вступят в строй две шахты, которые дадут полтора миллиона тонн бокситов в год. Одна из них, «Халимба 3-я», станет самой большой и самой глубокой бокситной шахтой в Средней Европе. Правда, глубокое залегание рудного пласта, карстовые воды, а также угольный пласт, который грозит пожаром, задают специалистам немало головоломок. Однако мы уверены, что спра-

В цехе будапештского завода «Икарус».

Фото К. Эстергай.

И АВТОБУСЫ

вимся со всеми трудностями. Я хотел бы поблагодарить наших советских друзей с Урала, которые помогли нам решить многие проблемы, связанные с присутствием карстовых вод.

Венгрия располагает всеми условиями для быстрого увеличения добычи бокситов и переработки их в глинозем, а Советский Союз может перерабатывать колоссальные количества глинозема, используя дешевую электроэнергию. Таким образом, Советский Союз по этому соглашению получил возможность косвенно экспортировать электроэнергию. Итак, для Советского Союза соглашение выгодно потому, что загружаются свободные производственные мощности, а Венгрии оно выгодно еще и потому, что средства, которые пришлось бы потратить на строительство энергетической базы, теперь идут на сооружение бокситовых шахт, расширение производства глинозема и алюминиевых полуфабрикатов, а также на производство автобусов, о которых пойдет речь во второй части нашего репортажа.

Недавно принят четвертый пятилетний план завода «Икарус», который предусматривает выпуск 41 800 автобусов, из них 22 тысячи — для Советского Союза.

— Какие для этого имеются возможности?

На этот вопрос отвечает заведующий производством завода «Икарус» Густав Кламба.

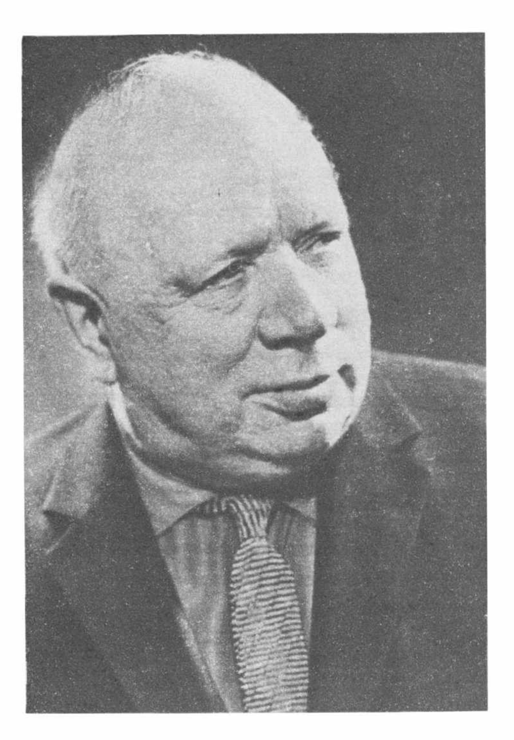
— Наш завод связан с двумястами отечественными и зарубежными предприятиями. Этим связям предстоит крепнуть и совершенствоваться. Поскольку СЭВ поручил Венгрии, вернее, заводу «Икарус», производство автобусов длиною в 11 и более метров, все заинтересованные социалистические страны будут работать на «Икарус».

Советский Союз с 1969 года поставляет амортизаторы для моторов машин, которые он же и закупает. Из Чехословакии поступают различные узлы, осветительная аппаратура. ГДР, куда мы до сих пор поставляли 1 300—1 500 автобусов в год, а за IV пятилетку поставим 8 400 автобусов, делает отличные сиденья для водителя. Со второй половины этого года на всех автобусах будут устанавливаться эти сиденья. Польша начнет поставки электромоторов для стеклоочистителя. Польша сама имеет автобусное производство. Сейчас ведутся переговоры о кооперировании наших стран в этой области.

В течение трех лет завод поставит Советскому Союзу 2 400 автобусов сверх плана, намеченного IV пятилеткой, в обмен на материалы, оборудование и другие товары, которые будут способствовать развитию нашей отечественной промышленности. Такого рода связи способствуют ускорению капитального строительства. В известном смысле это затрагивает и интересы завода «Икарус», поскольку современное автобусное производство, требующее большого количества разнообразных материалов, непосредственно зависит от уровня развития других отраслей промышленности.

Завод одним из первых в стране попросил кредит в банке СЭВ. Завод потратит кредит в 12,7 миллиона рублей (а его выдача в принципе уже решена) на механизацию производства, которая позволит поднять производительность труда. Мы закупим специальное сварочное оборудование для отделки автобусов и многое другое, что позволит нам сократить сроки и затраты труда, поможет избавиться от ручных операций.

Так выглядит СЭВ в действии.



ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

Не стало истинно народного поэта, невосполнимая утрата постигла всю нашу многонациональную литературу — умер Александр Андреевич Прокофьев.

Многие десятилетия звучал неповторимый, чистый и звонкий голос выдающегося певца новой, социалистической России, славившего в чеканных строках песенной поэзии духовную красоту советского человека, коммунистическую новь, матерински родную русскую природу. Образ России, ее великого народа был любимейшим и заветным в радостной творческой работе писателя. Как здесь не вспомнить начальные, пронзительные строки прокофьевской поэмы военных лет «Россия», ставшие с той суровой поры знаменитыми:

> Сколько звезд голубых, сколько синих,
> Сколько ливней прошло, сколько гроз.
> Соловьиное горло — Россия,
> Белоногие пущи берез.

Александр Андреевич через всю свою жизнь пронес верную любовь к русскому слову, к неисчерпаемым родникам народного поэтического творчества. Вот почему стихи его льются, как раздольные русские песни, от них, так внятно родное припомнивших, щемит сердце, рождаются милые образы отчего края с его лесами и полями и приветливым небом над ним.

Александр Прокофьев, как поэт и гражданин, был рожден революцией и советской эпохой. Коммунист с 1919 года, интернационалист-ленинец, он принимал участие в защите революционного Петрограда от белых банд Юденича, активно участвовал в обороне Ленинграда в Великую Отечественную войну, был виднейшим деятелем нашей социалистической культуры.

Вспоминая свое выступление на Первом съезде писателей, он снова повторит через три десятка лет, «что многих советских писателей, в том числе и меня, привел в литературу наш советский строй, что долг перед этим строем у нас громаден». Вот почему для него, сына и певца русского народа, естественно, кровно родственно и более широкое, братское понятие — советский народ. И, верно, поэтому он был так близок читателям всех наших республик, на языки которых были переведены его стихи. Наверное, поэтому же он не жалел щедрого таланта своего, когда так активно и на протяжении многих лет, как блестящий переводчик, знакомил русских читателей с крупнейшими достижениями поэтов братских литератур.

Александр Андреевич был в жизни счастлив любовью и доверием народа, родной партии и правительства. Почитателей его громадного поэтического дарования можно встретить во всех уголках страны. Творчество его получило высокое признание: его стихи и поэма военных лет «Россия» удостоены Государственной премии СССР, а за сборник стихов «Приглашение к путешествию» он был удостоен Ленинской премии.

Высокие заслуги Александра Прокофьева, поэта-патриота, поэта-воина, перед Советским государством отмечены многими трудовыми и боевыми орденами Родины. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Прощаясь с выдающимся поэтом-коммунистом, помимо слов скорби и печали, хочется сказать слова глубокой веры в нетленность творческого завещания Александра Андреевича Прокофьева, хочется снова и снова войти в радостный, красочный, неистребимый мир прокофьевской поэзии.

Владимир ФИРСОВ

Выступает мастер укладочного участка А. Н. Линьков.

РЕПОРТАЖ С РАБОЧЕГО СОБРАНИЯ ВЕДУТ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» А. ГОЛИКОВ И Е. УМНОВ.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Замоскворечье. Прославленный на всю страну завод имени Владимира Ильича. Кончилась смена, но рабочие не расходятся. Многолюдно в широком пролете цеха сборки моторов. К столу подходит невысокий, седой человек. Это мастер Александр Александрович Селезнев. На заводе — полвека.

— Такая уж у нас сложилась традиция,— говорит Александр Александрович,— обговаривать все самое важное, самое главное всем народом прямо в цехе, у рабочих мест. Вот и сейчас пришли мы, чтобы обсудить постановление ЦК КПСС об экономическом образовании.

Собрание открывает председатель цехового комитета технолог Анатолий Михайлович Томин, и сразу поднимается несколько рук — желающих выступить много. Заместитель старшего мастера сборочного участка цеха Петр Григорьевич Емельяненко горячо говорит о том, что задачи девятой пятилетки, определенные историческими решениями XXIV съезда КПСС, предусматривают высокий темп всестороннего развития народного хозяйства. Осуществление грандиозных планов зависит от каждого из нас, от того, как каждый рабочий на своем месте выполняет порученное ему дело. Отдача будет тем больше, чем выше чувство ответственности, чем грамотнее, лучше человек экономически подкован.

Экономические знания повысят творческую инициативу наших рабочих. Позволят им с большим успехом выполнять социалистические обязательства. Каждый работник нашего цеха записал: выполнить пятилетку за четыре с половиной года. И слова не расходятся с делом.

Одним словом, чтобы ясно себе представлять каждый пункт своего социалистического обязательства, рабочий должен знать заранее, что же это даст производству, какова будет выгода. Предстоит нам всем научиться считать каждый рубль, вести строгий учет материалов. Тут опять нужны экономические знания. В нашем цехе будут созданы две школы: школа основ экономических знаний — это для нашего руководящего состава — и школа коммунистического труда — для рабочих.

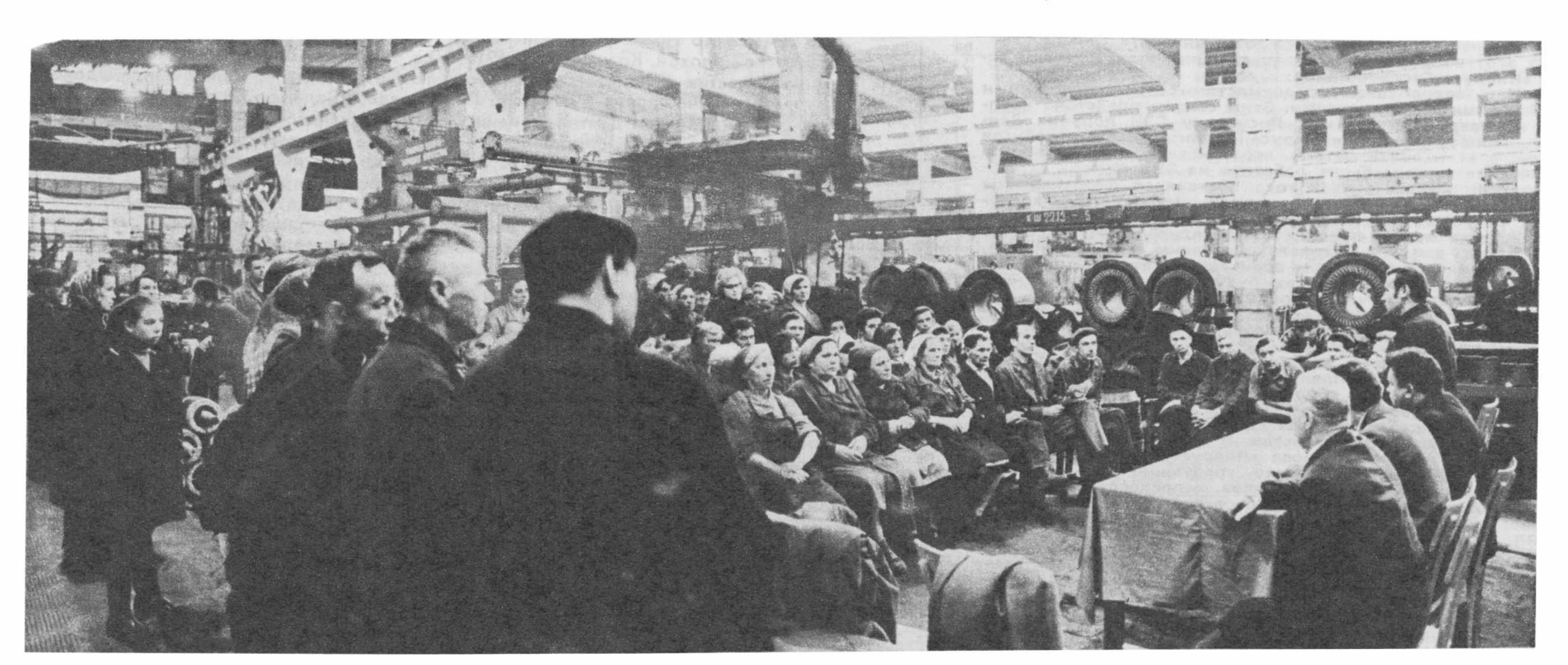
Слово берет мастер укладочного участка Анатолий Нефедович Линьков. Его волнует, как сделать, чтобы экономическая учеба помогла повысить эффективность производства на их участке. Хорошо бы сделать конкретные расчеты, например, как экономически будет «выглядеть» досрочное освоение нового оборудования. Лаковар Яков Ильич Соколов считает: экономическая учеба должна непременно сочетаться с воспитанием, особенно у молодежи, бережного отношения к социалистической собственности.

С большим вниманием слушают собравшиеся выступление заместителя директора завода по экономическим вопросам Григория Ивановича Дудко. Он говорит, что у ильичевцев есть уже неплохой опыт экономического обучения руководящих работников предприятия. На заводе более десяти лет работает народный университет новой техники и экономики. На экономическом факультете читают лекции крупные ученые и опытные преподаватели экономических вузов. В народном университете занимаются также заводские изобретатели и рационализаторы. И это принесло свои плоды! За минувшую пятилетку завод дал сверхплановой товарной продукции на несколько миллионов рублей, 2,5 миллиона рублей позволили сэкономить предприятию изобретения и рационализаторские предложения наших рабочих и инженеров.

Собрание закончилось, но разговор по душам продолжается. Люди с гордостью говорят о своей партии, о своей Родине. Ведь только социалистическое общество, кровно заинтересованное в развитии подлинной демократии, в самом широком привлечении трудящихся к управлению, может глубоко, по-деловому подходить к повышению сознательности, образованности широких масс трудящихся.

«Наш долг,— отмечал товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— еще полнее претворить в жизнь ленинские заветы, добиться того, чтобы все рабочие, колхозники, интеллигенция стали сознательными борцами за осуществление экономической политики партии, действовали как государственные люди, в полной мере проявляя свои способности, инициативу, хозяйственную сметку».

Ильичевцы обсуждают постановление ЦК КПСС «Об улучшении экономического образования трудящихся».



РОЖДЕННАЯ В ПЛАМЕНИ

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

В условиях сверхвысоких температур и давлений, в немыслимом огне является на свет сверхтвердый кристалл алмаза. Так же, в огне ожесточенных сражений начала Великой Отечественной войны, родилась гвардия — гордость советского народа, цвет Советской Армии.

Вся страна широко отметила славную годовщину.

На снимках: гвардейцы-артиллеристы — защитники Москвы повторяют за своим командиром полковником Михаилом Кикнадзе слова гвардейской клятвы.

26 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ МАШИНОСТРОИТЕЛЯ

ГИГАНТСКИЙ «МАЛЫШ»

Экскаватором вроде никого нынче не удивишь. Но этот вызывает и восторг и удивление: до того велик.

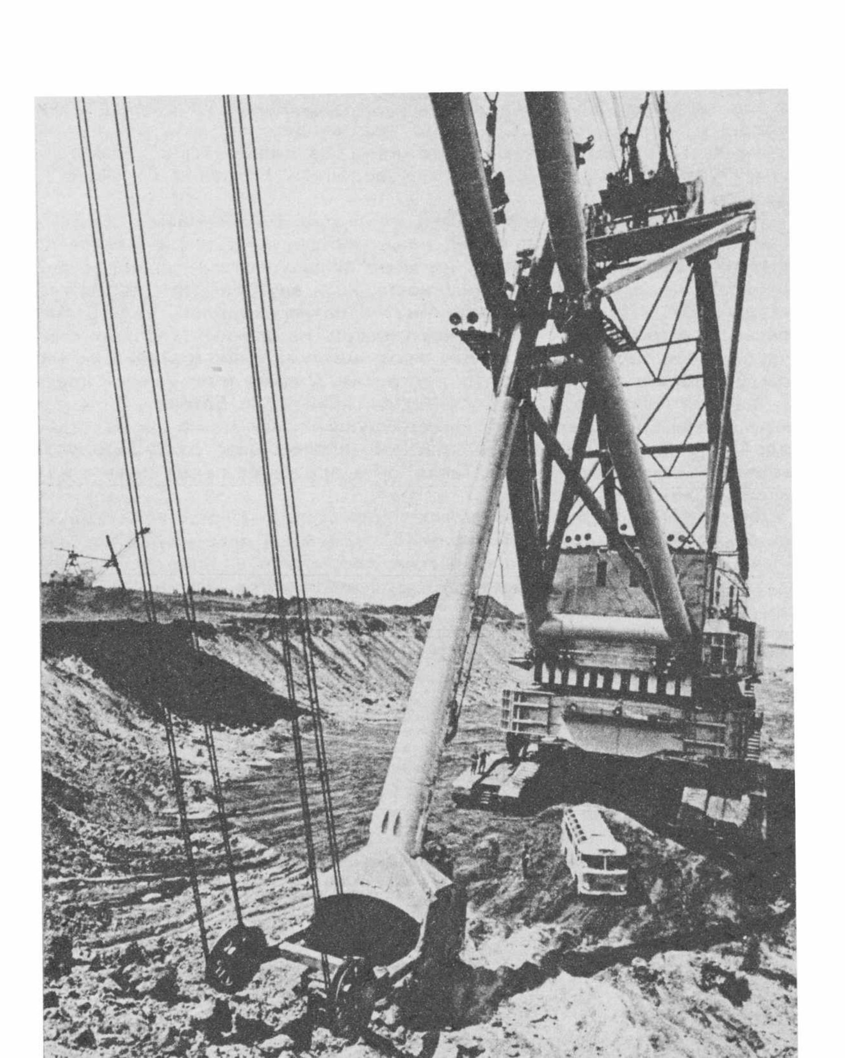
— Вон там он, наш «малыш»,— показал рукой мой собеседник — инженер.

Я посмотрел в ту сторону, где маячила длинная шея экскаватора ЭВГ-35-65. «Малыш» внушал почтение даже издали, а когда я подошел ближе, то просто не смог охватить его взглядом. Вблизи его можно было рассматривать лишь по частям. Кабина находилась где-то на высоте крыши четырехэтажного дома и напоминала хорошо обжитую комнату. Застекленный пульт управления машиниста выдавался вперед, как рубка самолета, обнаруживая великолепный обзор. Слева — рации («Можем через АТС даже с Москвой поговорить», — заметил кто-то из экипажа). Справа, как в такси,— счетчик, показывающий, сколько вынуто ковшей породы. Трехконфорочная электрическая печь, часы, вентилятор, красный уголок, лифт — и вверх и вниз. Есть еще один пульт — внизу. Когда требуется переехать на новое место, машина управляется с этого нижнего пульта.

...Где-то в чреве экскаватора глухо и мощно загудели электромоторы — пошла работа. Гигант легко поворачивался вокруг своей оси и с каждым поворотом уносил за добрую сотню метров 35 кубов грунта. Через 70 секунд поворот повторялся, и через час слева от ЭВГ уже высилась гора рыжей глины.

ЭВГ — самый мощный экскаватор не только здесь, в Черемховском угольном бассейне, откуда я веду этот микрорепортаж, но и во всей стране и даже на целом континенте. Конструкторы и рабочие Новокраматорского завода специально изготовили его для Черемхова. Экскаватор заменяет 15—16 тысяч землекопов.

Ю. ЛУШИН
Фото автора.



АКАДЕМИКИ

Ник. КРУЖКОВ

Уже в двадцатых годах появилась в газетах и журналах загадочная фамилия — Кукрыниксы. «Придумают тоже,—говорили в публике,— век такую фамилию не запомнить, язык сломаешь». Но смешные, злые или добродушно-веселые карикатуры и шаржи, отмеченные особым почерком, все более привлекали к себе внимание, а под ними стояла та же подпись: Кукрыниксы.

Помню, как в самом начале тридцатых годов в «Правде», где я тогда работал, художники Кукрыниксы появились неожиданно, как небесное видение. Еще были живы Дени, Моор. По сравнению с ними Кукрыниксы казались мальчиками: даже самый высокий из них, Михаил Куприянов, прикрывавший мальчишеский, озорной взгляд толстыми стеклами очков и отличавшийся басовитым голосом, выглядел непростительно молодо.

В ту пору партия боролась за оздоровление железнодорожного транспорта, и «Правда» уделяла этому делу большое внимание. Кукрыниксов решили, как тогда выражались, «бросить на транспорт». Прошло почти сорок лет с тех пор, но я и сейчас помню их карикатуры, развившие разгильдяев, лодырей, простофиль, бездельников. Коллективное имя Кукрыниксы загремело по всему транспорту да и по всей стране.

Известно, Кукрыниксы — прославленные, превосходные карикатуристы. Но сказать так, значит, сказать только о части их творчества, ибо оно многообразно и многослойно. Еще совсем молодыми художниками они приняли участие в оформлении пьесы Владимира Маяковского «Клоп», дав острую серию сатирических акварельных эскизов.

Они заявили о себе как отличные иллюстраторы Н. Гоголя, А. Чехова, М. Горького, М. Сервантеса, М. Салтыкова-Щедрина. Их кисти принадлежат вошедшие навсегда в историю советской живописи жанровые картины. Они не только графики, карикатуристы, но и живописцы-станковисты. Их портретные работы заслуживают самого высокого признания. Истинный талант во всех своих гранях отсвечивает драгоценностью. Истоки их творчества идут и от Оноре Домье, и от Валентина Серова, и от Бориса Иогансона, и от Николая Крымова. Но Кукрыниксы не остались покорными учениками, подражателями и копистами. Оттолкнувшись от узнанного и понятого, они пошли вперед по своему пути.

Очень хорошо сказал М. В. Нестеров, высоко ценивший их искусство: «Кукрыниксы талантливые карикатуристы, а Куприянов, Крылов, Соколов талантливейшие художники-живописцы».

Полувековая творческая дружба художников, слившихся в единый коллектив,— явление не только редкое, а пожалуй, даже исключительное. Всякий, кто знаком с Куприяновым, Крыловым и Соколовым, сразу почувствует в них любящих и уважающих друг друга друзей-товарищей.

Прекрасное, великолепное содружество! Начав свой совместный творческий труд почти мальчиками, они сохранили свой коллектив, можно сказать, до седых волос. Трудно представить, что каждому из этих замечательных художников уже под семьдесят. Но это правда, и от нее никуда не денешься. Давно уже Кукрыниксы удостоены звания народных художников СССР, давно уже академики, пять раз они награждались Государственными премиями за политические плакаты и карикатуры, за иллюстрации к произведениям Чехова и Горького, за картину «Конец».

И вот перед нами репродукции их картин. Каким живым, до удивления похожим предстает перед нами портрет Владимира Маяковского кисти Николая Соколова! Я не знаю лучшего портрета, более верного, схватившего не только внешность, но и внутреннюю суть кипучей натуры поэта «горлана-главаря». Мне не раз приходилось видеть Маяковского, встречаться с ним, присутствовать на шумных диспутах с его участием. Он разил своих противников метким, точно найденным словом. Взгляд его глаз был остр и неотразим. Сильны и по-мужски красивы были его широко развернутые плечи. Он носил ботинки 45-го размера и стоял на ногах твердо и несокрушимо. Голос его гремел канонадой. Это был могучий и прекрасный человек, поэт сокрушительной, творчески покоряющей силы. Таким он и предстает перед нами в картине Николая Соколова.

А вот девчушка, занимающаяся художеством. Перед ней тема натюрморта — синяя кружка и Буратино с кривым и длинным носом. Аленушка полна напряженного внимания, творчество ей дается с трудом. Автор этой милой, возбуждающей добрые чувства картины — Порфирий Крылов.

Михаил Куприянов любит пейзажи и зорко различает даже в малых деталях красоту природы. Его «Пристань вечером» рождает ту грустную и тихую печаль, которая дорога человеку. Без нее оркестр чувств будет неполон, как симфонический оркестр неполноценен без звучания скрипки.

Вот вам и самые злые на свете карикатуристы. Их мастерство многообразно, и в любой его части они большие искусники...

Точно охарактеризовал их работу как живописцев Б. Иогансон: «Кукрыниксы— ярчайшие представители художников-гуманистов, художников, страстно любящих свой народ, свою Родину... Пейзажи Кукрыниксов овеяны теплым лирическим чувством. Художники больших социальных тем, острой политической сатиры выступают как тончайшие поэты природы... Это их основное качество, и оно присуще всем трем художникам — Куприянову, Крылову, Соколову».

Академик Алексей Михайлович Грицай окончил Ленинградскую Академию художеств в 1939 году, защитил дипломную работу «Вручение акта на вечное владение землей». Было еще представлено три пейзажа. Скупой на похвалы К. Юон отозвался о работах молодого художника весьма одобрительно.

Алексей Михайлович многообразен в своем творчестве: портрет, жанр, большое тематическое полотно — все ему доступно. Но больше всего ему полюбились пейзажи — те милые его сердцу картины русской природы, которые рождают теплые чувства любви к Родине и несут в себе патриотический заряд. Он очень хорошо выразил свое отношение к собственному творчеству: «Перед каждым только что натянутым, чистым холстом я всякую минуту думаю, что напишу самую прекрасную свою картину... Но оказывается, сама работа дороже всего на свете!»

Какие верные слова, какое высокое отношение к творчеству!

Ученик Исаака Израилевича Бродского и Василия Николаевича Яковлева, учителей умных, требовательных, даровитых, он воспитал в себе упорство, трудолюбие, взыскательность. Есть у Алексея Михайловича работы, которые потребовали от него нескольких лет труда, многих предварительных эскизов и набросков. «Я работаю медленно,— говорил он.— В годы своей ранней молодости я думал, что главное — соблюсти точность натуры. Лишь позднее я понял, что требуется передать не только точность предмета, но — и в этом самое главное — свои чувства при виде пейзажа. Вероятно, я не так уж оригинален в этом суждении, но без него художник навсегда останется только копиистом». Много времени проводит Алексей Михайлович на этюдах. Вот и сейчас, когда пишутся эти строки, он только вернулся из своей поездки от Серпухова до Каширы. Когда я попросил художника показать привезенные из поездки работы и рассказать о том, над чем он работает, он, смеясь, ответил: «Не могу, я человек суеверный. Что получится, я еще не знаю. Завершенность приходит не сразу, а рождается в результате тяжелого, упорного труда». Это уж от Исаака Бродского, который требовал от художника каждодневного труда. «Только так и можно постичь технику трудного живописного мастерства».

Алексей Михайлович — отличный портретист. Его портреты академиков Н. Н. Семенова и М. А. Павлова полны выразительности. Портреты не только верны внешне, они изображают мысль, глыбы мыслей, сконцентрированные в образах героев портрета.

В квартире художника висит портрет жены с сыном. Картина эта была написана 17 лет тому назад. Она полна выразительности, тепла, я бы сказал, нежности, хотя все скромно в ней, лишено какой бы то ни было притязательности. Но тепло, наполняющее художника, как-то неприметно переливается в сердце зрителя, и вы ощущаете приязнь и к матери и к ребенку, словно вы их уже давно знаете и они ваши друзья.

Но пейзаж был и остается главной привязанностью художника. Он, прошедший сквозь огонь военных испытаний, опаленный им, навсегда полюбил тихую и нежную прелесть природы, которую беспощадно топтала и калечила война. Его картина «Пора весны», когда в утренней дымке встают еще не одевшиеся в листву березы, вызывает желание глубже вздохнуть, о чем-то призадуматься — о дорогом и нежном. Его «Половодье», в котором разлита водная ширь, а деревья стоят в воде, как свечи, зажженные утренним светом, его картина «Ива зацвела», знаменующая пробуждение жизни, его великолепные «Подснежники» у подножия голого еще осинника — все это произведения высокого мастерства, результат напряженного, раздумчивого наблюдения природы. За каждой из этих картин — тяжелый, иногда многолетний труд художника. «Пора весны», к примеру, создавалась шесть лет.

...На наших репродукциях мы видим «Апрельский вечер» Алексея Грицая — картину, от которой веет свежим ветром, в ней чувствуется пронзительная сырость и явственно видно, как падает прошлогодний, чудом уцелевший лист. А вода то синяя, то голубоватая, то темная, в зависимости от того, какое небо глядится в весенние воды! «Восход луны» — поэтическое произведение, создающее настроение доброе, душевное: окончился трудовой день, крестьянин накосил сено, и бодро бежит лошаденка по проселку, а за телегой поспешает жеребенок — «милый, милый, смешной дуралей».

Дмитрий Свешников, член-корреспондент академии, может с полным правом быть назван певцом Севера. Он, поселившись в Архангельске, много месяцев проводит в тундре, полюбив уклад тамошней жизни, живущих там людей, живописность их лиц, блеклые и прелестные в своей скромности краски далекого Севера. В картине «Трудные годы» мы видим ненецкую семью, удрученную каким-то постигшим ее несчастьем: может быть, пали олени, кормильцы и поильцы жителей тундры, может быть, кто-нибудь умер из родных. И люди печальны, печально небо, и сумрачна суровая земля.

Творчество наших академиков — живое свидетельство силы советского изобразительного искусства. Оно глубоко реалистично, тесно связано с жизнью, рождает мысль, исповедует идеалы, благородные и честные.

Н. Соколов. ПОРТРЕТ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО.

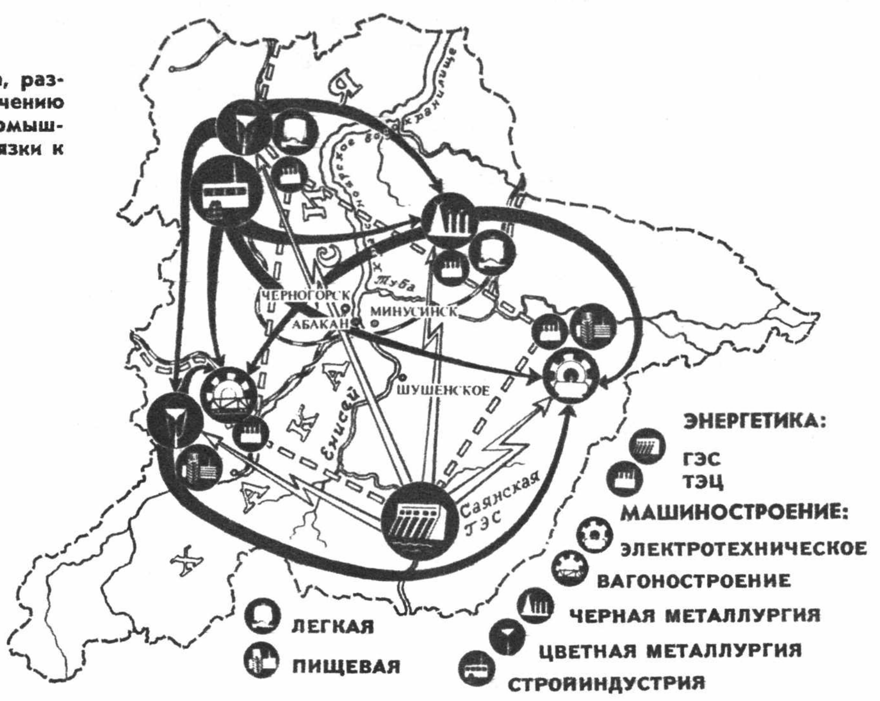
X Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

П. Крылов. АЛЕНУШКА.

Х Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

М. Куприянов. ПРИСТАНЬ ВЕЧЕРОМ. ГЕНИЧЕСК.

Схема Саянского комплекса, разработанная Советом по изучению производительных сил. Промышленные узлы даны без привязки к территории.



ОГОНЁК В СИБИРИ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. ГОСТЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

САЯНСКИЙ КОМПЛЕКС

I
НАЧАЛО

Утром 6 августа 1971 года в ровном поле за тихой, заросшей камышами речкой Ташебой, что под Абаканом, экскаваторщики Владимир Шалганов, Анатолий Пинтусов и Василий Лыскин вынули первые кубометры грунта. Так началось сооружение Абаканского вагоностроительного завода, входящего в состав Саянского комплекса, того самого, о котором говорится в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану. Об этом событии писали газеты, о нем оповещало радио,— завод примерно той же значимости, что строящийся автомобильный в Набережных Челнах: в прошлом, 1970 году всеми отечественными заводами было выпущено 58,5 тысячи товарных вагонов. Проектная мощность одного Абаканского — 40 тысяч четырех- и восьмиосных вагонов и платформ в год!

Гигант вагоностроения — одно из слагаемых Саянского комплекса, позволяющее судить о его масштабах. Не уступит вагоностроительному, а может быть, и превзойдет его комплекс предприятий электротехнической промышленности. Он подымется на противоположном, правом, берегу Енисея, восемнадцатью километрами выше, под Минусинском. Важность его для бурно развивающейся энергетики Сибири и Дальнего Востока с мощнейшим в мире потенциалом Енисея, Лены, Ангары, Амура и богатейшими запасами углей трудно переоценить.

Итак, в наши дни закладывается фундамент крупного машиностроения там, где его не было. Почему же при подыскании места для него выбор пал на юг Красноярского края? Одна из главных причин — Саянская ГЭС, строящаяся в ста с лишним километрах от Абакана. На нее, как на краеугольный камень, и обопрется Саянский комплекс. Энергии, которая выработает уникальная по мощности ГЭС, хватит не только для машиностроения, энергоемкой черной и цветной электрометаллургии и выплавки алюминия в том числе, на базе которых будет здесь развиваться машиностроение. Третья примерно часть энергии пойдет в соседний Кузбасс, где уже сейчас испытывается ее недостаток.

Сырьевая база для развития металлургии под рукой: железная руда Хакасии и правого берега. Сейчас она перевозится в Новокузнецк, потом пойдет в электропечи Восточно-Сибирского металлургического комбината, из нее выплавят спецстали и ферросплавы. Что же касается цветных металлов, необходимых для электротехнической промышленности, то на красноярском юге их более чем достаточно. Ачинск снабдит глиноземом Означенский алюминиевый завод.

Пути сообщения? И они чрезвычайно благоприятно сложились здесь. Абакан и Минусинск стоят на перекрестке важных транспортных ходов — Енисея и Южсиба. И, кроме того, связаны железной дорогой с центром края и транссибирской магистралью.

Наконец, последний фактор, имеющий немаловажное значение: юг Красноярья — один из наиболее обжитых районов всей Сибири. По территории — шесть сотых края. А живет здесь примерно треть населения края. И это объяснимо. Минусинская котловина, лежащая на широте Курской и Саратовской областей, подобна драгоценной жемчужине в надежной оправе. С трех сторон — северо-запада, юга и востока — ее окружают горные кряжи Кузнецкого Алатау, Западного и Восточного Саянов, защищая от ледяных ветров Арктики и сжигающего зноя Средней Азии. Прибавьте к этому плодородные черноземы и каштановые почвы. И тогда никого не удивит, что в Минусинской котловине сосредоточено две пятых в крае посевов пшеницы великолепных твердых сортов, около 70 процентов садов и больше половины поголовья овец. Словом, благодатная земля, способная накормить своими плодами тружеников заводов, рудников и фабрик, как бы много их ни стало!

II
СИБИРСКИЕ МАСШТАБЫ

Между речным вокзалом и арочным мостом, перекинутым через Енисей, на вечном рейде у набережной Красноярска стоит любовно надраенный, тщательно отделанный речниками пароход «Св. Николай». 12 мая 1897 года на палубу «Св. Николая» поднялись, чтобы добраться до места ссылки, Владимир Ульянов, Глеб Кржижановский, Василий Старков...

— Мы гордимся тем, что у истоков Красноярской партийной организации стоял В. И. Ленин. Сибиряки свято чтут все, что связано с пребыванием Ильича на енисейской земле,— говорил в своей речи с трибуны XXIV съезда КПСС первый секретарь крайкома партии, Герой Социалистического Труда Владимир Иванович Долгих.

Золотыми буквами, вычеканенными на мраморе и металле, помечены десятки домов, улиц, мест, в которых бывал, по которым ходил, где отдыхал Ленин. Но лучшим памятником вождю в веках станет сама красноярская земля, этот чудесный край с большим будущим, преображенный по воле ленинской партии, разумом и усилиями сибиряков. О том, как это происходит, и рассказывал на встрече со мной первый секретарь крайкома.

На длинном столе не было ничего, только два листка, испещренных пометками.

— Вас интересует значение Саянского комплекса, удельный вес, место его в экономике края. Должен вам прежде всего сказать, что по степени зрелости, готовно-

Владимир Шалганов. Его экскаватор вынул первый ковш на площадке завода стального литья Абаканского вагоностроительного комплекса.

сти условий к осуществлению и актуальности он действительно идет сейчас у нас первым. Но Саянский комплекс — далеко не единственный в крае, таких комплексов, промышленных узлов или районов несколько.

Владимир Иванович Долгих подошел к задрапированной стене своего кабинета, нажал кнопку. Шторки раздвинулись, открыв для обозрения карты и схемы.

Вот оно, густой ветвью кедрача по голубому стеблю Енисея, лежит в центре Сибири Красноярье. Десятая часть Страны Советов. На площади, принадлежащей ему, без труда могут разместиться Великобритания, Греция, Испания, Италия, Франция, ФРГ...— крупнейшие капиталистические государства Европы. Богаты его недра, хранящие чуть ли не всю таблицу Менделеева. Геологически изучено только шесть процентов территории края, но и они, эти шесть процентов, открыли миру четыре тысячи рудопроявлений и месторождений. Бесценны сокровища его лесов. Плодородны пашни.

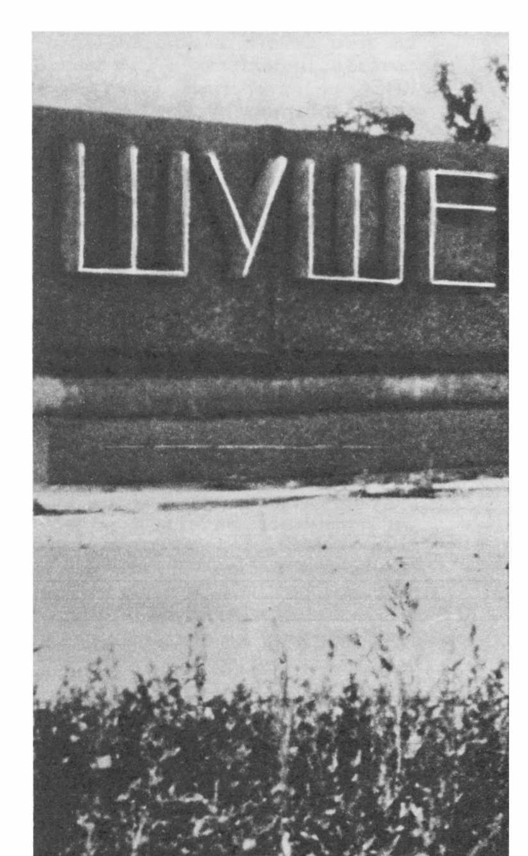
На другой схеме разбросаны гнездовья зеленых и красных прямоугольников. Зеленых больше всего в центре, вокруг Красноярска, и вдоль железной дороги Москва—Владивосток. Ими обозначено, что уже есть и работает. Красные прямоугольники в самом низу, на юге края, у Саян. Это — грядущее.

— В нашем крае шесть промышленных районов или узлов. Самый старый, раньше всех исторически сложившийся, Центральный.— В. И. Долгих обвел эллипс вокруг Красноярска.— Сам Красноярск—центр развитого машиностроения. Здесь строятся комбайны «Сибиряк» и краны, речные суда и морские лесовозы, телевизоры и пианино, холодильники и стиральные машины... Выпуск промышленной продукции в городе увеличился по сравнению с 1913 годом в 350 раз. Кроме того, в Центре сосредоточены химическая, деревообрабатывающая, угольная и легкая промышленность. Продолжает расти Красноярский алюминиевый завод. К западу от Центрального — Причулымский узел. Он сравнительно молодой, жизнь в него вдохнула Назаровская ГРЭС. Район еще недавно специализировался на переработке нефелиновых руд. Сейчас к нему присоединяется крупная нефтехимия, в Директивах записано: «Осуществить ускоренное строительство Ачинского нефтеперерабатывающего завода...»

— Канский район будет формироваться в последнюю очередь.— Указка переметнулась от Красноярска вправо к востоку и застыла чуть повыше на прихотливом изгибе своенравной Ангары возле Богучан.— Вот где весьма перспективный район! На базе Богучанской ГЭС, которая будет здесь построена, начнет развиваться мощнейший в Советском Союзе комплекс предприятий лесодобывающей и деревообрабатывающей промышленности с полным технологическим циклом. Тут, кроме того, колоссальные Ангаропитские месторождения железной руды, имеются цинк, свинец, золото, сурьма и поваренная соль. На Севере — Норильск, единственный в мире город с многоэтажными зданиями на вечной мерзлоте. Северный район с Норильским комбинатом, Хантайской ГЭС, лесокомбинатом Игарки и Дудинкой по удельному весу идет в крае вторым после Центрального. Как видите, в богатырскую компанию придется вступать Саянскому комплексу.

Владимир Иванович подошел к другому письменному столу, взял тоненькую белую брошюру.

— Партия и правительство проявляют огромную заботу о нашем крае. 11 июня, выступая перед избирателями Бауманского района Москвы, Л. И. Брежнев упомянул недавно принятое решение о мерах по комплексному развитию в 1971—1980 годах производительных сил Красноярского края. Тут содержится все, о чем мы могли только мечтать. Темпы роста промышленной продукции на девятую пятилетку предусмотрены в 1,6 раза. По ведущим отраслям — энергетике и цветной металлургии — в 2—3 раза. Мы должны будем производить 75—80 миллиардов киловатт-часов электроэнергии — десятую часть того, что вырабатывает страна сейчас. Все решение пронизано комплексным подходом к освоению природных богатств, сырьевых ресурсов и развитию обрабатывающих отраслей народного хозяйства. По такому пути мы уже идем. Взять, к примеру, нефелины. Перед нами задача не просто получить глинозем или алюминий, а прокат и даже готовые панели для строительства. Или лес. Лес — не только древесина и бумага, а в конечном итоге спирты и шины. Полностью



замкнутый цикл по всей отрасли — вот что характерно для Красноярского края. По этому принципу разрабатывался и формируется Саянский комплекс, которому предстоит стать одним из ведущих в крае. Так появится еще один центр машиностроения союзного значения. Он станет опорным для развития индустрии Восточной Сибири.

До избрания первым секретарем крайкома партии В. И. Долгих был директором Норильского металлургического комбината. История этого комбината началась еще при жизни Владимира Ильича Ленина, когда молодые геологи, искавшие каменный уголь, обнаружили на Таймыре залежи медных, никелевых и кобальтовых руд. В то время страна не имела возможности начать их эксплуатацию. Только в 30-х годах Советское правительство приняло решение о строительстве комбината. В трудную военную годину металлурги Норильска выдали первую тонну никеля. Сегодня комбинат производит много ценных металлов.

— Что практически дает опыт руководства Норильским комбинатом и освоения Крайнего Севера применительно к Саянскому комплексу, к его формированию? — спрашиваю я.

— Норильский комбинат—трудное, но замечательное, неповторимое предприятие. Несомненно, что опыт освоения Севера должен использоваться на юге. Если присмотреться к югу попристальнее, то напрашивается аналогия. Там тоже удачное сочетание различных условий и сырья. Осваивать их надо комплексно, это единственно правильное решение. Для Норильска в управлении сложным хозяйством характерна централизация. Только комплексное использование руды, концентрация управления в одном центре всеми рудниками, обогатительными фабриками, плавильными заводами, шахтами, дорогами, жилищно-культурно-бытовым и торговым строительством позволили в трудных условиях Севера достичь поразительного экономического эффекта и высоких темпов. В Саянском комплексе сырьевая база тоже многокомпонентная плюс региональные особенности. Саяны — это комплекс, конгломерат комплексов. Управлять им нужно будет с учетом всех современных требований. Главное — развивать хозяйство комплексно.

— История народного хозяйства страны располагает примерами создания крупных комплексов подобного масштаба. Когда в первой пятилетке закладывалась вторая металлургическая и угольная база — Урало-Кузбасс, была организована междуведомственная комиссия по координации всех работ. Возглавлял ее В. В. Куйбышев. Предполагается ли создание единого координационного центра на юге края? Тем более что тут сталкиваются не только интересы различных министерств и ведомств, но и территориальные — Хакасская автономная область и районы правобережья.

— Тогда были совсем другие условия,— возразил Владимир Иванович.— В стране создавались отдельные ударные «кулаки» индустрии, которые можно было пересчесть буквально по пальцам: Магнитка, Новокузнецк, Турксиб, Днепрогэс... Теперь только в нашем Красноярском крае «завязано» несколько промышленных узлов. А сколько их по всей стране! Однако вопрос координации действительно чрезвычайно острый. Мое убеждение, что это один из самых крупных и серьезных вопросов, который следует решать в первую очередь. Очень трудно порой найти правильное сочетание интересов отрасли и территории. Что, например, случилось в Маклаково-Енисейском лесопромышленном узле? Там оказалось много хозяев. Одно ведомство тянуло в одну сторону, другое — в другую. В результате расплодились хаотически разбросанные, неблагоустроенные поселки, в которых людям жить неудобно, появилось много вспомогательных объектов и локальных коммуникаций. Чтобы не повторять таких ошибок в Саянах, проектирование промышленных комплексов там ведется одновременно с проектированием и застройкой городов и поселков. Но затруднений много. Надо предоставить больше прав органам местной власти при компоновке новых районов и узлов. Следует усилить и плановые комиссии и создать, например, при крайплане лабораторию перспективного планирования.

— Если я не ошибаюсь, в Красноярском крае был поднят вопрос об использовании колоссальных энергетических гидроресурсов Енисея вскоре после окончания Великой Отечественной войны.

Не тогда ли возникла необходимость формирования отдельных экономических районов? Не могли бы вы назвать участников разработки их и схемы Саянского комплекса, в частности?

— Развитие производительных сил в крае связано с созданием энергетической базы и сооружением железных дорог. Я имею в виду дороги Ачинск — Маклаково, Ачинск — Абакан, Абакан — Новокузнецк, Абакан — Тайшет. О дороге Абакан — Тайшет ставился вопрос еще перед войной. Трое героев-разведчиков трассы Журавлев, Кошурников и Стофато совершили свой подвиг в сорок втором. Но только с пуском дороги в 1965-м, когда открылся доступ к рудам, появилась реальная возможность для развития юга. Разработка схемы Саянского комплекса — коллективное творение, вернее, если так можно выразиться, творение коллективов. Невозможно перечислить фамилии отдельных людей. Если я назову только головные организации, то и это займет немало места. Еще в конце 50-х годов в край приезжала большая группа работников ряда министерств и ведомств, возглавлял ее Алексей Николаевич Косыгин. Намечалась программа развития нашего края на целое десятилетие вперед. Тогда и решен был вопрос о Саянской ГЭС. Тогда намечено было построить в Хакасии, в зоне тонкорунного овцеводства, крупный камвольно-суконный комбинат — первую ласточку большой легкой индустрии на юге края.

Наш крайплан работал в тесном контакте с СОПСом — Советом по изучению производительных сил. Тут было полное взаимопонимание. Аккумулируя в своих архивах очень много исследовательских материалов, СОПС во главе с академиком Некрасовым обеспечил научное обоснование и экономические расчеты. Помогало нам сибирское отделение Академии наук СССР; его институт экономики, возглавляемый членом-корреспондентом Академии наук Аганбегяном. В орбите формирования схемы Саянского комплекса десятки проектных институтов союзных министерств — энергетики и электрификации, черной и цветной металлургии, электротехнической промышленности, министерства тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения, министерства легкой, пищевой промышленности, наши красноярские институты — «Промстройниипроект», «Сибцветниипроект», «Красноярскгражданпроект», филиалы институтов имени Веденеева и Гидропроекта... Как видите, круг «авторов» весьма широк. Я счел бы, однако, более правильным не о них сейчас говорить, а о тех, кто строит здесь заводы, фабрики и аграрные комплексы. На юге Красноярского края создается мощная база и по производству сельскохозяйственных продуктов. Будете в Шушенском, обратите на это внимание. Уже и сейчас этот район — один из лучших у нас.

III
ШУШЕНСКОЕ

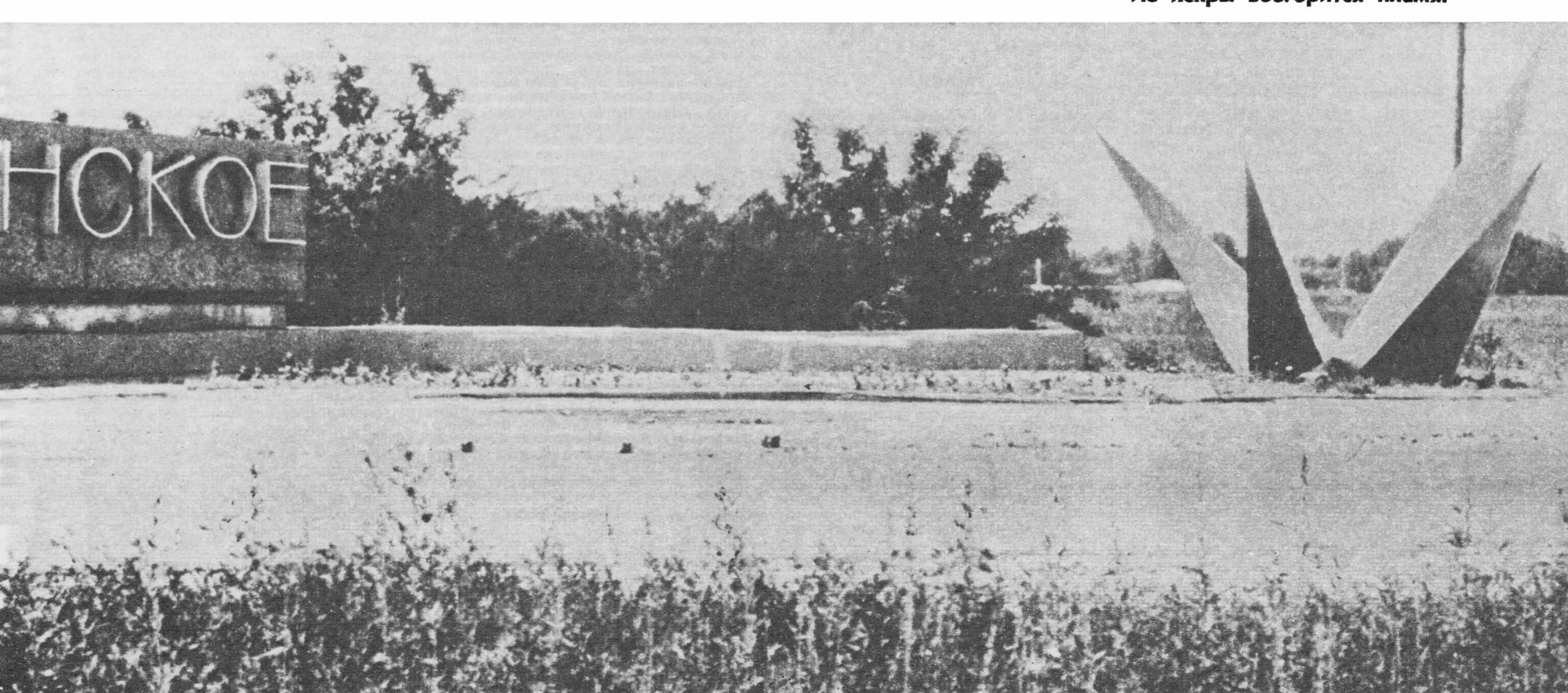
Горы, холмы и горы... Они встречают вас, только вы спускаетесь по трапу самолета на абаканскую землю, чтобы потом, где бы ни были, нигде с вами не разлучаться. Они то приближаются — зеленые, щетинистые, будто живые, то убегают синим пологом по небосводу и могут даже совсем исчезнуть, раствориться в знойном мареве степи, чтоб потом, подобно загадочным древним надгробьям, все равно возникнуть, обернувшись отвесными обомшелыми скалами...

Водную дорогу по Енисею из Абакана в Шушенское тоже стерегут горы. Только на подступах к прославленному историей селу они почтительно расступаются, открывая простор широкой, в затоках и островах, пойме.

Впрочем, где же это село?

«Заря-7» пришвартовывается к причалам прозрачно-белого, точно двухпалубный лайнер, вокзала. Асфальт, пятиэтажные дома, кафе «Ветерок», салон «Бытовые услуги», магазины, автовокзал, голубоокие школы в буйстве юннатских грядок, техникум, библиотеки... Над площадью, пестрой, яркой, заполненной стайками туристов, толпящихся у киосков с водой и соками,— жарко: плюс тридцать, возле сувенирных киосков, новеньких экскурсионных автобусов — словом, совсем как в Москве, перед Историческим музе-

Из искры возгорится пламя.



ем,— разносится усиленный динамиками голос диктора мемориального музея-заповедника: «Внимание! Пропускается новосибирская группа. Через пятнадцать минут приготовиться школьникам Душанбе. Повторяю...»

— До трех тысяч человек принимаем каждый день,— рассказывали нам потом.— Очень много желающих поклониться дорогим каждому человеку местам. И мы стремимся как можно лучше встретить гостей. Гостиница мала. Строим новые. Готовим турбазу, кафе. Надо думать и о сервисе. Будет фабрика сувениров...

Зажмурь глаза, и то не привидится пыльная, в колдобинах, грязная улица, унылый возница на простой крестьянской телеге и ее единственный седок — молодой человек с рыжеватой бородкой... Ленин...

Село? Вот часть его, за оградой музея-заповедника, сохраненная в полной неприкосновенности. С волнением подходят сюда люди, притихшие, сосредоточенные. Молча, затаив дыхание, стоят на пороге комнаты с керосиновой лампой под зеленым абажуром, стремясь схватить взглядом, запомнить надолго, на всю жизнь каждую деталь поистине спартанского убранства. Заглядывают в беседку, заросшую буйным хмелем, которую сам своими руками сколотил Ильич. Вдыхают аромат гвоздик возле клумбы, устроенной здесь руками Надежды Константиновны. А у меня не выходят из головы строчки: «Мы с мамой насадили тоже всякой всячины (даже дынь и помидоров), и мы давно уже едим свою редиску, салат, укроп. Сад тоже развели, резеда цветет...» И еще: «...Комары почему-то специально едят Володю». И тогда вдруг обнаруживаем, что в лесу на берегу озера, возле ленинского шалаша, воздух и сейчас звенит от комаров. А потом стоим на сыпучей вершине Песчаной горки в сосновом бору, очень похожей на дюны Куршской косы, что в Прибалтике. И ловим себя на том, что сосны, которые недвижно, густой щеткой застыли внизу, были **тогда**, видимо, совсем маленькими, едва отрывались от земли, а может быть, и вовсе их не было. Потому что Владимир Ильич писал Маняше, своей сестре: «...Преплохонький, сильно повырубленный лесишко...». Этот преплохонький лесишко шушенцы свято берегли, подсаживали, и даже в войну ни у кого не поднялась рука срубить в нем хотя бы один стволик. Стала эта горушка, на которой отдыхал Ленин, местом паломничества. Фотографируют и ее и с нее, с вершины, откуда открывается великолепная панорама. Справа, за соснами, широким золотистым озером пшеничный разлив; слева в голубой дымке курятся в облаках вершины, те самые, которыми так восторгался Ленин: «На горизонте — Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стаивает».

Прямо перед нами сизое зеркало Енисея с протоками, островами, такое, как было и тогда. И Шу-шу. Но не та, черно-бревенчатая, бессадная, «садов и вообще растительности нет», окруженная... навозом, «который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом»,— такую знал Ленин. Перед нами красно-белокаменная, с плотными купами зелени, матово-серыми лентами автострад, серебристыми опорами высоковольтных передач, совершенно иная, удивительная Шу-шу — центр большого аграрного района.

О глубоких органичных изменениях, происходящих в ней, рассказывал нам председатель райисполкома Алексей Андреевич Мухопад:

— Ведущая наша отрасль — молочная промышленность. Да, да, именно промышленность! У нас один из крупнейших на юге Красноярского края молококомбинат. Сто девяносто тонн молока перерабатываем в сутки. Молочные консервы посылаем в Заполярье и на экспорт — на Кубу. В совхозе имени Ленина, совсем тут рядом, можете познакомиться с животноводческим комплексом. В нем все стерильно, все сверкает чистотой, всюду белые салфетки, все происходит без прикосновения человеческих рук. Автоматизированная коровья фабрика, а не ферма! И вот итоги: десять целых и семь десятых литров молока в надой. Было тридцать доярок, сейчас — двенадцать и четыре подменных на шестьсот коров. Каждая доярка по скользящему графику имеет на пятый день выходной. Хороший комплекс. О нем думают уже многие директора и животноводы района.

В райцентре птицефабрика. В этом году должны сдать государству 27 с половиной миллионов яиц,— перечисляет дальше Мухопад.— Урожай зерновых, а сеем мы яровую пшеницу, гречиху, овес, ячмень, горох, в среднем за прошлый год был стопудовый. В засушливое лето не хватает воды. Для соседней степной Хакасии проблема полива полей стоит более остро. Большая вода придет туда только с пуском Саянской ГЭС. А мы строим оросительные системы главным образом для овощей. Про помидоры-то наши — «бычье сердце» —слыхали? Чудо природы! Великолепно родится и лук — тоже очень доходная культура. Будут у нас свои засолочные заводы и комбинат по консервированию овощей.

Слушаешь председателя райисполкома и как-то забываешь, что происходит все это не под Воронежем и не на Харьковщине, а в далекой дали, в заенисейской Сибири...

Шушенское числится поселком. А по существу агрогород, взявший равнение на индустрию продуктов питания,— опора любому промышленному комплексу. Окно, распахнутое в «завтра» Саянского комплекса.

МАЙНА

Белая, косматая, как борода, туча легла на снежную вершину Боруса — значит, быть дождю. «Борусом» названа и единственная, обшитая желтой вагонкой гостиница в Майне — живописном, ярких альпийских красок поселке, прикорнувшем у Западного Саяна. В Майне штаб наступления на Енисей — управление «Саянгэсстроя». Вместе с Олегом Васильевичем Кратом, главным инженером управления, собравшимся на объекты, едем к Карлову ручью, где встанет плотина.

Поселки, строительная база, шоссе и параллельно ему сооружаемая железнодорожная колея — все сосредоточено на левом берегу Енисея. Фронт работ растянулся узкой полосой, отвоеванной взрывниками у скал на пятьдесят километров. Природа в этих местах девственна и необыкновенно картинна. Врезавшись в Саянский хребет, Енисей сердито, будто кто его подгоняет в спину, торопится узкой долиной прорыва и, возмущенный теснящими его отвесными скалами, то бурлит порогами и шиверами, то намывает острова, то затухает в предательских круговоротах бездонных ям.

Из скалистых расщелин вырываются, скользя по камням, сверкающие на солнце хрустальной водой ручьи и речонки. Все круче, все выше горы, все уже сдавленное ими русло Енисея.

«Газик» главного инженера, отшуршав по километровому пролету моста, круто забирает вверх. Спираль с виражами, как по дороге на Рицу! Однако горы здесь величественнее, суровее.

Олег Васильевич подходит к краю площадки, отсыпанной из скального камня. Еще полшага — и она рухнет обвалом.

— Вон видите, на левом берегу, напротив, лог. В нем и протекает Карлов ручей. Влево от лога вздымается гора с черными квадратами штолен и треугольной плешью, почти вертикально стоящая над Енисеем. В этом месте бетонная плотина сомкнется с горой. В два раза она будет выше Красноярской — 242 метра. Бетона в нее будет уложено столько, сколько на Красноярской и Братской ГЭС, вместе взятых. Море, которое возникает, уместится в трехсоткилометровом каньоне, пробитом Енисеем в хребте, и накроет мешающие судоходству пороги. Затопленных площадей почти не будет. Самая мощная в мире ГЭС окупит затраты на ее сооружение всего за 4,5 года. Ее энергия будет очень дешевой.

Я мысленно представила себе плотину, виденную на макетах и рисунках. По форме она напоминает горделивую, белоснежную лилию в темно-зеленом букете гор. Сказав об этом главному инженеру, я спросила, нравится ли ему проект и сама стройка.

— Ну что вы,— удивился он.— Проект великолепный. А стройка — что родной ребенок мне. Восемь лет ею живу. Столько всякого пережито!

А до этого он также был породнен с Саратовской ГЭС, а до Саратовской — с Куйбышевской, Цимлянской. Таков удел строителя, который он избрал по призванию. Ведь был финансистом, а пошел в прорабы. Специально окончил второй факультет, чтобы строить электростанции.

— Мы — в котловане. Сколько мук было, пока строили его! — продолжал Олег Васильевич, когда «газик» сполз в огороженную перемычками и дамбой правую половину реки. И вовремя! Полнеба закрыла стремительно приближающаяся лилово-черная туча,— наворожил, однако, Борус. Скалолазов и взрывников, которые работали на верхних ярусах горы, совсем не стало видно. Крат затворился в блиндажный домик, окруженный неизвестно как прижившимися на камнях ноготками, пошел отдавать распоряжение, чтобы люди немедленно уходили с высот. На крышу домика робко, точно неумелые пальцы по бубну, ударили первые крупные капли. И уже через несколько минут обрушился, нет, не дождь, а можно подумать, что водопад. За водяной завесой исчезли серые башни бетонного завода, а сам котлован будто поплыл.

Крат молча стоял, загораживая собой раскрытую дверь, широкоплечий, отменной выправки, заложив руки за спину, матросом в юности ходил. Он был уверен, что ничего опасного произойти не может, и ждал, пока уймется стихия.

— Будет теперь работа насосам,— заметил он.— Вот зимой было дело! Зимой возникли заторы льда. Один ниже котлована, другой — выше. Верхний прорвало, и вода ринулась в котлован. Ночью поднимали людей. Надо было срочно наращивать перемычку. С Енисеем живешь, как на вулкане, не знаешь, какой номер он выкинет.

Ливень прекратился так же внезапно, как внезапно, шквалом, и налетел. Тучи разметало в рваные, просветленные облака, сквозь которые уже снова проглядывало жаркое солнце.

— Пошли,— предложил главный инженер.— Посмотрите наши ряжи.

Ряжи, массивные, квадратные, обитые стальным листом быки, призваны стоять здесь долго, пока не будет сооружена вся плотина. В самый первый из них и бросил гагаринской лопатой первую порцию бетона лучший бригадир стройки Анатолий Тяжев. Гагаринской потому, что ею Юрий Гагарин десять лет назад положил первый бетон в тело Красноярской плотины.

— Где же сейчас работает Тяжев?

— Перебросили на другой участок. Нет пока больше бетона. Ждем цемент из Красноярска или Ачинска.

— Да, немноголюдно у вас тут, неоживленно. Приходилось мне бывать в Дивногорске, где все кипело. Строители разъехались, и теперь дивногорцев встречаешь в других местах. Видела я их и в Набережных Челнах, на стройке автомобильного завода, а казалось бы, прямой смысл перебраться им сюда. В чем дело?

— Плохо у нас с жильем. Коллектив мог бы сделать гораздо больше. Видно, требуются очень большие усилия министерства и строителей, чтобы повысить здесь темп работ, приблизить сроки пуска электростанции, необходимой комплексу, как воздух.

МИНУСИНСК

Самые короткие за время командировки интервью состоялись в Минусинске. Этот «город-село», как писал про него в свое время В. И. Ленин, убаюканный благодатным, теплым дождичком, который, как все здесь считают, ниспослан не богом, а влиянием Красноярского моря, был, когда мы приехали, погружен в воскресную послеобеденную дрему. Стойко бодрствовали только райком и горком партии. И было отчего! Этот тихий городок уже сейчас начинает превращаться в центр энергетического и электротехнического машиностроения, равного которому не будет в стране.

— В окрестностях Минусинска по Кызыльскому тракту будет создан комплекс из 13 заводов,— сказала нам секретарь горкома партии Анна Федоровна Ворошка.— Первые из них — завод электронагревательных приборов и кабельный — должны войти в строй еще в этой пятилетке. Потом настанет черед заводов трансформаторного, электродвигателей, сварных узлов и деталей, высоковольтной аппаратуры... Недавно создан трест «Минусинскэлектропромстрой». Разворачивается он быстро, начинает с жилья. На Профсоюзной и Коммунистической улицах уже заложены три пятиэтажных дома.

Введена подстанция Минусинских электрических сетей, которая принимает энергию Назаровской ГРЭС. Потом придет сюда энергия с Саян. Население города вырастет по крайней мере раз в пять. Словом, лет через десять, если приедете, не узнаете старого Минусинска, которому скоро исполняется полтора века. Когда-то на гербе его,— Анна Федоровна показала нам фотографию,— были изображены лев с лопатой и серпом и конь. Отменные родятся у нас пшеницы, твердых сортов. А лопата — символ золотодобытчика. Эмблемой города станет статор! Появится в нашем городе еще в этой пятилетке и крупная перчаточная фабрика — 15 миллионов перчаток в год будет давать.

О близком будущем района говорил секретарь райкома партии Виктор Федорович Климов:

— Неподалеку от села Тесь, где не раз бывал В. И. Ленин, находившегося здесь в ссылке Г. М. Кржижановского, мы поставили первые колышки. Произведена разбивка площадки под мощную ТЭЦ электрометаллургических предприятий узла Курагино — Тесь. Металлурги дадут металл своему самому близкому соседу и потребителю — электротехникам. В связи с изменением экономического профиля района заново перекраивается и карта полей. Перестраивается на пригородное сельское хозяйство. В два ра-

за увеличиваются площади под овощи и картофель, два совхоза уже полностью специализировались на выращивании помидоров. Вырастет стадо крупного рогатого скота, строятся новые свинофермы и птичники.

ЧЕРНОГОРСК

Шесть десятилетий город каратаса (черного камня) — Черногорск — слыл хакасской кочегаркой. Не так давно к нему пришла другая слава — столицы легкой индустрии Хакасии. Здесь работает камвольно-суконный комбинат всесоюзного значения, родной брат Черниговского, что на Украине. Как это произошло, рассказала Ксения Казагашева, одна из лучших ткачих.

— Я родилась в улусе, километров сто будет от Черногорска. Отец мой — колхозник, конюх — его профессия. Училась, окончила десятилетку. Поступила в торгово-кулинарное училище, но что-то оно мне не очень понравилось. А тут как раз стали набирать рабочих на комбинат. И мы с Николаем — это муж мой, он из соседнего улуса — подали заявления. В шестьдесят шестом году это было. На нашем цехе только крышу начали делать. Первым пускали чесальное производство. А нас, несколько групп, сразу послали учиться в Подмосковье, на Монинский комбинат. Когда вернулись в наш ткацкий, уже станки из Новосибирска и Климова стояли. Помогали монтажникам, убирали, а потом и сами стали работать на этих станках. Я — ткачихой, Николай — помощником мастера.

Работали сначала в платках, холодно было. А теперь, видите, какой красивый у нас цех. Светлый, воздух чистый, летом не жарко, зимой не холодно, станки не грохочут, как на других фабриках. Сорок тысяч метров костюмной ткани дает наш цех в сутки. За прошлый год весь комбинат дал пятнадцать миллионов метров. Всех москвичей можем одеть! А комбинат все еще расширяется. Строится фабрика обработки сырья.

— А как вам живется? — спрашиваю у Казагашевой.

— Хорошо. У нас отдельная трехкомнатная квартира в новом доме. Ира ходит в школу, а Оля — в ясли. Но вообще с детскими учреждениями и жильем неважно. Большие очереди. Нет своей поликлиники. Есть и еще одна проблема на нашем комбинате, да и в городе,— смущенно улыбнулась работница.— Я не за себя, за наших девушек волнуюсь. Текстильщиц стало больше, чем шахтеров. Собираюсь написать об этом Ананию, своему брату в часть. Он скоро кончает служить — пусть возвращается домой да и товарищей привозит побольше. В Черногорске много красивых невест!.. А сколько прибавится! Завод искусственных кож строится. Однако и для женихов работа найдется — в восемнадцати километрах, на вагоностроительном.

АБАКАН

И вот наконец исходная и конечная точка нашего двухнедельного путешествия — административный центр Хакасии — Абакан. Город, который станет крупнейшим в мире вагоностроителем. Промышленный узел начнется, вернее, он уже начался заводом стального литья. Через три года этот завод должен выпускать продукцию. На его площадке мы и нашли Владимира Шалганова, одного из трех экскаваторщиков, о которых писали в газетах. Светлорусый, загоревший до такой степени, что льняные кустики бровей кажутся выкрашенными, он оказался веселым, разговорчивым молодым человеком. Мать его, между прочим, шахтер, работала откатчицей в Черногорске. А отец — автокрановщик. Значит, он, Владимир, по наследству механизатор.

Первый ковш! Далеко не каждому выпадает такое счастье — быть пионером. Многие экскаваторщики оспаривали эту честь. Но ее нужно было заслужить. Шалганову было легче: с малых лет привык к рычагам. Бывало, отец, когда едет в Кызыл, посадит Вовку к себе на колени и положит детские руки на баранку: держись, мол, осваивайся. После армии Шалганов сразу сел за руль, только не грузовика, а экскаватора. На вагонный работает уже третий год. Горы гравия вынул. Сначала на промбазе «Абаканвагонстроя». Теперь там огромный корпус сборного железобетона, склады, гаражи, градирни, железнодорожные пути. На цоколе растворобетонного узла алеют буквы «Абаканским вагонам быть!». Многие цеха уже работают. Словом, «сердце завода», как образно охарактеризовал промбазу начальник треста Н. Н. Шкурин, забилось здесь. К этому процессу Владимир Шалганов тоже был причастен. А теперь вот он на заводе стального литья.

Первый ковш... Это все равно что первая скрипка в оркестре. Оркестр техники звучит сегодня по всему югу Красноярского края, от Саян до Чулыма. Ковш экскаватора берет скальные глыбы у Карлова створа, черпает руду в Абазе и Тёе, прокладывает каналы в сухих степях, готовит котлованы цехам — самый распространенный инструмент в обиходе создателей Саянского комплекса. Много раз встречался ковш экскаватора нам и на широких, бульварно-тенистых улицах преображенного за последнее десятилетие Абакана — раздавшегося вширь, поднявшегося ввысь.

Геннадий Африканович Вяткин, заместитель председателя облисполкома, пригласил нас познакомиться с новостройками города. Прежде всего он повез нас на дамбу — уникальное инженерное сооружение с великолепной автострадой. Еще свежо у всех в памяти весеннее буйство разъяренного Абакана в майскую ночь, в позапрошлом году, когда был затоплен почти весь город. Трагедия больше не повторится! Двадцатипятикилометровая дамба высотой до четырех метров надежным щитом оградила столицу Хакасии. Государство позаботилось и о сельских районах, для них тоже сооружена защита. Вяткин показывает мощные насосные станции, аванкамеры, дренажные каналы. Чувствуется, как много сил он отдал созданию этой дамбы, в недавнем прошлом тоже сам строитель.

А в городе новостройки на каждом шагу. На набережной строится речной вокзал, там будет плавательный бассейн, возле обкома партии — драматический театр, а здесь пойдет автодорога с троллейбусной линией к вагоностроительному заводу. Только вот москвичи задерживают проектные материалы на эту линию. Вдоль шоссе к аэропорту станут девятиэтажные башни, в которых будут жить вагоностроители. А там, в устье Абакана, предусмотрен парк на двести гектаров.

Так, рождение Саянского комплекса уже сейчас сказывается на облике Абакана, многих городов и сел Красноярского юга. Полная, умная и смелая жизнь, предвиденная лучшими русскими умами идет на берега Енисея. При формировании комплексов учитываются, увязываются «...в единое целое,— как говорил Л. И. Брежнев,— факторы самого различного порядка — экономические, социально-политические, демографические, географические и многие другие».

СВОБОДА И ГОЛУБЫЕ НЕБЕСА

Борис ИЛЁШИН

«...Комплименты Ивановке мне не безразличны, а очень трогают». Из письма С. В. Рахманинова к Н. С. Морозову.

Ивановка... Много сел с таким истинно русским названием в нашей стране. Но это — неповторимое. Здесь жил и творил великий Рахманинов.

С председателем ивановского колхоза имени Карла Маркса Иваном Александровичем Анохиным иду по широкой сельской улице, поросшей на обочинах бархатистой травой; мимо аккуратных домиков с шиферными и железными крышами, нарядными наличниками, живописными палисадниками. Чуть в стороне зеленым массивом виднеется обширный старинный парк, за ним до самого горизонта пшеничные поля. Цилиндрические водонапорные башни, приземистые скотные дворы. По дороге пылят грузовые машины.

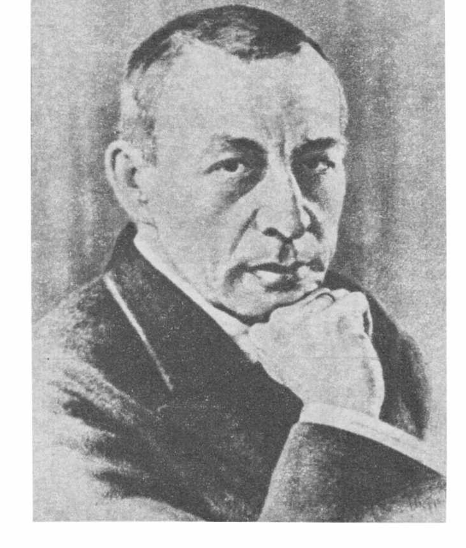
— Вот эти коттеджи,— показывает Иван Александрович,— построили совсем недавно. Новую школу возвели. Скоро Дом культуры поставим; не уступит городскому. Старый клуб тесноват, молодежь обижается...

С противоположной стороны улицы доносится музыка. Нет, не из репродуктора: кто-то играет на фортепиано романс С. В. Рахманинова «Здесь хорошо», не очень уверенно, но старательно, с упоением.

— Участники художественной самодеятельности репетируют,— объяснил Иван Александрович.—Этот романс Сергей Васильевич (председатель назвал Рахманинова по имени-отчеству, как близкого, давно знакомого человека) написал у нас в Ивановке, во флигеле — вон там за детским садом...

Мы пошли по тропинке в парк, где когда-то стоял флигель и деревянный двухэтажный дом с просторной террасой, среди кустов сирени и жасмина, разделенные только лужайкой с фонтаном и цветником. Сюда, в степное тамбовское уединение, больше двадцати лет кряду почти ежегодно приезжал Рахманинов.

Давно нет дома и флигеля. Их разграбили и сожгли в тяжкое лихолетье гражданской войны кулацко-эсеровские антоновские банды. Поредел, состарился рахманиновский фруктовый сад, заросли аллеи старинного парка... Но память о Рахманинове жива. Стараниями сельской интеллигенции, преподавателей тамбовского музыкального училища имени С. В. Рахманинова, журналиста Д. В. Калашникова —



страстного поклонника творчества гениального композитора,— создан народный музей; тут собраны вещи, некогда принадлежавшие семье Рахманинова, редкие фотографии и сочинения Сергея Васильевича, книги о нем... Музей пока разместился скромно — в одной комнатке сельского клуба, но скоро найдется место для всех экспонатов и для концертного зала. Восстанавливается любимый Рахманиновым флигель, благоустраивается парк.

Впервые Рахманинов приехал в Ивановку к своим родственникам Сатиным летом 1890 года, еще будучи студентом Московской консерватории. В то лето в Ивановке отдыхал его двоюродный брат, известный музыкальный деятель, пианист и дирижер Александр Ильич Зилоти со своими детьми и женой Верой Павловной (она была дочерью Павла Михайловича Третьякова, основателя знаменитой картинной галереи). К июню в имение Сатиных приехало на отдых еще одно семейство: сестра А. А. Сатина Елизавета Александровна Скалон с тремя дочерьми и маленьким Никулькой... У Сатиных же было два сына — Саша и Володя и две дочери — Наташа и Соня. В большой столовой на первом этаже за стол садилось около двадцати человек...

С утра до вечера рояли, стоявшие в кабинете у А. И. Зилоти на первом этаже и в бильярдной на верхнем этаже, не умолкали ни на минуту, один исполнитель сменял другого; играли Чайковского, Бетховена, Грига, Пабста... Когда за рояль садился Александр Ильич, послушать его приходили и хозяева и многочисленные гости. Всем нравилась игра Сережи, но он часто уединялся во флигеле, где жили Скалоны, и здесь перекладывал для четырех рук «Спящую красавицу» Чайковского, работал над своим первым фортепианным концертом. Иногда он уходил в парк и вышагивал один по глухим дорожкам, барабаня пальцами по груди и что-то напевая; в те минуты он весь был во власти звуков...

По вечерам молодежь собиралась на лужайке у фонтана или у стога сена около пруда. Слышались смех, шутки.

С того времени вплоть до 1917 года Сергей Васильевич почти ежегодно бывал в Ивановке; в 1902 году он женился на дочери А. А. Сатина — Наташе; Ивановка становится ему еще ближе... О том, что вообще значила она для творчества Рахманинова, лучше всего рассказывают его письма к близким друзьям и знакомым.

Вот письмо из Ивановки М. А. Слонову. «Шестого июля (1891 г.) я кончил совсем писать и инструментировать свой фортепианный концерт... Написал и инструментировал две последние части в два с половиной дня. Можешь себе представить, какая это была работа. Писал с пяти часов утра до восьми вечера, так что после окончания работы устал страшно. После окончания несколько дней отдыхал. Во время работы я никогда не чувствую усталости (напротив,— удовольствие). У меня усталость появляется только тогда, когда я чувствую и сознаю, что один из моих больших трудов и больших работ окончен и окончена...»

Еще письмо, адресованное Н. С. Морозову (от 6 июля 1905 года).

«Милый друг Никита Семенович... У нас все по-старому. Ежедневно много работаю (хотя и меньше, чем раньше, то есть от 9½ до 3½ с обеденным отдыхом)...»

Письмо, как и многие другие, написано на простой линованной почтовой бумаге, ровным, прямым, очень мелким почерком. Сергей Васильевич сообщал своему задушевному товарищу по консерватории, что 9 июня в Ивановке начал инструментировать «Франческу да Римини» и менее чем за месяц сделал пролог, эпилог и первую картину.

«Такое быстрое путешествие получается потому, что урок мой ежедневный не три страницы, как раньше, а четыре... Относительно качества работы все то же, что и всегда со мной при всякой работе. Во время работы думаешь, что хорошо сделано, иногда даже кажется, что очень хорошо, а как только пройдет несколько времени, то думаешь, что все почти никуда не годится и что лучше все переделать...»

«В твоем письме,— сказано дальше,— я еще прочел «с удовольствием, что Вам» было хорошо в Ивановке. Это мне очень приятно, так как комплименты Ивановке мне не безразличны, а очень трогают. Мне тут так хорошо, что я уже начал считать с тоской дни до отъезда, и каждый вечерний чай я со вздохом убавляю еще одну цифру в общем числе. Так что сегодня вечером я произнесу цифру «42». Это мало, очень мало и очень скоро пройдет...»

В августе следующего года он сообщал:

«Ивановка и мне и моим по-прежнему нравится... и я продолжаю до сих пор еще изредка сожалеть, что я потерял столько времени в Италии».

И, наконец, еще одно письмо Н. С. Морозову — от 4 июня 1910 года.

«Я живу в Ивановке уже месяц...
Ловил часто рыбу и сажал ветлы. Последним делом увлекался и увлекаюсь до сих пор. Для этого дела приобрел себе бурав, которым буравлю на аршин вглубь и сажаю туда большой кол ветловый, аршина три над землей. Посадил 120 штук таких. Поливал и поливаю их с аккуратностью и терпением и настойчивостью, достойной лучшей участи. Зато мой и восторг велик, когда увижу свежую почку или молодой зеленый листок. Веду строгую отчетность принявшимся деревьям. Теперь их у меня 43. Поздравь меня!»

Пруд, в котором Сергей Васильевич ловил рыбу, сохранился до сих пор.

Вместе с председателем колхоза идем по бровке оврага через сад к плотине в кудрявых ракитах.

— Эти кусты растут от корней состарившихся дуплистых ветел, посаженных Сергеем Васильевичем, им взлелеянных, доставлявших ему радость и творческое вдохновение,— с увлечением рассказывает Иван Александрович.— И сад, который мы прошли, ему принадлежал. Обновлять надо: годы сделали свое...

Возле плотины к нам подошел старик пастух; овцы и козы паслись рядом на склонах оврага. Он внимательно слушал нас, сначала молча, потом вступил в разговор:

— Пруд тогда, при Сергее Василиче, был побольше, сазаны водились. В хозяйском пруду крестьяне рыбу не ловили: порядок соблюдали. А вокруг пруда — луга, аж до самых «синих кустов»; Рахманинов-то любил косой побаловаться...

Старик минуту помолчал в раздумье, потом сказал:

— Сейчас все распахали: хлебушек сеем. Это, конечно, хорошо, хлеб — всему голова. А луга тоже нужны! Ох, как нужны!.. Рахманинов кто был? Знаменитый композитор: музыку его по радио передают, лугам же цену знал!..

Сергей Васильевич любил полевые работы в сенокосную пору. Вместе с ивановскими мужиками чуть свет выходил «поразмяться», как говорил он, на луга, чтобы успеть с росой положить траву в рядки.

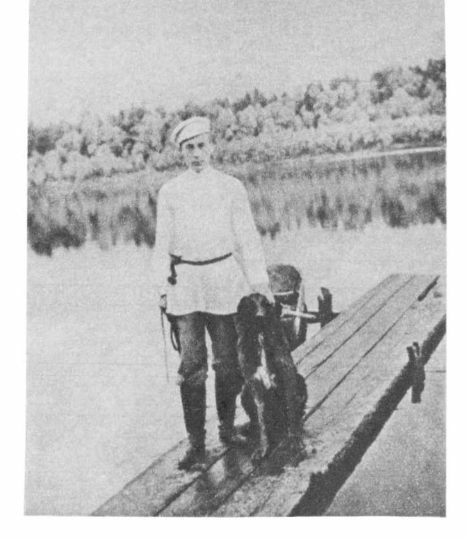
«Вжик-вжик-вжик!» — выговаривали косы, поблескивая в первых лучах солнца. Покорно, ровными рядками ложились у ног косарей травы. Через день-два в погожую погоду на лугах вырастут пахучие копны сена. Ах, как славно, взобравшись на них, слушать по вечерам песни, доносящиеся с околицы! «До чего наш народ музыкален,— говорил Сергей Васильевич.— Наши народные песни прекрасны. Как я их люблю!»

И еще он любил умчаться верхом на коне в ржаные поля и слушать, как журчат, переливаются в небесной выси жаворонки. Со всех сторон доносятся их звонкие, радующие душу трели,— иногда кажется, что все вокруг поет... Висит в лазури, чуть-чуть колеблясь, темная точечка — птичка-невеличка, и сердце волнуется в груди от ее песни — светлой, серебристой, непрерывной, переливающейся на все лады. Но вот крошечный певец, неожиданно оборвав пение, устремляется к земле — отдохнуть, а над полями уже звенит песня другого маленького солиста.

Окружающая природа приводила Сергея Васильевича в восторг и изумление. Простор полей, зелень перелесков, голубизна неба, студеная вода родников, разноцветный ковер цветов — все вызывало прилив вдохновения, заставляло трудиться без устали... Были недели, когда у Рахманинова каждый день рождался романс; об этом красноречиво говорят пометки, оставленные его рукой на нотных листах. «В душе у каждого из нас» на слова А. Коринфского посвящен Ф. И. Шаляпину — «5-го июня 1912. Ивановка...» «Муза», на слова А. Пушкина, посвящен RE. (М. С. Шагинян.— Б. И.) — «6-е июня 1912 г. Ивановка»; «Буря», на слова А. С. Пушкина, посвящен Л. В. Собинову — «7-е июня 1912. Ивановка»; «Арион», на слова А. Пушкина, посвящен Л. В. Собинову — «8-е июня 1912 г. Ивановка»; «Ветер перелетный», на слова К. Бальмонта, посвящен Л. В. Собинову — «9-е июня 1912. Ивановка»; «Сей день я помню», на слова Ф. Тютчева, посвящен Л. В. Собинову — «10 июня 1912 г. Ивановка»; «Оброчник», на слова А. Фета, посвящен Ф. И. Шаляпину — «11 июня 1912. Ивановка...»

Иногда за считанные часы рождалось несколько пьес. Только 12 сентября 1916 года Рахманинов написал в Ивановке романсы: «Ночью в саду у меня» на слова А. Исаакяна в переводе А. Блока, «Крысолов» на слова В. Брюсова, «К ней» на слова А. Белого...

Обычно он вставал рано. Открывал окно в сад и слушал трепетную предрассветную тишину. В дневном шуме звуки растворяются, а ночью и утром слышен каждый, даже самый осторожный шорох... В зарослях сирени и жасмина скандалят проснувшиеся воробьи, с ржаного поля доносится перепелиное «подь-полоть, подь-полоть»; за верхним садом поскрипывает колодезный журавель, где-то тявкает дворовый пес... Ворвавшаяся в комнату утренняя свежесть бодрит. Для начала, может быть, сыграть «На тройке» П. И. Чайковского?.. Сергей Васильевич очень любил эту пьесу и на протяжении многих лет включал ее в программу своих концертов; с ней были связаны счастливые воспоминания детства, когда он, 14-летний ученик пианиста Н. С. Зверева, исполнил «На тройке» перед самим Петром Ильи-



чом Чайковским, который, растрогавшись проникновенной игрой юного музыканта, сердечно его расцеловал... Через два года, присутствуя в качестве почетного члена на экзаменационной комиссии в консерватории, Петр Ильич вновь отметил талантливую игру Сережи Рахманинова. Прослушав в его исполнении несколько пьес, он прибавил к выставленному экзаменаторами высшему баллу «5 с плюсом» еще три плюса.

Произведения Чайковского Сергей Васильевич всегда играл с большим чувством, истинным наслаждением,— они были близки ему по духу. Многие из них Чайковский тоже написал в тамбовской глуши, в поместье Усово, принадлежавшем ученику и другу композитора Владимиру Степановичу Васильеву-Шиловскому.

От Ивановки до Усова всего три-четыре часа езды на автомобиле... В имении Шиловских не было, как пишет Модест Ильич Чайковский, «особых красот, а просто заброшенная усадьба среди лесистой, приятной для прогулок местности». На несколько лет Усово затмило все остальные резиденции Петра Ильича и стало для него центром постоянного влечения: здесь Чайковский начинает писать оперу «Опричник», заканчивает Вторую симфонию, где во всю ширь раскрывается тема народа, инструментовал оперу «Кузнец Вакула», на рукописи партитуры которой пометил: «Кончена 21 августа 1874 г. Усово».

После возвращения в 1873 году из Парижа в одном из писем к Н. Ф. Мекк композитор писал: «Я очутился совершенно один в прелестном оазисе степной местности. Не могу вам передать, до чего я блаженствовал эти две недели. Я находился в каком-то экзальтированно-блаженном состоянии духа, бродя один днем по лесу, под вечер по неизмеримой степи, а ночью сидя у отворенного окна и прислушиваясь к торжественной тишине захолустья, изредка нарушаемой какими-то неопределенными ночными звуками. В эти две недели без всякого усилия, как будто движимый какой-то сверхъестественной силой, я написал начерно всю «Бурю».

Удивительно ли, что много лет спустя, находясь вдали от Родины — в Америке, Сергей Васильевич Рахманинов с теплотой душевной вспоминал дорогие сердцу тамбовские места. Здесь так хорошо работалось. Изысканные, капризные завсегдатаи концертных залов рукоплескали «Колоколам», а ведь эта симфоническая поэма о человеческой жизни обдумывалась и ложилась на листы нотной бумаги в уютной, тихой комнате увитого хмелем флигеля, притаившегося в зелени ивановского парка, в его тенистых аллеях...

С каким-то особым подъемом композитор создавал это произведение, и оно долгие годы оставалось его любимой вещью.

Именно тогда, летом 1913 года, Сергей Васильевич писал М. С. Шагинян из Ивановки: **«Я... вот уже два месяца целыми днями работаю. Когда работа делается совсем не по силам, сажусь в автомобиль и мчусь верст за пятьдесят отсюда на простор, на большую дорогу. Вдыхаю в себя воздух и благословляю свободу и голубые небеса. После такой воздушной ванны чувствую себя опять бодрее и крепче».**

Часто наезжал Рахманинов в соседнее поместье Знаменское, принадлежавшее прежде деду Сергея Васильевича, талантливому музыканту Аркадию Александровичу Рахманинову; а иногда мчался в Козлов (ныне Мичуринск). Здесь тоже жили близкие. С Козловом была связана деятельность дальнего родственника Сергея Васильевича—Ивана Герасимовича Рахманинова, основавшего в конце XVIII века в пригороде — селе Казинка — типографию и напечатавшего здесь «Полное собрание всех доныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений г. Вольтера». В казинской типографии увидели свет и другие произведения знаменитого французского философа, писателя и просветителя, чьим страстным поклонником был Иван Герасимович.

Книгоиздательская деятельность Рахманинова пришлась не по душе козловскому городничему Сердюкову. Он донес в Тамбов наместнику Звереву, что типография основана не в городе, как было разрешено императрицей, а в селе Казинке. Донос дошел до Екатерины, которая незадолго перед этим подписала Указ о заключении в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет известного общественного деятеля, журналиста Николая Ивановича Новикова. Испуганная событиями французской революции, императрица искореняла малейшее свободомыслие. Известие о деятельности Рахманинова в глухом тамбовском селе разгневало «просвещенную государыню»; из Петербурга незамедлительно последовало распоряжение о закрытии типографии и конфискации всех изданных в ней книг. Иван Герасимович был отдан под суд, его ожидала участь Н. И. Новикова. Но, к счастью Рахманинова, судебное дело затянулось, а в 1797 году типография сгорела вместе со всеми книгами. К этому времени умерла и Екатерина; И. Г. Рахманинов был освобожден.

В этих же местах выступал со своим знаменитым хором крепостных крестьян замечательный русский хоровой дирижер и композитор Юрий Николаевич Голицын. Хор был его детищем, его гордостью. «С этим хором,— писал в 1856 году обозреватель журнала «Русский вестник»,— в России соперничать могут немногие».

Рахманинов много слышал о хоре Ю. Н. Голицына, но просуществовал хор недолго: он был распущен из-за материальных затруднений Ю. Н. Голицына.

В дальнейшем Юрий Николаевич Голицын сблизился с Герценом в Лондоне; в знак дружбы с Герценом и Огаревым Голицын написал «Вальс Герцена» и «Кадриль Огарева». Для «Колокола» им была сочинена музыкальная фантазия «Освобождение» — по случаю отмены крепостного права в России.

В тамбовском имении Голицына когда-то часто выступал среди друзей и близких знакомых его отец — известный русский виолончелист и поэт Николай Борисович Голицын, страстный поклонник творчества Людвига ван Бетховена, состоявший с ним в переписке. Великий немецкий композитор посвятил Николаю Борисовичу три струнных квартета и увертюру «Освящение дома».

Благодаря Голицыну тамбовцы узнали и полюбили произведения Бетховена, они, как правило, включались в программы симфонических и камерных концертов Тамбовского отделения Русского музыкального общества; их с большой любовью исполнял хор и оркестр под руководством С. М. Старикова.

Сергей Васильевич Рахманинов хорошо знал и этого замечательного пропагандиста музыкальной культуры, хотя, живя в Ивановке, он не любил надолго отрываться от работы, от творчества, поэтому Тамбов посещал редко... Зато, может быть, самое продолжительное посещение им этого города было связано с проверкой деятельности Старикова как директора музыкальных классов. Городское начальство было недовольно свободомыслием Старикова, обвиняло его в тяжких грехах. Русское музыкальное общество попросило Сергея Васильевича выяснить суть дела, и ему пришлось на несколько дней оставить Ивановку. Но он не ругал себя за это: поездка в Тамбов помогла защитить от кляузников Старикова, великолепного музыканта...

...Когда по командировке «Известий» мне предстояло поехать в Нью-Йорк для освещения работы юбилейной сессии ООН, я заглянул на день в Ивановку, взял горсть родной земли и веточку сирени из рахманиновского парка, чтобы положить их на могиле Сергея Васильевича... Русское кладбище, где покоится прах С. В. Рахманинова, находится недалеко от цитадели американских миллионеров. Но моему желанию не суждено было сбыться: к визе, выданной посольством США, была приложена бумажка, где значилось, что выезжать за пределы Нью-Йорка я не имею права... Предписание есть предписание, нарушать его нельзя. А поклониться Сергею Васильевичу было необходимо. И в первый свободный от заседаний в ООН день я отправился на 57-ю стрит, к концертному залу Карнеги-Холл. В 1891 году 5 мая на открытии этого храма искусств присутствовал и дирижировал в концерте Петр Ильич Чайковский. В стенах Карнеги-Холла много раз гремели овации в знак признательности публики за волшебную игру Рахманинова, которая раскрывала перед слушателями мятежную душу музыканта, заставляя все краски музыкальной палитры сверкать с необыкновенной силой и свежестью...

По широкой лестнице поднимаюсь в вестибюль и оставляю здесь засушенную веточку сирени и пакетик с родной землей. Вечером долго брожу по берегу грязного, замусоренного Гудзона, по Риверсайд Драйв, где в доме № 33 жил с 1921 по 1945 год Рахманинов, а на следующий день иду в Центральный парк, куда наведывался иногда Сергей Васильевич. Он садился в укромном уголке на скамейку, кормил голубей и шустрых, почти ручных белок — их и сейчас здесь множество,— смотрел на деревья и, может быть, вспоминал, как вместе с молодой женой Натальей Александровной и горничной Машей ходил в Ивановке любоваться на девичий праздник — семик, дошедший из седой старины... Нарядные девушки «завивали березки», украшали их разноцветными лентами, венками из полевых цветов, пели песни:

Пойдем, девочки,
Завивать веночки!
Завьем веночки,
Завьем зеленые.
Стой, мой веночек,
Всю недельку зелен,
А я, молодешенька,
Увесь год веселешенька!

Не могла утерпеть милая горничная Маша, чтобы не присоединиться к хороводу, и вот уже слышен ее голос:

Вился клен с березою —
Не развился.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!..

Мучительно тосковал Рахманинов по родине. Сознание совершенной им ошибки все больше угнетало его. Был свой дом в Нью-Йорке, были загородная дача, автомобиль, деньги. Но какой ценой все это доставалось!.. «Очень устал, и руки болят,— писал он Никите Семеновичу Морозову.— За последние 4 месяца дал около 75 концертов. Всякое лишнее движение рук меня утомляет, поэтому пишу тебе, диктуя». Об этом же он сообщает в другом письме: «Жизнь моя здесь (в США) проходит почти так, как ты себе ее представляешь, то есть изо дня в день концерты, а в промежутках упражняюсь на ф-п. Сейчас на праздниках (рождественских) этих концертов нет, но зато я должен делать рекорды для граммофонов и механических роялей, т. ч. на праздниках мое времяпрепровождение можно перефразировать так: делаю рекорды, а в промежутках упражняюсь на ф-п».

С каждым месяцем, нет — с каждом днем все больше давала себя знать тоска по родине. В молодости без особого восторга относился композитор к творчеству Игоря Северянина, не любил его поэтических выкрутасов, хотя и написал несколько романсов на его слова — дань моде... А теперь не мог выбросить из головы стихов, прочитанных в одном из журналов:

От гордого чувства чуть странного
Бывает так грустно подчас,
Россия построена заново,
Другими, не нами, без нас...
И вот мы остались без Родины.

И вид наш и жалок и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Хотелось встреч с русскими. Когда был в Нью-Йорке, шел в русский ресторан, расположенный рядом от Карнеги-Холла — посидеть за самоварчиком, отведать русских блюд, послушать родную речь. Счастье на чужбине доставляли встречи с Федором Ивановичем Шаляпиным.

— Федя, родной, спой что-нибудь российское,— просил своего друга Сергей Васильевич.

И Федор Иванович пел — в какой раз! — любимую песню Рахманинова, широкую и раздольную, «Ах ты, Ванька».

Прослушав «Ваньку», Сергей Васильевич просил Шаляпина спеть «Дубинушку» или «Вдоль по Питерской...»

Друзьям было что вспомнить. Они познакомились в молодости и пронесли дружбу через многие годы. Разве можно было забыть жаркий июльский день 1898 года на подмосковной даче в Путятине. Именно в тот день состоялась свадьба Федора Ивановича Шаляпина — молодого певца Частной оперы Мамонтова — и балерины Иолы Игнатьевны Торнаги. Сергей Васильевич Рахманинов и известный музыкальный критик С. Н. Кругликов были при венчании шаферами у Шаляпина. После венчания «устроили пир». Поздно вечером молодых отправили ночевать на сеновал, а рано утром, когда из-за леса только что выкатилось солнце, организовали у сеновала шумовой оркестр, которым дирижировал Сергей Васильевич...

А может быть, Сергею Васильевичу вспомнился осенний вечер 1904 года на квартире у организатора знаменитых московских литературных «сред» писателя Николая Дмитриевича Телешова. Шаляпин позвонил по телефону:

— Сережа! Возьми скорей лихача и скачи на «среду». Петь до смерти хочется. Будем петь всю ночь!

Рахманинов не заставил себя ждать. Шаляпин действительно много пел и был прекрасен...

Федору Шаляпину Рахманинов посвятил несколько романсов, некоторые из них написаны в Ивановке: «В душе у каждого из нас», «Ты знал его», «Воскрешение Лазаря»... На оригинале романса «Судьба» Сергей Васильевич написал: «Федору Ивановичу Шаляпину посвящает его искренний почитатель С. Рахманинов. 21 февраля 1900 г.».

Встречи с Шаляпиным на чужбине для Рахманинова были целительной отдушиной. Радовался он встречам и с другими русскими артистами. В 1926 году в Америку приехала популярная исполнительница народных песен Н. Плевицкая, разлучившаяся, как и Рахманинов, с родной землей и тоскующая по ней. Сергей Васильевич слушал в ее исполнении русскую песню «Белилицы, румяницы вы мои» и был так растроган, что специально написал аккомпанемент и попросил компанию «Виктор», как вспоминает двоюродная сестра Сергея Васильевича С. А. Сатина, сделать пластинку. Он соглашался даже сам выступить в роли аккомпаниатора, но пластинка не была оценена владельцами компании: они не захотели ее печатать, пробные экземпляры были даны только Сергею Васильевичу и самой Плевицкой...

На чужбине Рахманинов особенно любил читать Толстого, Чехова. Как-то, просматривая газеты, Рахманинов увидел объявление, что в Нью-Йорке выступает с лекцией о творчестве Антона Павловича Чехова доктор И. Н. Альтшулер. Несмотря на летнюю жару, Сергей Васильевич приехал с дачи в город, чтобы повидаться с человеком, близко знавшим великого писателя...

Известно, что еще в начале музыкальной деятельности Рахманинова сказал ему Чехов после одного из концертов.

— Из вас выйдет большой музыкант.

— Почему вы так думаете? — спросил Сергей Васильевич.

— Я смотрел все время на ваше лицо за роялем...

Сергей Васильевич часто вспоминал этот мимолетный разговор; он любил Чехова, не расставался с его книгами; под впечатлением пьесы Антона Павловича «Дядя Ваня» был написан романс «Мы отдохнем». Как и многие другие, этот романс был создан в Ивановке — в той далекой теперь Ивановке, из которой еще в 1909 году он писал одному из своих друзей: «А вот что не утешительно, так это то, что в Америку я все-таки еду (с концертными гастролями.— **Б. И.**). Черт бы ее побрал! До того не хочется...»

В тяжелую годину войны с фашизмом мысли Сергея Васильевича все чаще и чаще обращались к далекой родине. Уже в трагические июньские дни 1941 года, когда фашистские полчища вторглись в пределы Советского Союза, Рахманинов твердо решил всеми мерами помогать России. Заключая контракт на концерты, Сергей Васильевич поставил условие, что каждый третий концерт будет оплачиваться особо: весь сбор пойдет в фонд помощи Советскому Союзу. Некоторые из знакомых пытались отговорить Рахманинова от этого «безумства»:

— Да что для вас Россия! — убеждали они Сергея Васильевича.— Вы уже четверть века не живете там.

— Эта помощь — дело моей совести. Я должен и непременно помогу стране, в которой родился, учился, которая живительными соками питает все мое творчество.

Вечером 1 ноября 1941 года Рахманинов дал большой сольный концерт в Карнеги-Холл. В программах было написано, что весь денежный сбор передается для медицинской помощи Красной Армии.

После концерта композитора обступили журналисты. Рахманинов не любил рекламной шумихи, нервничал — беспокоился, что газетчики исказят его мысли, скажут то, о чем он даже не мыслил. Но корреспонденту нью-йоркского музыкального журнала удалось взять интервью у Сергея Васильевича.

На вопрос: «Что должно быть содержанием музыкального творчества?» — Рахманинов ответил: «В музыке должны найти отражение родина композитора, его любовь, вера, впечатлявшие его книги, любимые картины. Она должна быть продуктом всей суммы жизненного опыта композитора. Изучите шедевры любого великого музыканта, и вы найдете в них все аспекты его личности и окружающей среды... В моих собственных сочинениях я не делал сознательных усилий быть оригинальным, или романтиком, или национальным, или какимлибо еще. Я просто записывал на бумагу как можно естественнее ту музыку, которую слышал внутри себя. Я русский композитор, моя родина определила мой темперамент и мировоззрение. Моя музыка — детище моего темперамента, поэтому она — русская».

Это было сказано в то время, когда на первых полосах американских газет крупными буквами сообщалось о победах фашистских войск на Восточном фронте, когда гитлеровские танковые и пехотные дивизии вплотную подошли к Москве... Рахманинов с гордостью подчеркивал, что он русский композитор, ни на минуту не сомневаясь в богатырской силе своего народа.

19 ноября 1941 года Сергей Васильевич писал главе концертного бюро: «Имею удовольствие вместе с ним прислать чек на 3.920 долларов на имя Виктора Федюшина, генерального консула СССР (то есть подлежит выплате В. Федюшину)... Пожалуйста, объясните мистеру Федюшину, что я оставляю на его усмотрение, какого рода медикаменты и другое оборудование и товары должны быть куплены на эти деньги, но я был бы очень благодарен, если бы все купленные товары были переправлены в Россию в качестве подарка от меня. Это единственный путь, каким я могу выразить мое сочувствие страданиям народа моей родной земли за последние несколько месяцев».

18 марта 1942 года генеральный консул СССР в Нью-Йорке сообщал Рахманинову:

«Многоуважаемый Сергей Васильевич!

Ваше пожертвование было использовано на приобретение рентгеновского оборудования... Мы будем рады, если Вы напишете от себя письмо, которое мы отправим вместе с Вашим пожертвованием по адресу ВОКСа...».

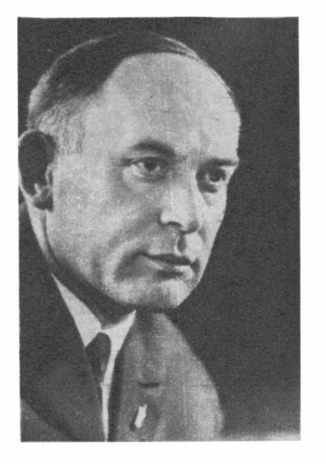
С. В. Рахманинов написал:

«От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом.

Хочу верить, верю в полную победу!

Сергей Рахманинов,
25 марта 1942 года».

Тамбов — Москва.



Сергей ВИКУЛОВ

ОНА НЕ СКАЖЕТ...

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ «ПРИРОДА-МАТЬ»

1

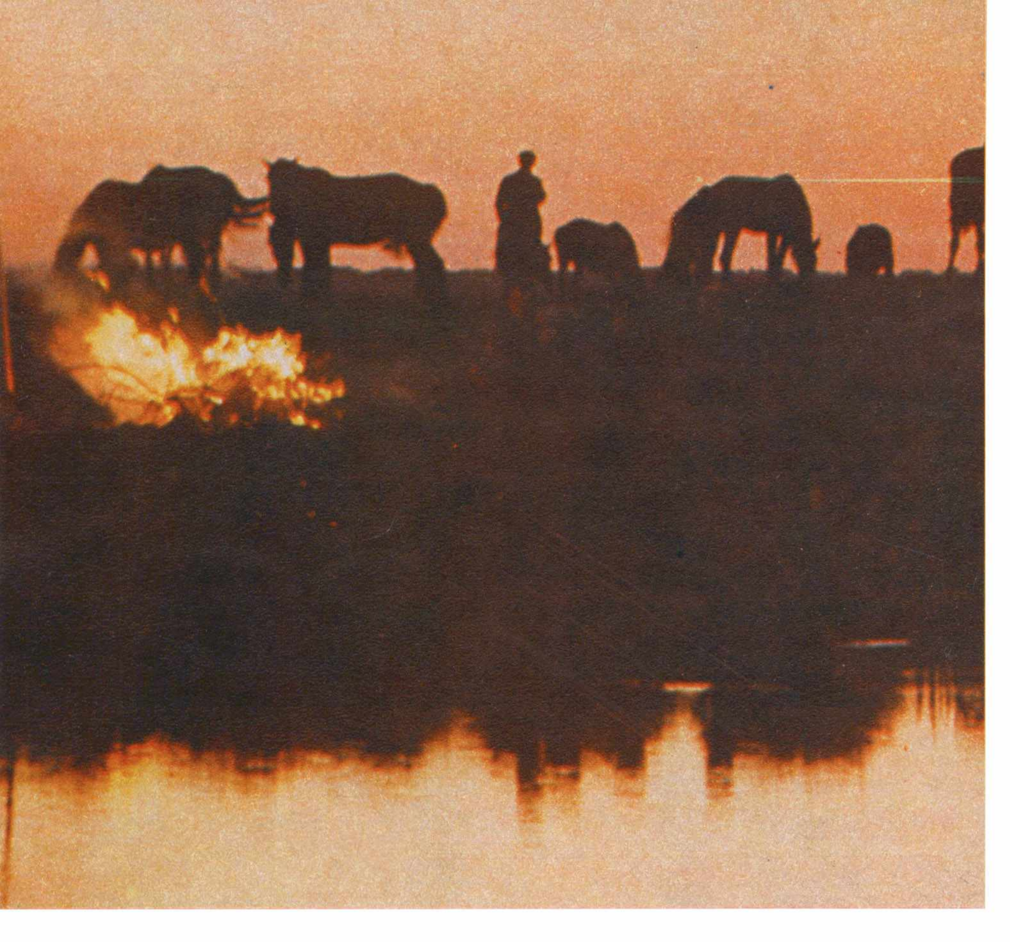
Услышу ль сосен шум в полдневный час,
журчанье ль струй средь камушков у брода,—
о люди, мыслю я, у всех у нас
есть Мать одна,
по имени Природа.
У ней на всех хватает доброты,
и мы живем, запечатлев навеки
в душе
ее прекрасные черты —
ее поля, леса, моря и реки.

2

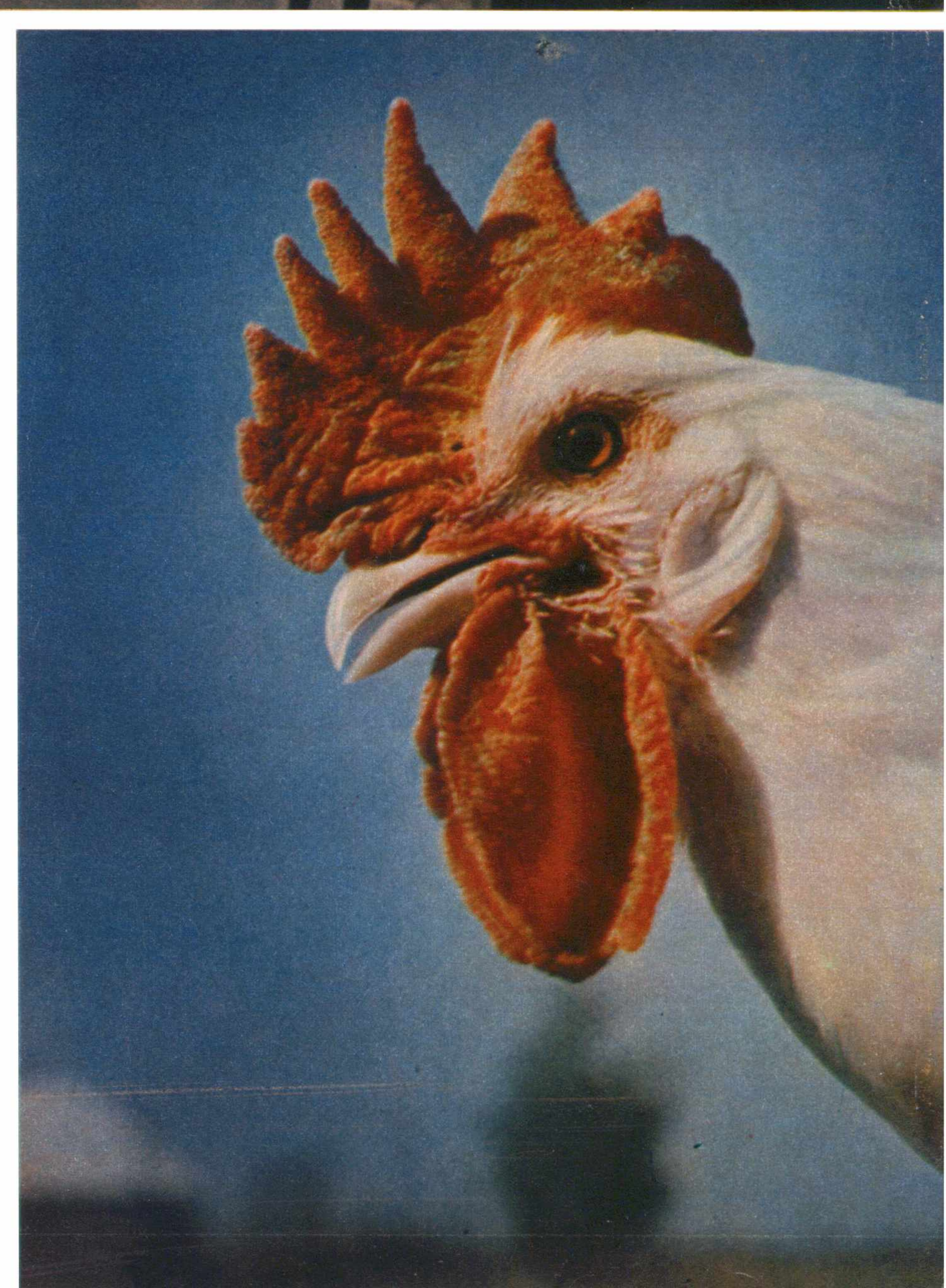
Придите к ней, когда у вас печаль.
И, мудрая, врачуя вашу душу,
Природа распахнет пред вами даль
и ветром, как рукой, глаза осушит.

Представит вам
сто к лучшему примет,
ромашек простодушных «чет» и «нечет»,

Фото М. САВИНА.



Утро на Рязанщине. Счастливое утро жизни сестричек-близнецов Оли, Любы, Нади и Веры Роговых из села «Восход».



и вечное: «Все суета сует» —
на языке осинок налепечет.

3

...И если светлой радости полна
душа,— справляйте пир
с Природой рядом.
Отзывчивая, щедрая, она
ничем вам не испортит вашу радость.

Краснее окуневого пера
зажжет зарю рыбацкую над плесом,
удачей наградит
и для костра —
сварить уху — валежника подбросит.

4

Три клада у Природы есть:
вода,
земля и воздух — три ее основы.
Какая бы ни грянула беда,
целы они — все возродится снова.
Но если...
Впрочем, в наш жестокий век
понятно всем, что это если значит.

О человек! Природа-мать
ни рек
от глаз твоих и ни морей не прячет.
Ни росных трав, ни голубых небес...
Цени ее доверие, Природы!
Не обмани его!
И в темный лес
входи, как в храм, под мраморные своды.

5

Ты — Человек.
Ты — Царь Природы. Так.
Поскольку все в ней сущее подвластно
тебе.
Живи, сверяя каждый шаг
с Природою. И будет все прекрасно.

И царские замашки не лелей
в душе. И не давай себе свободы.
Ты — Царь Природы, так...
Но знай, трудней
почувствовать себя венцом Природы!

6

Природу покорить?!
Ничьи уста
надменней слов не ведали отроду.
Рабыней нашей — логика проста —
намеревались видеть мы Природу.

Объезженной лошадкой —
повернешь,
куда захочешь, лишь тряхнешь уздечкой.
Мы — дерзкие сыны Ее! И все ж...
И все ж нам от нее зависеть вечно!

7

Малыш, припав к груди беззубым ртом,
улыбчиво кося на маму глазом,
еще совсем не ведает о том,
как многим он ей, в сущности, обязан.
Не замечает он ни доброты,
ни ласки материнской, ни заботы...
Ты — взрослый.
Ешь и пьешь. И рвешь цветы...
Цени Природы-матери щедроты!

8

...Но ты, оставшись с ней наедине,
легко решаешь: «К черту берендейство!
Кому-то можно, видите ль... А мне
нельзя?!» —
И торжествует вновь злодейство.
Дымится лес. И пучится река
от взрыва...
Но ни жалобы, ни вскрика
тебе вослед. Лишь лямки рюкзака
скрипят...
Увы, Природа безъязыка.

9

Взглянув на то, что смято, сметено
в очередном разбое или раже,
не утешай себя, что все равно
Природа никому о том не скажет.

Она не скажет, да...
Но не простит!
И час настанет — лично ли, заочно,—
тебе она жестоко отомстит,
а не тебе, так сыну —
это точно!

10

Речушка вдоль околицы текла.
Негромкая... Но мы любили, дети,
ее — она ведь первою была
для нас и, значит,
лучшею на свете.

Сейчас в ней всякий хлам.
И ржавь. И слизь
зеленая. И хвощ болотный вылез...
Как будто люди целью задались
убить ее —
и своего добились!

11

От берегов, закованных в гранит,
от улиц, где ни ямок и ни кочек,
нас тянет в луг ли, в лес ли,
где звенит —
не речка — безымянный ручеечек.

Ах, плохо ль у воды ли, на воде —
кто станет спорить!..
Но все реже, реже
встречаем мы зеленый берег, где
пройдешь босой — и ногу не обрежешь...

12

Какие снятся рекам чудеса —
нетрудно угадать теперь, пожалуй:
в глубинах отраженные леса
и рыбы, как блескучие кинжалы.
Продравшийся сквозь чащу
напролом
и капли с губ роняющий сохатый,
и белый лебедь,
розовым крылом
по синей глади бьющий, как лопатой.

13

Твержу, на тополь глядя сквозь окно:
— Есть смысл в великом жизненном завете:
когда
хотя бы дерево одно
ты посадил —
не зря гостил на свете.

Но коль тебе на это, старина,
ни разума, ни воли недостало —
не тронь хотя бы тополь у окна...
И этого с тебя не будет мало!

14

Лес для тебя, я знаю, лишь дрова.
Но для зверей и птиц он, лес,
жилище.
И закатать по локоть рукава
ты не спеши, сжимая топорище.
Не учиняй в чужом дому разбой,
топор вонзая в комель с разворота,
лишь только потому,
что пред тобой
в тот дом всегда распахнуты ворота.

15

Лес — самая высокая трава.
Я в той траве не больше, как букашка.
Взгляну на ель — кружится голова,
как говорят,
и падает фуражка.

А лес шумит...
И словно слышу я
глас чей-то
высоко над головою:
«Смотри, не наступи на муравья,
он пред тобой, как ты передо мною».

16

Случится даль да глушь нам одолеть —
мы шутим, сбросив белые перчатки:
— Закон — тайга, а прокурор — медведь! —
и в ствол вгоняем порцию свинчатки.

Палим во что попало — жаден глаз!—
и рубим, и взрываем, и корежим...
Природа-мать
ждет милостей от нас.
Взять их у нас она, увы, не может.

17

Что там ни говори, а факт таков,
сколь ни был бы тебе он неприятен:
в тайге теперь медвежьих уголков
не больше, чем на карте белых пятен.

Гремит тайга!
Конец медвежьим снам
во тьме непотревоженной берлоги!
...А не везде еще,
где нужно нам,
повален лес, проложены дороги.

18

Да, силы стали слишком неравны.
В наш век машин
с живой Природой в споре
мы — люди,—
коль взглянуть со стороны,
как два боксера разных категорий.
Нам не в пример
у птиц и у зверей
все та же скорость,
та же все защита:
клыки да когти,
крылья да копыта...
Командуй «брек!», судья!
Да поскорей...

19

Околицей иду. Мне рожь видна
на поле
и пшеница в огородах.
Взгляну на рожь: «Как ты, земля, скудна!»
На огороды:
«Как ты плодородна!
Как много можешь ты родить зерна!»
И вновь и вновь я думаю, вздыхая:
«Да, старая пословица верна:
плохой хозяин — и земля плохая».

20

В поля я вышел. Сто в полях дорог...
А на душе
досада и тревога:
кто где проехать вздумал, кто где смог —
там и проехал. И легла дорога.

След гусениц. И снова след колес,
глубокий след по озими, по лугу...
Такое чувство,
будто кто нанес
жестоко и безвинно рану другу.

21

И. А. Ожерелкову

Весной (дела житейские просты)
сажали все картошку в огороде.
А он сажал
картошку и цветы,
хотя была картошка только в моде.

Весь день гремел протезным каблуком
меж гряд — с войны вернулся он калекой...
И все его считали чудаком,
а он ведь был нормальным человеком.

22

...Но шел иной за тридцать три версты,
чтоб чудом чудака полюбоваться.
А он дарил, дарил, дарил цветы,
вновь чудаком рискуя показаться.

И дрогнули, как ни были глухи,
сердца людей:
все чаще под окошком,
где до сих пор жирели лопухи,
цветы вставали.
Рядышком с картошкой!

23

Тропа через газон. Еще тропа...
По цветнику тропа — не по оврагу!
И — что мне делать! — резкая строка
сама собой ложится на бумагу.

Будь власть моя, издал бы я закон
строжайший:
«Разрешается отныне
ходить через газоны прямиком
одной — она неграмотна — скотине».

24

От блеска рамп и праведных трудов,
случайной снедью сумочки напичкав,
бежим, бежим, бежим из городов
на «Волгах», мотоциклах, электричках,
чтоб надышаться воздухом равнин
и отоспаться в тишине на даче...
Да, верно: что имеем — не храним,
а потерявши (тоже верно!) — плачем.

25

Когда бы я не знал,
как бьет хвостом
на звонкой жилке щука,
как под осень
ядреный рыжик, стоя под кустом,
росу как будто в рюмочке подносит;

как журавли отчальную трубят,
как эхо
повторяет рев лосиный,—
боюсь, я не любил бы так тебя,
как я сейчас люблю тебя, Россия.

26

Когда б я знал лишь,
как на площадях
шуршит асфальт от шин, горят неоны;
как распивают квас в очередях
и сотрясают небо стадионы;

как белая ленивая вода
течет в ущельях каменных кварталов,—
я Родину любил бы и тогда,
но мне б всю жизнь
чего-то не хватало.

ЧТО ВЫ? ОН ДАВНО УМЕР...

М. ЮФИТ

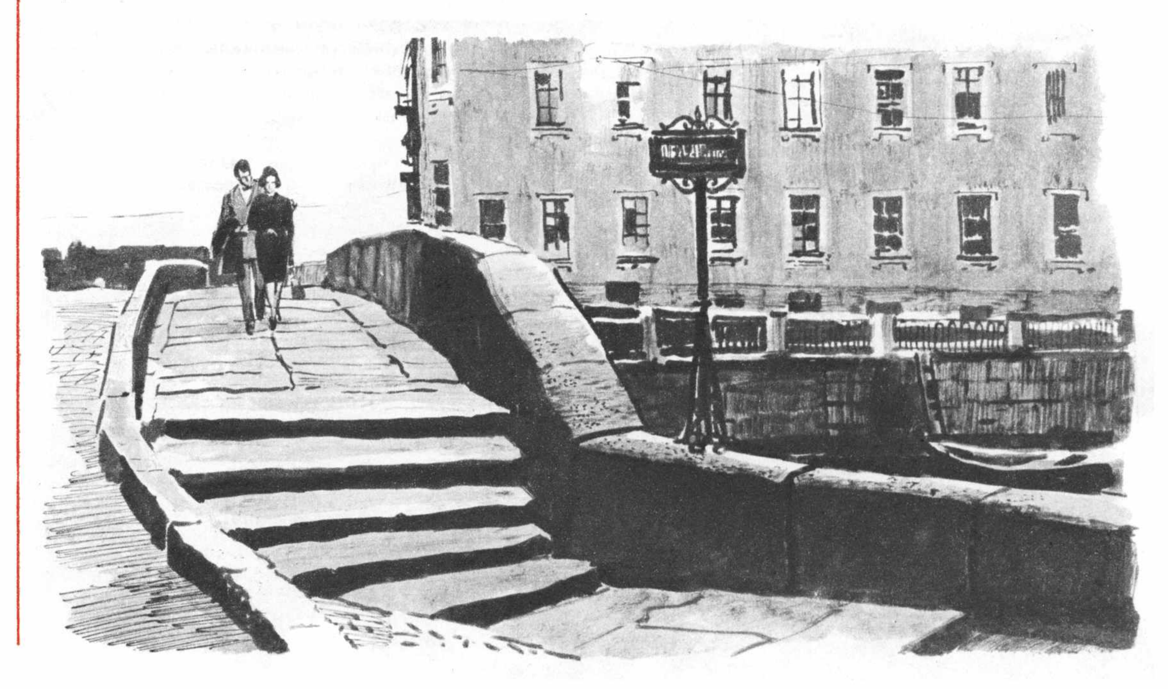
Рисунок И. ПЧЕЛКО.

РАССКАЗ

Самое трудное, когда едешь куда-нибудь,— угадать, что надевать, какая будет погода. Женщины инстинктивно решают этот вопрос так: берут с собой то, что получше. Хороши теплые вещи — они позволяют себя уговорить (а вдруг холодно!), эффектнее легкие платья — говорят: нет, все-таки уже лето...

И Тася поступила так же. Ей очень шел шерстяной вязаный костюм с белой каемкой на воротнике — она в нем и поехала,— и теперь ей приходилось каждое утро надеяться, что, может, день будет прохладный. И сегодня было так же... А день выдался жаркий, даже необычно жаркий для Ленинграда, как говорили ленинградцы. И она очень устала от жары...

Их было двенадцать педагогов из одного города, приехавших на экскурсию, и добрая Наталья Алексеевна, преподавательница литературы, все время обмахивала Тасю газетой. А ее муж, математик, несмотря на свою рассеянность и чудаковатость, которыми славился и немножко гордился, тоже замечал, как изнемогает от зноя Тася, и несколько раз угощал ее мороженым. Она сама бы постеснялась остановиться у киоска на улице, а он не стеснялся, кричал: «Стоп, да здравствует холод!» Вся группа очень сдружилась за эти дни, сплотилась, все стали друг другу ближе, чем были дома, и вели себя шумно, немножко как дети, а скорее даже как студенты; словно вспомнили те времена, когда еще жили в общежитии или на практику ездили с пустыми кошельками и фанерными чемоданами. Теперь уже все, за исключением, пожалуй, Таси, были, увы, немолоды и полюбили удобства. И поэтому когда вечером, закончив свою до предела уплотненную программу — побывали в Русском музее, в Летнем саду и в Исаакиевском соборе,— стали думать, куда пойти поужинать, то все в один голос сказали: только не в сосисочную, не в закусочную, не в пирожковую, не в «самообслуживание», где надо, поставив на гнущийся пластмассовый поднос тарелки с едой, лавировать между столами, ища место и боясь опрокинуть на кого-нибудь еду,— пойдем в хорошее кафе, все-таки это наш последний, можно сказать, прощальный ужин. Пойдем в хорошее кафе, где музыка, яркие огни...



— ...И прекрасные женщины,— добавил математик Александр Михайлович.

Жена весело хлопнула его сложенной газетой, которой раньше обмахивала Тасю. Теперь уже обмахивать не надо было — жара спала.

Александр Михайлович сделал вид, что приуныл, как школьник, которому в дневник записали жестокое замечание, поплелся в самом хвосте, потом исчез и появился с букетиками ландышей, которые преподнес женщинам:

— А моей Наточке два букетика, чтоб не сердилась,— сказал он и поцеловал у жены руку.

Жена закричала:

— Саша, ты у меня прелесть,— и чмокнула его в щеку.

— На Невском?! — засмеялась географичка.— Посмотрели бы на вас, Наталья Алексеевна, ваши ученики.

Так они шли, и дурачились, и смеялись. И Тася, вдыхая нежный лесной аромат влажных ландышей, чуть грустно думая о том, что ей давно-давно никто не дарил цветов, если не считать традиционные букеты от учеников в первый день занятий, смеялась вместе со всеми.

— Попасть в Ленинград — вот именно сюда, на Невский, всегда было моей мечтой,— призналась она.— И чтобы были белые ночи...

— Как удачно, что мы приехали именно в белые ночи,— подхватила географичка.

А Мелентьев, тоже математик, обиделся:

— Как это — удачно? Так было запланировано... Местком знал...

И вдруг они увидели вывеску кафе. Она была такая красивая, эта вывеска, так ярко горели на фоне бледного неба составленные из электрических лампочек буквы, такой импозантный, похожий на адмирала швейцар возвышался на ступеньках, как на капитанском мостике, и задумчиво смотрел на уходящий вдаль проспект, что все разом остановились:

— Судьба...

— Сюда, только сюда... Это то, что надо...

— А вдруг очень дорого?

— Один разик можно.

Тася сказала умоляюще:

— Я никогда не бывала в таком кафе...

Они вошли.

Народу было много, казалось, ни одного свободного места нет. Но ловкий Мелентьев куда-то метнулся и вернулся с полной женщиной — администратором. Несмотря на полноту, она плыла по паркету, как плывут на сцене танцовщицы из ансамбля «Березка», любезно улыбалась розовым ртом — в моде была помада розового оттенка — и говорила какие-то любезные слова. Официантки сдвинули два столика — и вот они уже сидят, женщины трогают руками волосы, не слишком ли растрепались, и оглядывают зал.

Как нарядно, как красиво!

Наталья Алексеевна взяла Тасю за локоть:

— Какая вы сегодня славненькая, Тася! Товарищи, Мелентьев, правда, Тася...— вы не обижаетесь, что я зову вас Тасей? — сегодня чудно выглядит?..

Александр Михайлович чудит:

— С тех пор, как женился, для меня существует только одна женщина, моя жена, и она, конечно, самая красивая. Но вы, Тася, вторая...

Все болтают глупости, подшучивают над Мелентьевым, что при всем уважении к Наталье Алексеевне он вряд ли согласится отдать первое место ей, а не Тасе. Тася густо краснеет. Мелентьев принужденно смеется, напоминает всем, что он женат. Тася опускает глаза и нюхает свои ландыши. «Это мои любимые цветы, спасибо вам, Александр Михайлович». Географичка тоже подносит к носу ландыши, но нюхает как-то неумело, слишком деловито, и тут же небрежно откладывает свой букетик.

— Вы посмотрите на ту пару, вот слева,— ядовито шепчет она,— как будто они одни в зале...

Тася смотрит на молодого моряка, как он держит за руку свою девушку. Лица у них серьезные, взволнованные, то ли ссорятся, то ли прощаются перед разлукой.

— Все это влияние итальянского кино,— говорит географичка.

Тася подхватывает невпопад:

— Я очень люблю итальянское кино.

Они долго и бестолково составляют заказ, смеются над тем, что два математика никак не могут подсчитать, сколько надо бифштексов, а сколько куриных котлет. В зале очень шумно, громко играет радиола. Зал радиофицирован, музыка гремит со всех сторон. И наконец на эстраду выходит певец. Его встречают бурными аплодисментами.

Певец низко кланяется, прикладывает руки к груди.

Это уже немолодой мужчина в светло-сиреневом костюме, с жгучими волосами. Он, извиваясь, но с изяществом берет в руки микрофон, вслушивается в названия песен, которые неистово выкрикивают из зала, посмеивается, подмигивает аккомпаниатору блестящим огненным глазом и низким голосом поет что-то страстное о любовных муках, чуть смягчая насмешливой улыбкой пошловатый, полный красивости текст песни.

— Ну, братцы, ну и ну...— шепотом говорит Мелентьев.

Географичка просто вне себя.

— Это же цыганщина! — твердит она.— Разве это разрешено? Я бы запретила...

— Это уже слишком — запрещать,— спорит Мелентьев,— как это так — запрещать? Многим нравится...

— Я бы запретила, это черт знает что такое...— не соглашается географичка.

— Молодежи нравится,— дразнит ее Мелентьев.

— Какой молодежи? Вы хотите сказать, определенной части молодежи?..

— Тут молодежь разная...

— Тася, он смотрит на вас,— вдруг говорит Наталья Алексеевна.— Что с вами, Тася, вы такая красная?

— Очень жарко.

Мелентьев наливает ей боржома.

А певец все поет и поет, играя глазами, посылая в зал улыбки и притопывая для ритма левой ногой.

За столом продолжается болтовня. Наталья Алексеевна говорит, что вообще-то она не против эстрады, но ей не по вкусу эти песни, она за классику, так уж воспитана. Географичка решительно утверждает, что такое пение развращает молодежь.

— Неужели вам нравится, Тася?

— Очень нравится,— со странной настойчивостью отвечает Тася.

— Вы только оглянитесь,— уже просто в негодовании шипит географичка,— эти юбки, эти выставленные коленки, эти голые руки. Какая гадость! И как сидят, как держатся! Репертуар рассчитан на них...

Александр Михайлович демонстративно объявляет, что он любит джаз. Он не лицемер.

Пока идет горячий спор, Наталья Алексеевна опять спрашивает совсем тихо:

— Что с вами, Тася? Вы побледнели...

— Холодно.— Тася едва шевелит губами. Она плохо понимает, что у нее спрашивает добрая Наталья Алексеевна.

Певец убегает, возвращается, кланяется. Действительно, похоже, что он смотрит на Тасю. Впрочем, она и сама на него уставилась.

— Нет, все-таки в нем что-то есть,— задумчиво говорит Наталья Алексеевна.— Не знаю, что именно, но что-то есть.

— А что в нем может быть? — энергично возражает географичка.— Что в нем может быть?— Она пожимает плечами.— Пустота...

— Пустота? — Наталья Алексеевна удивляется. —Почему же пустота? Поет весело, а глаза печальные. Нет, это не пустота...

— Вы сегодня лирически настроены, милая Наталья Алексеевна,— замечает Мелентьев.

— Да, я размякла,— соглашается Наталья Алексеевна,— я совсем размякла, я обалдела, как говорят наши школьники, обалдела от той красоты, что мы сегодня видели...

Муж тревожится:

— Надо тебе отдохнуть, ты, Наточка, устала, пора, деточка, нам в гостиницу, на покой... все-таки мы старые люди...

Все согласны с ним, ужин подходит к концу, все торопятся, все ужасно устали и теперь, когда поели, мечтают только об одном — добраться до гостиницы и лечь спать.

Завтра они уезжают.

Тася неожиданно говорит:

— Извините меня, но я еще немножко посижу...

— Одна? — вырывается у географички.

— Одна? — обиженно спрашивает Мелентьев.

Чуткая Наталья Алексеевна горячо поддерживает Тасю:

— И прекрасно, оставайтесь, дружок. Вы молодая, чего это вы должны из-за нас, стариков, так рано уходить...

И уводит за собой всю компанию, несколько ошеломленную.

А Тася остается.

Она долго пишет записку, напряженно обдумывая слова, привязывает записку к ландышам и просит официантку отнести. Она боится услышать в ответ на свою просьбу насмешку или грубость, бормочет какие-то объяснения, но официантка говорит вполне равнодушно:

— Ладно... передам... в чем дело...

И уходит с запиской.

А Тася сидит за столом, бледная, как сидит подсудимый, когда суд удаляется на совещание.

* * *

Она не знает, куда они идут. Вероятно, к нему, к Николаю. И не спрашивает. Потрясение, которое она пережила, когда встретила и узнала его, все еще не проходит, не уменьшается. Она как немая.

Это хорошо, что Николай говорит без умолку. Тася отвечает: «нет», «да», «возможно».

— Я привык к взглядам, извини, к женским взглядам,— говорит Николай.— Но что-то толкнуло меня в сердце. Я не поверил... А когда принесли записку... Нам налево.

Она послушно поворачивает налево. Тихая, обсаженная деревьями улица. Пусто. Дома невысокие. Улица похожа на ту, в их городе, где они ходили когда-то. Как тихо — ни звонков трамваев, ни грохота автобусов, ни голосов прохожих. И даже деревья не шевелят листвой...

— Помнишь, ты любил говорить,— вдруг прерывает свое молчание Тася,— «такой глубокой тишины не слышал никогда».

— Н-нет.— Николай не может вспомнить.

— Это из Блока...

— А-а... да, я любил Блока...

— Ты выступаешь под своей фамилией?

— Конечно. Николай Рашевский. Ник. Рашевский... Ты сразу меня узнала?

— Нет, не сразу,— почти резко отвечает Тася.

— Еще бы... вдруг увидеть меня — этот блеск, огни... в таком большом городе...

— Я не ожидала встретить тебя в кафе...

Он смеется очень весело.

— Ты предпочла бы увидеть меня на подмостках оперы? Но, боже, это так скучно! Эти отжившие ритмы, эти фальшивые переживания. Нет, детка, это не для меня, я слишком современен...

Николай говорит долго, остроумно, приводит веские доводы — она все равно не слушает.

Вот идет она по улице, под деревьями, а рядом идет Николай, тот Николай, которого она любила пятнадцать лет назад, десять, два года назад, вчера, сегодня днем... отец ее мальчика, ее горе и счастье, ее незадачливая судьба. Что угодно могла она ожидать, только не то, что встретит Николая. Он почти не писал ей после того, как уехал, он даже не знает, что у нее ребенок.

— Кончила институт?

— Да.

— Учительствуешь?

— Да.

— Сеешь разумное, доброе, вечное?

Она неожиданно спрашивает:

— Почему ты выступаешь в сиреневом костюме?

— Это очень элегантно,— объясняет Николай.— Тебе понравилось?

Он не сомневается, что понравилось, он уверен, что понравилось.

Он хвастает, рассказывает, как ездит по городам, исколесил всю страну. Он козыряет названиями гостиниц, неизвестными Тасе фамилиями, он выступал как-то в Заполярье в одной программе с Ларисой Мондрус.

— Ты, конечно, знаешь Ларису Мондрус?

— Нет.

— Она первая исполнительница шлягера...— Он напевает мотив.— Ты знаешь этот шлягер?

— Нет...

— Можешь ты на какой-нибудь вопрос ответить «да»?
— Могу.
— На какой же?
— «Ты обо мне вспоминала»?
— Ох, женщины, женщины!..— Он почти искренен. Во всяком случае, голос его звучит почти искренне.— Ты думаешь мне было легко? Я так любил тебя! Но искусство... Мои взгляды на жизнь ты знаешь, на первом плане у меня искусство, творчество... личное счастье на втором...

Все то, что она хотела бы и могла бы ему сказать, упрекая, Николай говорит сам: как ему было тяжело оставлять ее, такую беззащитную, неискушенную, преданную, доверчивую, тонкую... Но он и не собирался оставлять ее навсегда, он только хотел добиться успеха. А жизнь как река, как горная быстрая река, она уносит своим течением, швыряет человека на камни, разбивает в кровь, наставляет синяков. Он хотел дождаться успеха, а тогда уже, тогда...

Он не договаривает, что «тогда».

Как фокусник вдруг достает из пустой шляпы голубя, так и он внезапно достает со дна своей памяти строчку из забытого им Блока: «Была ты всех ярче, верней и прелестней». Но во имя искусства он должен был ее покинуть.

Он горячо напоминает ей о тех днях их молодой любви, когда она училась в педагогическом, на втором курсе, а он на третьем и у него открылся голос. Он пел в студенческой самодеятельности, его заметили.

Тася, подружка моя дорогая, девочка моя, ты помнишь наш городской сад? Помнишь кладбище вблизи института, где росли темные, почти черные фиалки? А помнишь нашу мелкую, как болото, речку и горбатый деревянный мост, мы так часто стояли на том мосту, слушали лягушек? А помнишь, как жарили картошку?

Она впервые смеется. Забыть, как жарили картошку, действительно нельзя. Это случалось, когда Николай приходил к ней в общежитие, сам он жил на частной квартире. Их было четыре девушки в комнате с разных факультетов, и они вечно были голодные, и Коля тоже чаще приходил голодный. Если хватало денег, покупали булки и пили чай, если денег совсем ни у кого не было — решали: идея — давайте жарить картошку. И все четыре девушки отправлялись в путешествие по общежитию, в одной комнате, где жили «семейные», как они презрительно называли женатых и замужних студентов и студенток, просили взаймы подсолнечное масло, в другой — примус, в третьей — картошку, в четвертой —соль... Своего у них ничего не было.

Николай как будто угадывает, в каком состоянии она была после его отъезда, как лежала часами на своей койке, твердила: «Я хочу умереть, я не хочу больше жить, не могу жить...» — ходила с потухшим взглядом, ни во что не верила, проваливала экзамены...

— Я понимаю, что тебе пришлось нелегко. Но и мне было трудно...

«Разве он отчаивался, как я?— думает Тася.— Разве он бился и мучился, как я, страдал, как я? Заставлял себя жить, жить ради сына?..»

Ей не хочется говорить ему о сыне, раз они встретились случайно. И Николай какой-то совсем другой, не тот, что был раньше. Или он казался ей другим все эти годы, когда ее жгла боль, когда не было минуты, чтобы она не ждала его возвращения, вестей о нем, писем, не думала о том, как и когда они встретятся, не верила, что он вот-вот приедет, как он обещал в прощальном письме. Или позовет ее к себе. Он не звал и сам не ехал. Потом и письма перестали приходить. Она долго верила, что он разыщет ее, ведь он знал адрес матери... Она надеялась, что найдет его имя на афише. Читала театральные журналы, глупая, рецензии... Боялась, может, он болен, нуждается в ней, несчастен...

Все-таки она сказала:
— Помнишь свои слова — ты всегда хотела иметь ребенка, ну что ж, может, у тебя и будет ребенок...
— Я не мог быть таким жестоким... я шутил...
— Да?
— Конечно, шутил...

Они еще несколько раз поворачивали то направо, то налево, вошли в подворотню. Она была длинная и темная, как туннель, а где-то в конце двора светилось на чердаке круглое окошко, похожее на луну, запертую среди мрачных стен. И стояли огромные баки с гниющим мусором. Сверху спрыгнула и метнулась в сторону, вспугнутая их шагами, тощая кошка.
— Какой странный двор,— поеживаясь, сказала Тася.— Как в романах Достоевского...
— Ты преподаешь литературу? — спросил Николай.
— Нет, физику...

* * *

И лестница была старая, грязная, и дверь какая-то обшарпанная, но внутри, в передней, было неожиданно светло, просторно и чисто, лежали половики.

Комната тоже была большая, но запущенная, затхлая, с претензией на уют. Как-то наискосок, не как у всех, стояла тахта, на тахте лежали подушки в полосатых шершавых наволочках. На маленьком столике теснились глиняные кувшинчики, фигурки зверей, горшок с полузасохшим растением.

— Где же твои книги? — спросила Тася.— Ты раньше так любил читать...
— Я редко живу дома... На гастролях куплю журнальчик, почитаю и брошу... Но у меня хороший транзистор...
— Радио не заменяет книг...
Он засмеялся:
— Сразу видно, что учительница...

Николай был деятелен, оживлен, ушел за занавеску, сменил свой нарядный костюм на пижаму, поставил в кухне на газ чайник.
— В память прошлого мы с тобой сварим картошку, не изжарим только, а сварим. Я устал от ресторанной пищи, от изжоги...— пожаловался Николай.

Вид у него был утомленный, взбудораженный. Тасе стало почему-то жаль его. Она хотела сказать: как у тебя много морщин, это от грима, да,— но не сказала, спросила почти машинально:
— А где мы возьмем картошку?
— Есть, все есть, и кастрюлька, и картошка, полное хозяйство...

Николай пошел на кухню, Тася тоже пошла, она смотрела, как он достает из шкафчика тусклую, помятую кастрюльку, нож с деревянной ручкой, как привычно чистит картошку, но все-таки предложила:
— Давай лучше я...

Хлопнула дверь — это соседка выглянула из своей комнаты. И тут же исчезла. Николай крикнул:
— Добрый вечер, Марья Ивановна, а у меня гости...

— Ох,— сказали за дверью.

Потом Николай принес кастрюлю с картошкой и горячий чайник в комнату, надел на чайник бабу в толстой ватной юбке, поставил на стол тарелки, разложил приборы. Тася призналась, что почти ничего не ела в кафе за ужином и теперь, оказывается, голодна. Было так удивительно, что они с Николаем вместе варили картошку и вот так вместе сидят за столом друг против друга. И картошка эта, и то, что она пришла сюда вот так просто, как будто она именно сюда и должна была прийти, и эта запущенная комната, и этот немолодой, усталый человек, сидящий по-домашнему в пижаме,— все это было как-то нереально.

Пижама была не новая, не очень чистая, с обтрепанными рукавами.

Она сказала против воли, как будто это кто-то другой вместо нее сказал:
— Хочешь, я постираю тебе пижаму? И рукава подошью...
— Ни за что... я все стираю себе сам...

Он стал рассказывать, какой забывчивый: дивную пижаму оставил в отеле в Харькове, рубашку — в Донецке. А носки... если носки, которые он посеял в разных гостиницах и в поездах, дадут всходы,— урожай будет очень велик... а носовые платки, перчатки... что поделаешь, он рассеянный человек, он не умеет сосредоточиваться на мелочах, непрактичный он... У него другие цели... его пение, его успех. Он много работает над репертуаром, над новыми номерами. Не станет же он повторяться, жить вчерашним днем, как делают другие... Он очень требователен к себе. При такой огромной популярности он обязан быть требовательным к себе...

Николай и не спрашивал, как живет Тася, как будто знал заранее, что жизнь ее малоинтересна и не может быть иной, чем бледной, скучной, будничной.
— Ты вышла замуж?
— Нет...
— Не за кого?— Он оценивающе посмотрел на Тасю.— Но ты очень мила...
— Не могу ведь я выходить замуж потому, что я мила, мне надо, чтобы он был мне мил...

Николай протянул руку через стол и пожал Тасины пальцы.
— И никто не был тебе мил?
— Нет...
— Не верю...

Раздался резкий звонок. Марья Ивановна как будто только и ожидала, сразу же протопала через переднюю. В дверь забарабанили.
— Входите, открыто,— крикнул Николай.

Вошла дворничиха, здоровенная, большущая женщина в фартуке с бляхой.

Стоя на пороге, она оглядывала стол, и на лице ее было недоумевающее выражение, как будто она не понимала, куда это так быстро убрали поллитровку.
— Управдом ругается, что не представили справку,— сказала она, глядя не на Николая, а на Тасю.
— Какую еще справку? — Николай держался надменно.
— С места работы...
— Я ведь представил справку, я шансонье...
— Чего-чего?
— Шансонье, ну, певец...— Николай вынул из кармана рублевку и протянул дворничихе.

Та взяла бумажку опытной рукой, как будто даже не заметила, что взяла.

А Николай произнес:
— Скажите лучше управдому, что мусор убирать надо. Вонь в подворотне невыносимая...

Тася понимала, что сюда часто ходят женщины, ночуют, живут без прописки. И дворничиха привыкла взимать за это мзду.

Она должна бы почувствовать себя оскорбленной, но встреча с Николаем была слишком важным для нее событием. И она тут же забыла про дворничиху.

Жалость, смешанная с легким презрением, нежелание верить, что она может испытывать чувство презрения к Николаю, желание заплакать, закричать, как будто кто-то умер или что-то умерло, радость, что сбылось то, чего она так долго ждала, любовь, нелюбовь, ощущение, что она просыпается после долгого сна или выздоравливает после тяжелой болезни — все это перемешалось, перепуталось, переслоилось, все было слишком серьезно, сложно, и ей не было дела ни до бдительной подозрительности дворничихи, ни до соседки, которая все время бегала по коридору, стучала дверью, гремела посудой.
— Марья Ивановна— женщина с характером,— как-то жалко усмехнулся Николай, когда Тася вздрогнула при очередном стуке.
— Она что же... — начала было Тася.

Но Николай заверил ее:
— Зависимость чисто бытовая...
— Хорошо, что не духовная... — Тася сделала попытку пошутить.

Николай ответил гордо, чуть-чуть с горечью:
— Душевно я независим. Будь я зависим, не сохраняй свою индивидуальность, то все устроилось бы по-иному, может, даже и опера была бы, хотя лично я оперные партии петь не люблю...
— А ты пел? Скажи, ты пел?

Николай промолчал. Пожал плечами.
— Ты расскажи мне, ты расскажи мне все о себе... — просила Тася.
— А что рассказывать? В молодости все мы самоуверенны, а время вносит свои коррективы. Идти на уступки я не хотел, ладить с людьми не умел, замахнулся слишком на многое...

— У тебя ведь такой замечательный голос!..

— Голос голосом, а школа, а культура? В сущности, я был совсем неотесанный малый, с амбицией, с гонором... Но я многого достиг...

Тася спросила:

— Почему ты тогда так внезапно уехал? Я вернулась с практики, а тебя уже не было...

— Я не мог упустить случай. Удача, как жар-птица: выпустил из рук — и все...

— Ты всегда торопил события...

— Зато ты была трудолюбивой, работящей пчелкой...— Он погладил ее волосы.— Пчелка, но без жала, кусаться ты не умела. А теперь?

— Теперь выучилась,— сказала Тася.— Жизнь ожесточает и учит.

— Но меня ведь ты не захочешь ужалить? — пошутил он.

Она тоже в ответ пошутила:

— Не забывай: вонзив жало, пчела сама погибает... Слишком дорогая плата за укус...

— Милая моя, золотая, строгая пчелка,— сказал Николай и снова погладил ее волосы:— какие у тебя мягкие, легкие волосы!— Он потерся жесткой щекой об ее волосы.— Как они славно пахнут!..— Он поискал сравнение: — Они пахнут нашей молодостью.

Николай встал, потянулся, пересел на тахту и позвал Тасю:

— Ну, иди, иди, ко мне... сколько лет мы не сидели рядом...

Она до последней секунды не знала, что подойдет к нему, сядет рядом, не знала, что будет плакать у него на плече, поцелует то местечко за ухом, что целовала когда-то. Горел только цветной фонарик, и при свете этого фонарика Николай больше походил на того — ее Колю...

— Коля,— говорила она, задыхаясь от слез. — Коля, дорогой, родной...

А он как-то заученно шептал:

— У тебя такие худенькие плечики, такие славные тоненькие руки... — Он расчувствовался.— Никого я так не любил, как тебя. Вот именно — «была ты всех ярче, верней и прелестней...». Ах, Блок! Какой замечательный поэт... какие стихи...

— Как же ты мог?..— упрекнула Тася.— Как же ты мог...

— Зато мы теперь снова нашли друг друга...

— Ты веришь в то, что говоришь? — спросила Тася.

— Я?

— А я не верю. Ты теперь совсем другой...

— Еще бы...

Он так был уверен в том, что теперь он лучше, значимее и значительнее, чем тот молодой парень в черной косоворотке и дешевом пиджаке, что Тася умолкла. Он все теснее прижимал ее, дрожащую, к себе, все горячее целовал. Она не отодвигалась, не сопротивлялась — ведь это был ее Николай, его руки, его запах, она столько лет считала, что пошла бы на любую муку ради него, на любое испытание и страдание.

— Неужели у тебя никого не было после меня, а? Ты меня потрясаешь, удивляешь, ты же красивая женщина... Можешь поклясться?

— Клясться? Я не стану.

— Ага, потому что неправда.

— Нет, не потому... — Она не договорила.

Что она могла сказать? Разве можно класть на чашу весов ее одиночество и любовь, скучные, длинные вечера, особенно осенью и зимой, когда так тихо в квартире, что слышен даже ветер, шаги на тротуаре, и все мимо, мимо... Но нужно брать себя в руки и заниматься, перечитывать одно и то же, пока не поймешь, не усвоишь... Разве можно класть на одну чашу весов эти вечера, тоску, обиду, гнев, томление, горечь, а на вторую — глупое, одноединственное слово «клянусь»?

— Почему ты ни с кем не сошлась?

— У меня были свои причины.

— А, понимаю, твоя провинциальная мещанка-мать. Я угадал?

— Да если бы не мама...

Что бы она делала, если бы не мать, разве она справилась бы одна с ребенком, разве окончила бы институт?

— Что мама? Брр! — передернул плечами Николай, как будто ему плеснули за шиворот холодной воды. — Я терпеть не мог ее осуждающий взгляд. Помнишь, она приехала к тебе в общежитие, а я зашел... эти поджатые губы. Она, кажется, врач?

— Санитарка,— поправила Тася.

— Нет, это из-за нее ты ни с кем не сошлась, не вышла замуж. Я угадал?

Что она могла на это ответить? Сказать, что пропала бы без матери? С кем она могла встречаться? Где? На глазах у ребенка?

Она ответила кратко:

— Да, угадал.

— Ну, обними же меня...

Она обняла.

* * *

Рано утром она постирала ему пижаму, два носовых платка, пестрые протертые носки. Когда она стирала в ванной комнате, вошла Марья Ивановна и, зевая, добродушно сказала:

— Удивляюсь. Мне на мужа стирать надоело, а вы на чужого.

— Он мне не чужой, — ответила Тася.

— Вы хотите остаться? А прописка? Знаете, как трудно в Ленинграде прописаться...

— Нет, я здесь не останусь...

Марья Ивановна успокоилась...

— Человек он хороший, непутевый только,— сказала она,— девочке моей помогает заниматься — и задачи решает и русский проверяет. Человек культурный, этого у него не отнимешь... И не мелочится, деньги есть,— так он не считает...

Тася слушала молча, вопросов не задавала.

Когда Николай проснулся, она вымыла пол в комнате, вытряхнула пыль, погладила то, что постирала. Опять сварили картошку.

— Я сейчас до некоторой степени стеснен в деньгах, — пояснил Николай.

— Возьми у меня... У меня еще есть немного...

— Что ты! Это исключено. Я никогда не возьму у женщины деньги...

Тася все-таки выбежала за угол в магазин и купила колбасы и масла.

Двор не казался ей сегодня таким мрачным, как вчера, мусор уже убрали. И даже кошка не пугалась и не убегала, сидела, греясь на солнышке, и охорашивалась.

Было что-то приятное, пожалуй, даже очень приятное в том, чтобы хлопотать по хозяйству, как в своем доме, кормить завтраком своего мужчину. Николай был весел, целовал ей руки, уверял, что она, как солнечный лучик, вот именно, как солнечный лучик, осветила его мрачное жилье. Он предложил, не очень серьезно:

— А хочешь, оставайся со мной, а Тася? Верности не обещаю, сытого, мещанского благополучия не обещаю, зато... вырвешься из своего городка...

— Нет, у меня ведь там свое дело,— тихо и твердо сказала Тася.

Николай не спорил.

Стал суетиться, показывать ей старые афиши, какие-то пожелтевшие программы, грамоты за шефские концерты, какие-то пригласительные билеты. Он словно хотел этими бумажками что-то такое утвердить и в ее сознании и в своем.

Она перебирала, перечитывала, послушно кивала, а потом вдруг спросила:

— А для чего ты притопываешь ногой? Так надо? Вам велят так делать?

— Глупенькая, жанр имеет свои особенности...

Она только и произнесла:

— О-о... — Потом тряхнула головой. — Но я бы ни за что не могла...

Он удивился:

— Чего не могла?

— Ну притопывать...

— Я работал над этим движением с режиссером...

— Ну, а что ты делаешь, когда не поешь, когда ты не в поездках, не на гастролях, а дома?..

— Ну, я собираю марки,— ответил Николай несколько растерянно. — У меня чудные экземпляры.

Он достал альбомы, пинцет, стал показывать, осторожно подхватывая марки пинцетом.

Ей захотелось уйти, ей вдруг показалось, что сейчас она закричит, завоет. Она попросила странным, сдавленным голосом:

— У меня есть знакомый мальчик, Толик. Ты не можешь подарить ему красивую марку? Но только скорее, я тороплюсь, мне пора... меня ждут...

— Я тебя провожу...

Утро было солнечное, но прохладное, Тасю бил озноб, несмотря на шерстяной костюм. Николай надел плащ, горло обернул клетчатым шарфом.

— Надо отдать твой плащ в чистку, — сказала Тася.

— Да-да, все забываю...

Николай предложил отвезти ее в гостиницу на такси.

— У тебя ведь нет денег...

Он засмеялся:

— А Марья Ивановна на что? Нет, даму надо отвезти домой на такси.

— Это ритуал?

— А может быть, это любовь?

Чем ближе они подъезжали к гостинице, тем больше нервничали оба. Николай вдруг, кривя в усмешке рот, сказал:

— Хочешь, я перееду к тебе? Мне страшно тебя снова терять.

— Нет, что ты! Не надо...

Увлекаясь, он стал строить планы, как они начнут жизнь сначала. Есть, вероятно, своя прелесть в том, чтобы жить в провинции, жить тихо и размеренно. Он будет преподавать пение, не забыл еще, что такое сольфеджио, контрапункт и вся прочая премудрость. Он будет учить деток петь «В лесу родилась елочка» или что там еще поют дети. Они будут с Тасей гулять вечерами по лугам. Если ему всетаки чего-то недостает, так это тишины деревенских лугов, природы.

Тася почти крикнула:

— Какие луга, Коля? У нас асфальт...

— Но где-то асфальт кончается...

Чем больше он пыжился, тем больше она ощущала, что рядом с ней одинокий, задерганный человек.

— Думаешь, мне не надоели отели, вечерний шум? Утром проснешься, особенно если выпьешь накануне, не сразу вспомнишь, где ты, кто ты, в голове муть. Потом только вспомнишь, что ты Ник. Рашевский.

Он говорил с печалью и тут же смеялся, стараясь, чтобы Тася верила его смеху. И рисуясь, спросил:

— Так как — приезжать? Рада будешь?

— Не надо,— опять вырвалось у Таси. — У нас ведь все иначе, чем у тебя. У нас обыкновенная трудная жизнь...— Она не знала, как еще объяснить ему, что именно это за жизнь, полная волнения, труда, уважения к себе, самоотдачи.

Ну а что, если Николаю придется по душе их жизнь? Если он поладит там, у них? Сойдется с учителями, с Мелентьевым, с Александром Михайловичем, с Натальей Алексеевной, ведь она добрая, чуткая?.. Может, они и с Толиком поладят, вот у них даже общий интерес есть — марки. Но нет, не поладят... Толик такой нервный, такой гордый мальчик...

Она рванулась к Николаю, обвила его шею руками. От плаща пахло затхлостью, а шарф был новый, красный, кричащий.

— Только если тебе уж будет совсем плохо, тогда приезжай, а так не надо...

— Я живу прекрасно, — обиделся Николай.— Мне дают хорошие сценические площадки. У меня мое искусство, поклонники, моя филателия... Ты ведь видела, как меня принимают. Я даю радость людям. Напрасно ты считаешь меня неудачником...

* * *

Когда Тася вошла в холл в назначенный час, когда все должны были встретиться, к ней бросилась Наталья Алексеевна.

— Дорогая, я так тревожилась, я вся извелась. Это он? Это отец вашего мальчика? Я всегда замечала в Толике что-то цыганистое.

Тася заколебалась.

— Нет, что вы! — твердо сказала она. — Отец моего мальчика, я ведь вам говорила, он давно умер... — А все-таки взяла руку Натальи Алексеевны в свою, приложила ее к своей горячей щеке и проговорила совсем тихо:— Ой, как мне тяжело, Наталья Алексеевна, ой, Наталья Алексеевна, милая, как мне тяжело...

А та, не расспрашивая, не удивляясь, заговорила поспешно о том, что скоро пора будет ехать на вокзал, что надо укладываться и торопиться, чтобы не опоздать к поезду. Но они успеют, не беда, все обойдется, все будет хорошо. Мало ли что случается в жизни, жизнь мудрее нас, она сама распутывает все узлы. Надо только быть мужественной, а вы и так мужественная, Тася, я всегда любовалась вами... И все будет хорошо, все, что ни происходит,— все к лучшему, вы уж поверьте мне, Тася, я старше вас...

А. АТАНАСОВ

ЗА КЛАССОВО-ПАРТИЙНЫЙ ПОДХОД К МОДЕРНИЗМУ

Оценка модернизма как метода философско-эстетического сознания и общественного явления достаточно ясна в марксистско-ленинской литературе, партийных документах и практической культурно-идеологической жизни и борьбе. Но порой все еще встречаются сознательные или неосознанные попытки поколебать, затуманить или обойти ясную классово-партийную позицию в этом вопросе.

Марксисты-ленинцы уже в самом методологическом подходе к этому явлению ставят проблему в ее истинном свете, раскрывая прежде всего реакционную социально-этическую и философско-идеологическую сущность модернизма и доказывая, что речь идет не столько о борьбе между «новым» и «старым» в искусстве, сколько о борьбе между истиной и ложью в представлениях о мире и человеке, между гуманизмом и антигуманизмом. Адепты модернизма, ревизионисты и эклектики стараются представить вопрос о модернизме как вопрос о некой «чисто эстетической революции», о «новом художественном восприятии мира». Однако в критике модернизма некоторые авторы, занимающие в принципе верные марксистские позиции, порой все же настолько схематизируют и упрощают проблему, что создается неверный, формальный критерий разграничения принципов социалистического и классово чуждого искусства. Об исторической ограниченности несоциалистического реализма прошлого и настоящего может рассказать каждый старшеклассник. И все-таки в целом реализм — явление прогрессивное. Хотя марксистско-ленинские исследователи и дискутируют уже многие годы по вопросу о природе реализма, они едины в том, что всякому истинному реализму присущи верность правде и гуманистический пафос. Поэтому не может быть «реакционного реализма», взятого как эстетический идеал и художественный метод. В данном случае, однако, особенно важно то, что порой критерий художественного метода прямо и категорически объявляется «формальным» критерием, и поэтому некоторыми авторами делается вывод, что «сама постановка вопроса: социалистический реализм или модернизм — является существенной гносеологической (?!) ошибкой. Правильнее было бы поставить вопрос так — либо социалистическое, либо буржуазное искусство». Но подобное утверждение ошибочно, ибо ограничиться правильным самим по себе общим разделением искусства на социалистическое и буржуазное означает, по сути дела, принять в качестве единственного критерия «чистую» идеологически-мировоззренческую позицию, отказаться от критерия художественной правды и специфического творческого метода. Таким путем подводится теоретическая база под практику иллюстрирования социалистических идей модернистскими приемами и реакционных идей — реалистическими приемами. Становятся возможными такие нелепости, как «социалистический» (или «революционный», или «прогрессивный») модернизм и «реакционный» реализм.

Теория, согласно которой искусство нужно делить только на социалистическое и буржуазное, обслуживает одновременно вульгарно-социологические и формально-эстетические тенденции. Несостоятельность этой теории давно доказана. Марксистско-ленинская эстетика разработала достаточно убедительно эту проблему, выковав многосторонний и одновременно определенный идейно-эстетический критерий, основывающийся на содержательно-формальной специфике художественного метода. Наша эстетика рассматривает идейную позицию произведения, его своеобразное познавательное содержание и его художественную реализацию в органическом единстве. Учитывая противоречивость многих художественных явлений современности, она в последнем счете дифференцирует искусство буржуазное и искусство социалистическое (в более узком плане: искусство реакционно-буржуазное и искусство демократическое и социалистическое — вспомним положение В. И. Ленина о «двух культурах»), но эта дифференциация обусловлена прежде всего противоположностью реализма и модернизма, диалектикой мировоззрения и художественного метода. Одним словом, тот, кто не понимает, что **художественный метод — это прежде всего мировоззренчески-содержательная категория**, не может решить правильно и вопрос о природе модернизма и реализма.

Как догматики, так и эклектики одинаково ищут характерные признаки модернизма и реализма главным образом в аспекте формы, в системе изобразительно-выразительных средств. Поэтому для догматика часто даже вполне реалистическое, но оригинальное и непривычное художественное решение «пахнет модернизмом». Эклектик же относит всякую критику модернизма главным образом в адрес его формальных средств и поэтому всегда делает упор на то, что модернизм «обогащает» поэтику искусства, явно преувеличивая его скромный и чаще всего случайный «вклад». Он утверждает, что именно Кандинскому принадлежит «открытие» символики цвета, в то время как эту символику знали еще творцы фольклора, или что Джойс нашел «логику» алогического в потоке сознания, в то время как эту «логику», только в гораздо лучшем выражении, мы находим еще у Льва Толстого, и т. д.

Обновление искусства — как его эстетических идеалов, так и его структурных систем — это объективная потребность, которая формируется в ходе социальной жизни и реализуется активностью талантов. Обусловленное изменениями в сфере материальных общественных отношений (в конечном счете), это обновление следует и своей относительно самостоятельной линии внутреннего развития поэтики, форм и традиций, причем сложное взаимодействие и взаимовлияние различных факторов часто вызывает неадекватность структуры и функций, формы и содержания в границах одного и того же художественного метода. Поэтому мы часто обнаруживаем в русле модернизма элементы и ростки искусства в сущности немодернистского характера, равно как и в реалистическом направлении — отклонения и тенденции модернистского толка.

Динамический двадцатый век, время социально-политической и технической революции, которое меняет так глубоко и всеохватывающе человеческую психику, не может не породить потребность в обновлении искусства, в более современном реализме. Этот реализм «решает проблемы полностью» (Барбюс) и постигает исторический смысл бытия на основе социализма как теории, мироощущения и практики. Он переосмысливает и берет на вооружение все испытанные ценные формы художественности вообще и, с другой стороны, дерзновенно пробует новые возможности выражения, содержащиеся в самой природе искусства, овладевает смело законами красоты во всем их богатстве.

Социалистический реализм есть не просто один из возможных творческих методов, он единственный метод, который определяет сущность полноценного современного искусства. Буржуазный критический реализм XX века тоже видоизменяется по многим линиям, и между ним и социалистическим реализмом происходит плодотворное взаимодействие и взаимное обогащение, но именно социалистический реализм является подлинным и последовательным новаторским творческим методом. То обстоятельство, что некоторые плодотворные приемы и решения в сфере художественной формы были найдены художниками, которые считаются модернистами, еще не означает, что эти приемы и решения органически присущи самому модернизму, его позиции и методологии, что они им порождены и без него немыслимы. Возьмем, к примеру, язык символов. Как известно, этот язык был разработан и развит талантливыми символистами, но значит ли это, что именно символизм как метод «обогатил» искусство? Разве язык символов не является языком полноценного искусства вообще? В сущности, символизм как направление начинается там, где злоупотребление языком символов возведено в самодовлеющий принцип, где этот язык превращается в средство мистификации и дегуманизации художественного творчества.

Статья опубликована в болгарском журнале «Политическа просвета». Печатается с некоторыми сокращениями и уточнениями автора.

То же самое происходит и с экспрессивным языком и с рядом других способов выражения. Дифференцированный подход нужен нам не для того, чтобы отделить «заслуги» модернизма от «недостатков» или «хороший» модернизм от «плохого», а для того, чтобы выявить здоровые элементы и тенденции полноценного искусства среди продуктов разложения и распада, которые мы называем общим именем — модернизм.

Тот факт, что В. И. Ленин категорически отвергал всякий модернизм, включая и русский футуризм, некоторые авторы объясняют просто: отношение В. И. Ленина к модернизму — это его личное дело, вопрос его «личного вкуса», и поэтому ссылаться на высказывания В. И. Ленина против модернизма, переданные Кларой Цеткин, означает «вести борьбу против иррационализма иррациональными средствами».

Когда некий Сидоров или Петров говорит, что модернизм ему не нравится, это может не иметь особого значения. Но когда классик марксизма XX века и гений социалистической революции заявляет саркастически о том, что не может считать опусы модернизма высшим проявлением художественного гения, это, по нашему мнению, имеет громадное значение и может служить основанием для «построения концепции», потому что это сказано не случайно.

В. И. Ленин разрабатывал теорию и руководил практикой революции, которой чужды анархистское бунтарство и утопия, нигилизм и разрушение общечеловеческих культурных ценностей, революции, для которой признаком действительно поступательного развития является только создание такого нового, которое объективно ценно, которое более совершенно, чем старое, революции творцов, совершаемой только во имя человека, разума и красоты. Разве удивительно поэтому, что такой революционер-гуманист и созидатель, как В. И. Ленин, восстал против эстетики антигуманизма, антиразума, самоцельного эксцентризма, формализма и уродства? И разве может серьезный исследователь не видеть во всем этом принципиальную позицию, проявление цельной концепции, а не какой-то «личный вкус» и «случайно» произнесенные «крылатые фразы»?!

Можно и нужно, конечно, искать наиболее полное определение модернизму, дискутировать по вопросу об объеме и направлениях этого явления. Но это не означает, что мы не могли бы уже сейчас характеризовать с достаточной точностью его сущность. Известны слова В. И. Ленина о том, что, поскольку чистых явлений нет и не может быть ни в природе, ни в обществе, для характеристики данного общественного явления важны сумма фактов и равнодействующая тенденция, а не примеры исключения. В понятие «модернизм» (термин Бодлера), как и во многие другие понятия, можно вкладывать более широкий и более узкий смысл. Для марксистско-ленинской философии, социологии и эстетики модернизм в широком смысле слова является синонимом современного декадентства в области философского сознания и культуры, а в определенном смысле и в сфере нравов и быта. В более узком смысле понятие «модернизм» вбирает в себя эстетику целого ряда течений и школ в различных видах искусства. В изобразительном искусстве модернизм, как известно, также объявляет шумно о себе «бунтом» кубизма против традиции Ренессанса с тем, чтобы пройти затем через экспрессионизм, абстракционизм, сюрреализм, «новую предметность» и т. д. и дойти до курьезов, принесенных на гребне волны «попизма» (поп-арт). Путь модернизма и в других видах искусства в общих чертах аналогичен.

Как культурное явление, как сумма художественных фактов модернизм противоречив и эклектичен. Однако как творческий метод, как эстетический принцип, как система взглядов, как тип искусства — он достаточно качественно определен — это так или иначе способ эстетического выражения декадентской психики современного обывателя, тотально отчужденного буржуазного человека. Причины появления модернизма мы ищем прежде всего в том замешательстве и отчаянии, которые охватывают некоторых представителей интеллигенции в условиях общего кризиса буржуазной цивилизации и культуры. В. И. Ленин, непримиримый враг упадочных настроений и упадочного искусства, рассматривал модернизм как явление прежде всего социально-психологическое и философское, а потом уже эстетическое. Он указывал на связь, существующую между походом против материализма в философии и атаками на реализм в искусстве, он рассматривал декадентское сознание прежде всего как извращенное отражение и опасную анархо-индивидуалистическую реакцию на абсурдный мир капитала. Марксистско-ленинская эстетика доказывает, что модернизм как система взглядов и творческая методология есть прежде всего эстетическое выражение современного иррационализма и современной дегуманизации культуры, что его острие направлено сознательно или объективно главным образом против научного социального познания, научно организованного революционного действия и вдохновленной ими многообразной художественно-творческой деятельности. Однако некоторые авторы, принимая декларативно общую истину о реакционной буржуазной сущности модернизма, не раскрывают достаточно действительный характер этого явления. Они ищут наиболее умеренные определения: декадентская культура «отказывается» от объективных критериев и ценностей, художник «теряет» свою способность оценивать, модернисты «пренебрегают» главным объектом литературы — человеком — и прочее в том же духе.

Как видим, недостатки модернизма в этих случаях выражаются в том, что ему не хватает тех или иных положительных качеств. В подобных утверждениях нет даже намека на то, что в своих типических формах и проявлениях он — активный носитель зла, воинствующий знаменосец антиреализма, сознательный или объективный союзник мракобесия и антигуманизма в сфере культуры. Некоторые из этих авторов хотят, чтобы мы забыли издевательства модернистов над мировой реалистической классикой. Но не будем уходить далеко в историю. Разве мы не являемся сегодня свидетелями «трогательного» слияния крайностей, когда и претенциозные «авангардисты» типа Алена Роб-Грийе, и кликушествующие пекинские эстеты, сектанты и догматики одинаково хулят Стендаля и Верди, Чехова и Чайковского как «реакционных буржуазных художников»? Не говоря уже о злобных нападках многих современных декадентов на ненавистный им социалистический реализм с его неистребимым историческим оптимизмом. Дело состоит в том, что модернизм как продукт кризиса буржуазной культуры является не столько «защитной реакцией» против буржуазной манипуляции, как утверждают порой, сколько орудием этой манипуляции. Именно модернизм — и как философское сознание и как художественная практика — выполняет роль одного из мощных средств тотального нажима на личность и особенно на интеллектуально развитую личность! Он есть фактор не «обороны», а духовного наступления мракобесия реакции на человека!

В то время как великое, подлинное искусство прошлого и настоящего ставило и ставит в центр своего внимания познание человека с тем, чтобы возвеличить его, сегодня мы встречаемся с таким искусством, которое хочет развенчать человека, внушить нам, что человек — ничтожество. Еще А. М. Горький в своей статье «Поль Верлен и декаденты», признавая талант и субъективную честность части модернистов, отмечал, что «они хотят испугать или огорчить людей». С того времени стало достаточно ясно, что это искусство стремится (чаще всего сознательно) вызвать отвращение ко всем человеческим ценностям и к самой жизни. «С помощью романов, стихов и пьес,— пишет Шон О' Кейси,— они старались и стараются прогнать из человеческого сердца надежду, они сеют отчаяние и то, что они называют ужасом жизни».

Так, например, Беккет — этот классик современного декаданса — проповедует идею невозможности предотвращения зла в буржуазном мире, так как зло, по его мнению, вытекает из самой природы человека. В его пьесе программного характера «В ожидании Годо» зрителей не оставляет чувство, что автор, в сущности, издевается над человеком вообще, наносит дополнительные удары жертвам зла. Если Камю, утверждая, что болезнь неизлечима, хоть советует больному держаться до конца, то Беккет дает ему яд вместо утешения, внушая при этом, что он и не заслуживает лучшей участи. В модернистском искусстве мы часто встречаемся со смакованием мучения, с более или менее утонченным садизмом и мазохизмом, с тем, что Сальвадор Дали выразил словами: «Красота есть сумма осознанных нами извращений». Существует грань, за которой даже протест против бесчеловечности фактически переходит в свою противоположность, фактически становится продолжением этой самой бесчеловечности и начинает обслуживать не жертву, а палача.

Камю прав, что варварство из области искусства может распространиться на нравы. Недавно одна американская газета, сообщая о неимоверно возросшей преступности в США, добавляла: «Многие акты насилия отличаются чудовищной бессмысленностью». Разве не наивно отрицать существование внутренней, хотя и опосредованной, связи между всем этим и «чисто литературными» выходками одного из корифеев американского модернизма, Бэроуза, который пишет: «Не думай и запомни раз и навсегда — ничто не истинно! Все позволено!»

Не можем не согласиться с М. Лифшицем в том, что этот страшный релятивизм, так хорошо изображенный Томасом Манном, это низвержение «вечных канонов» разума, добра и красоты есть та атмосфера, в которой поднимает голову хамство. И если Томас Манн соединил невидимой нитью дошедшего до крайней утонченности Леверкюна с грубой демагогией «нового порядка» в Германии, то в этом есть большая историческая правда. Это верно, что произведения литературного героя Леверкюна, как и самих модернистов в реальной жизни, оказались ненужными фашистам, когда они развернулись в полную силу, но это уже вопрос второстепенный. Тот факт, что Гитлер и Геббельс прогнали часть модернистов (руководствуясь своими демагогическими соображениями), еще не означает, что модернизм не есть реакционное явление. Подобная механическая «логика» чужда марксизму, который ищет всегда объективную стоимость вещей. М. Лифшиц верно отмечает, что неудовлетворение окружающей средой, отрицание ее с точки зрения утонченной эстетической индивидуальности — эта поза раннего декадентства — сменилась теперь самоотрицанием. Вина за общую неурядицу жизни теперь ставится не капиталистическому строю, а слишком развитому сознанию личности. Поэтому искусство должно подавить сознание, уничтожить ясную мысль и поэтическое созерцание мира. Бегство в суеверие и средневековую мистику является минимумом. Еще лучше бегство в немыслящий мир. Отсюда и постоянные усилия разбить зеркало жизни или хотя бы сделать его мутным и невидящим. Пожалуй, М. Лифшиц увлекается в своей эмоциональной критике модернизма, когда ищет приступы варварства «даже в самых искренних и невинных поисках» модернистов, но в главном он, безусловно, прав.

Не существует настоящего модернизма, который был бы «кротким», «страдающим», «беспретенциозным». Модернизм агрессивен по своей природе, он немыслим без нигилистического отрицания всего, что не есть модернизм. Не можем не принять вывода Роберта Лебеля, что новая живопись «состояла не столько в самом искусстве, сколько в особенном поведении художника. Деятельность человека с палитрой стала символом отрицания всех принятых норм. Одним словом, это была не столько живопись, сколько программа, рассчитанная на скандал».

Что касается утверждения некоторых авторов о том, что капиталистическая верхушка только после второй мировой войны начала испытывать «внезапную симпатию» к модернизму, то они очень далеки от истины. Это верно, что буржуазная публика сначала была шокирована этими «экстремистами», но она быстро поняла, что они бунтуют не столько против общественного строя, сколько против так опасного для нее реализма. Поэтому заинтересованные в том, чтобы искусство не говорило правды, те, кому хочется, чтобы искусство внушало идею «бессмысленности» существования (ведь, в сущности, это ведет к идее бессмысленности борьбы против буржуазного строя!), обеспечили модернистам еще в начале века достаточно мощную базу для пропаганды и рекламы, для обработки общественного мнения и для терроризирования несогласных. «Публика напугана,— писал А. В. Луначарский в 1911 году по поводу «Салона независимых».— Средняя публика окончательно растерялась к величайшему ущербу для таланта и к величай-

шей выгоде для хулиганов кисти». Как отмечает Бернал Доривал, «открытия» кубистов и других модернистов были приняты светской модой очень давно, уже на следующий день после окончания первой мировой войны».

Разговоры о якобы «оппозиционном» и «антибуржуазном» характере модернизма — это только миф, усиленно распространяемый современной буржуазной эстетикой и пропагандой. Модернизм давно стал академическим, фаворизированным буржуазной элитой искусством, он имеет свои роскошные государственные музеи и галереи в столицах буржуазного Запада. Кто не знает, что агрессия «авангардного» искусства осуществляется в небывало широких масштабах с помощью крупного капитала (модернистское искусство как предмет торговли и источник прибыли — это отдельная и очень обширная тема)? Кто не знает, что «экспорт» модернизма давно включен в правительственные программы «психологической войны» против социалистических стран?!

К сожалению, некоторые авторы в социалистических странах пытаются «конкретизировать» общую истину о реакционном буржуазном характере модернизма таким образом, что от этой истины, в сущности, почти ничего не остается. Эстетика модернизма оказывается одним, а «конкретная художественная практика» — совсем другим. По их мнению, когда мы перейдем от общего к конкретному, от сущности к явлению, то мы увидим, что модернизм не всегда реакционен и в нем не всегда проявляется «вывернутая наизнанку буржуазность» (Ленин). Они ссылаются при этом на тот факт, что среди модернистов есть немало субъективно честных людей и прогрессивных в политическом отношении художников.

Если следовать этой логике, мы должны признать, что существует и прогрессивный символизм, потому что через его декадентство прошли такие выдающиеся творцы, как связанный с Коммуной Поль Верлен, как Александр Блок и Людмил Стоянов; существует и прогрессивный кубизм, поскольку его основоположником является Пикассо; прогрессивен русский футуризм, так как он связан с именем Маяковского (а вот итальянский реакционен, так как Маринетти стал фашистом); экспрессионизм тоже следует «удвоить» (ведь через трясину его литературщины прошли такие замечательные поэты, как Иоганнес Бехер и Гео Милев); в конечном счете — зачем останавливаться на полпути? — придется принять и прогрессивный абсурдизм, и прогрессивный абстракционизм, и прогрессивный попизм (поп-арт). Пусть последнее не кажется преувеличенным — среди представителей попизма тоже есть люди с антифашистскими, антимилитаристскими воззрениями (Раушенберг) и с антиимпериалистическими настроениями (к примеру, американский последователь поп-арта Розенквист протестовал против войны во Вьетнаме, создав произведение, представляющее собой макет американского бомбардировщика длиной в двадцать шесть метров).

Таким образом, постоянно смешивая вопрос об объективной реакционности художественного метода с вопросом личной честности и прогрессивных политических взглядов некоторых художников (качества, которые мы, естественно, высоко ценим), принимая научную критику модернизма чуть ли не за уголовное персональное преследование самих модернистов, некоторые авторы благополучно доходят до фактической «дифференциации» самого модернизма на реакционный и «прогрессивный».

Одним словом, выходит, что если рассматривать модернизм вообще, то он наш противник, но если рассматривать его «конкретно» и «творчески», то он, в сущности, оказывается нашим союзником, которого мы можем критиковать самое большое за некоторые «идеологические проблемы». Если исходить из этой необыкновенной «диалектики» общего и частного, при которой частное не содержится в общем и общее в частном, и если придерживаться соответствующей ей логики, мы должны в конце концов прийти к тому, что еще Г. В. Плеханов назвал удивительной смесью социализма с модернизмом. Однако то обстоятельство, что данный талантливый и уважаемый нами художник страдает модернистским декадентством, совсем не означает, что модернизм не есть болезнь духа. И также определение модернизма как зла еще не означает осуждения и разоблачения всякого модерниста как «злодея». И то и другое явления имеют свои драмы и трагедии (и свои трагикомедии). И не настоящее ли это счастье для культуры и для социализма, что такие дарования, как Маяковский, Брехт и Поль Элюар, как Гео Милев и Людмил Стоянов, устояли перед болезнью и спаслись от нее? Разве в марксистско-ленинском литературоведении не доказано давно, что они стали большими художниками вопреки футуризму, экспрессионизму, символизму, сюрреализму, а не благодаря этим упадочным течениям?!

Наивными и метафизическими являются попытки некоторых авторов провести границу между «хорошим» и «плохим» модернизмом где-то между кубизмом и абстракционизмом. Такие авторы не хотят видеть, что все те крайности и безумия, которые проявились после шумного «восстания» кубистов, являются дальнейшей, уже ничем не удержимой эскалацией произвола. Злой дух, выпущенный из бутылки, нельзя было упрятать обратно. Если в широком социальном плане «демон искусствоедства» есть продукт эпохи, то в более узком философско-эстетическом плане он был порожден «революцией» против реализма. И напрасно теперь некоторые отцы, пораженные уродливостью своих детей, хотят отречься от них...

После того, как мы читали и слушали бесконечное число предупреждений о том, как сложен модернизм и как неточно и условно это понятие, а также наблюдая тот факт, что некоторые наши критики вообще стараются не употреблять этого слова, нетрудно понять, что есть люди, которые сомневаются в самом существовании модернизма. Но пусть нам будет позволено спросить по этому поводу: разве в общем русле реализма мы не открываем множество течений и школ, разве реализм не имеет своей эволюции, своих противоречий и своей сложности, разве по поводу его определения не идут споры? И все-таки марксистско-ленинская эстетика и верное художественное чутье умеют разграничить достаточно определенно модернизм от реализма, несмотря на наличие пограничных и «смежных» областей. Здесь допускают ошибку и те, кто принимает во внимание только выраженную декларативно позицию художника, и те, для кого имеет значение только система поэтических средств, употребляемых художником в своем творчестве.

Как известно, форму определяет прежде всего идейный замысел, но и сама форма воздействует на замысел, возвышая его или искажая. Когда пытаются воплотить прогрессивную художественную идею с помощью абсурдных, алогичных, грубо эксцентричных приемов, произведение обыкновенно начинает звучать совсем иначе, несмотря на то что иногда художник и не сознает этого. И, наоборот, ретроградная идея, хотя она и воплощена системой реалистических средств, неизбежно ведет к фальши псевдореализма.

В действительности реализм есть явление более сложное, более многостороннее и, конечно, неизмеримо более богатое, чем модернизм. Эстетика и практика метафизического отрицания и абсолютного разрушения не могут быть сложнее эстетики и практики правды, критики во имя гуманизма и творческого созидания. Модернист больше рисует, моделирует, поэтизирует или музицирует предварительно начерченную схему, хладнокровно найденную эстетическую догму, нежели отдается подлинному вдохновению. Не является ли Камю талантливым иллюстратором туманной философии экзистенциализма (хотя он и утверждал, что не считает себя экзистенциалистом)? Разве не беллетризирует Ален Роб-Грийе доктрину феноменологизма? Разве кинофильмы «ужаса» Хичкока не суть иллюстрации догм фрейдизма? Не следует преувеличивать несоответствия между программами модернистов и их творчеством. Такие несоответствия имеются, но они исключение. Именно соответствие здесь типично, именно иллюстрация канона — то самое, что противопоказано подлинному искусству — характерно для модернизма. И когда мы спросим у какого-нибудь нашего эпигона абстракционизма или абсурдизма, что он хочет сказать, пусть он не отвечает наивно: «Я так вижу вещи». Модернист их не видит такими, а желает представить их именно так, ибо он, как правило, воплощает в своем произведении какой-нибудь умозрительный тезис.

И что предлагает нам в конце концов модернизм в качестве содержания, кроме множества вариаций нескольких банальных мотивов — проповеди апокалиптического отчаяния, апологии субпсихической стихии, эстетизирования биологических инстинктов, вульгарного «овеществления» личности итому подобных «технологий» дегуманизации? А что он предлагает нам в качестве формы, кроме ряда вариаций отдельных гипертрофированных черт художественно-эстетической деятельности? В искусстве есть элемент игры; модернизм старается превратить его полностью в игру форм, слов, красок, звуков. Искусство претворяет образ действительности, оно всегда субъективно переработанное отражение объективного мира; модернист доводит эту «переработку» до грубой антиэстетической деформации и дезорганизации, до создания «закодированной» системы знаков, «мифов», до абсурда. Искусство имеет общие черты с трудом, это духовно-практическая деятельность, при которой создается особенный материальный «предмет»; модернист стремится превратить его в обыкновенный труд, в создание предметов без всякого духовно-отражательного содержания и даже без прикладного значения. Таковы главные направления методики и механики извращений модернизма, если отвлечься от множества нюансов и промежуточных явлений. Конечно, параллельно всему этому идет злоупотребление формами и средствами из арсенала реализма, льется грязный поток «правдоподобной» лжи, предназначенной главным образом для массового потребителя. (Пусть нас не успокаивают, что это менее опасно. Трудно сказать, что является более опасным, однако несомненно одно: это два лица одного и того же зла.)

В буржуазном обществе честный художник имеет более чем достаточно оснований возненавидеть этот «свободный мир», а по существу, трижды безумный мир, который давит человека, и протестовать против него. Можно понять и ужас одиночества, драму и трагедию талантливого художника, который не наслаждается своим страданием и не превращает его в доходный бизнес. Ленинский подход обязывает нас делать все для привлечения в ряды борцов за социализм и демократию каждого честного творца и особенно большой, но трагически заблуждающийся талант. Однако для того, чтобы помочь по-настоящему честным художникам, мы должны доказывать и повторять во весь голос, что модернизм как мировоззрение, как творческий метод воплощает на деле не протест, а полную капитуляцию перед силами отчуждения, служит стратегическим целям реакции и губит художника. Такова истина, и ее хорошо почувствовал даже такой представитель модернизма, как художник Пауль Клее, который пишет: «Мы не имеем отношения к народу, и, чем ужаснее становится этот мир, тем абстрактнее становится искусство, в то время как счастливый мир породит не «потустороннее», а настоящее искусство».

Права, по нашему мнению, соавтор М. Лифшица Л. Рейнгардт, когда пишет: «Самое отвратительное в современном модернизме — его полное довольство собой. Шаманы новейших течений давно забыли стыд и не стесняются своего падения. Они самым серьезным образом уверены в том, что их магия является занятием всемирно-исторической важности, и свысока смотрят на тех, кто еще не утратил способности изображать предметы действительного мира». Поэтому и борьба против попыток распространения модернистского яда, который, по выражению Луначарского, «иногда бывает и вкусным», является одновременно борьбой за спасение дарований, за будущее культуры.

Выдающийся немецкий пролетарский поэт Иоганнес Бехер писал: «Ленину я обязан тем, что оставался совершенно равнодушным, когда какой-нибудь литературный сноб обзывал меня «ужасным упрощенцем» за то, что я называл вещи своими именами, не блуждал вокруг да около «ужаса», а сводил его к простой формуле, найденной Лениным, формуле, в которой познание этого ужаса одновременно сочеталось с планом его практического преодоления».

В то время, как духовные представители «люмпен-буржуазии», а вместе с ними и многие из тех, кто впал в отчаяние и испугался разгула антиразума в современном буржуазном обществе, продолжают мисти-

А. Грицай. АПРЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР.

X Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

ВОСХОД ЛУНЫ.

Д. Свешников. ТРУДНЫЕ ГОДЫ.

X Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

фицировать «ужас бытия» и хулить ясную формулу, сочетающую «познание ужаса с планом его практического преодоления», подлинно авангардное искусство эпохи идет уверенно вперед. Факты свидетельствуют о том, что во всех странах и континентах идеологическое и художественно-творческое развитие вступает рано или поздно на путь социального реализма с обостряющимися антиимпериалистическими и антибуржуазными революционными тенденциями при постепенном переходе на позиции марксизма и социалистического реализма. Мощное наступление социалистического реализма в СССР, Болгарии, ГДР и ряде других социалистических стран, где его идейно-эстетическое кредо сознательно и убежденно отстаивает и воплощает подавляющее большинство художников, его возникновение и развитие в таких странах, как Франция, Италия, Англия, Западная Германия, США, Япония, Австралия, Мексика и ряд других латиноамериканских стран,— словом, во всем капиталистическом мире, где его представители уже поднялись или поднимаются до национальных вершин художественной культуры, равно как и наметившиеся его ростки в Индии и других азиатских, а также в ряде африканских стран,— все это свидетельствует о необратимых процессах обновления в мировой литературе и искусстве под влиянием Великого Октября, социалистической культуры, всемирно-исторического перехода человечества от капитализма к социализму.

Что касается модернистских «отклонений» в практике отдельных социалистических художников, то причины этого явления сложно переплетены и нуждаются в специальном и конкретном анализе. Здесь отметим только то, что на протяжении всей дружбы с А. М. Горьким и особенно в своем замечательном письме к нему, написанном 31 июля 1919 года, В. И. Ленин разграничивает коренную политическую позицию большого пролетарского художника от его временных негативных настроений. В. И. Ленин понимает, что индивидуальный характер труда художника и относительная самостоятельность формы в отношении содержания в искусстве уже содержат в себе объективную возможность отрыва художника от жизни народа, его пессимистических настроений и увлечения формальными поисками, недооценки содержательной стороны искусства. Поэтому он советует писателю быть ближе к труду рабочих и крестьян, быть там, где совершаются действительные процессы обновления, где находится источник крупномасштабных поэтических впечатлений.

Своим шумным и претенциозным отрицанием всего «старого», своей демагогией «смелого новаторства» модернизм сумел привлечь некоторых молодых, недостаточно философски и эстетически подготовленных художников. Тодор Живков в отчетном докладе ЦК БКП на IX съезде партии подчеркивал, что «марксизм-ленинизм решительно отвергает буржуазную платформу модернизма, разоблачает ее реакционный характер, поскольку она в корыстных целях использует стремление деятелей искусства к новаторству, отрывает это стремление от правды жизни, от великих мировых и национальных художественных традиций». Вспомним, однако, и одно обстоятельство психологического характера, которое, как нам кажется, играет существенную роль. Общество социалистической демократии, в котором устранены сами основы отчуждения и обезличивания человека, создает достаточно условий и возможностей для самодеятельности, творческого проявления личности. Но имеется и категория людей, которые, хотя нередко и сознают, что требования общества к ним справедливы, несут свой долг не с легкостью, а как бремя. У таких людей появляется потребность в «психологической разрядке» путем проявления «несогласия» в духе известного выражения одного упрямого крестьянина: «Оно может и так, но все же я против». Где найдется «отдушина» для таких людей, не очень важно. Одни находят ее на стадионе, где можно во все горло «протестовать» по поводу вполне справедливого решения судьи, другие — в возможности выставить картину или опубликовать стихотворение, сознательно провоцирующее эстетику полноценного искусства, третьи — в раздувании скандала вокруг подобных явлений. Конечно, все это несколько объясняет, но не оправдывает все-таки недостойную игру, которая мешает также и развитию таланта псевдоноватора, если таковой у него имеется.

Кое-кто у нас утверждает, что революционно-партийное искусство якобы является по самой своей природе «конъюнктурным» и «преходящим», что якобы лишь проблемы и мотивы частнобытового, узколичного и абстрактно-общечеловеческого характера, а также чисто формальные поиски обеспечивают долговечность поэтического творчества. Эта «центральная догма» реакционной эстетики, однако, противоречит до такой степени и логике и истории искусства, что выглядела бы очень смешной, если бы не была столь безнравственной. Эстетствующие доктринеры забывают о том, что искусство каждой исторической эпохи остается жить прежде всего неповторимостью воплощения главного содержания, передового эстетического идеала своего времени. Детство человечества, так хорошо охарактеризованное Марксом, запечатлено в прекрасном искусстве древних греков. Думается, мы не ошибемся, если скажем, что сейчас человечество находится в периоде своей молодости. Именно в наше время оно решило «загадку истории» и поднялось на сознательную борьбу за коренную перестройку основ всей общественной жизни. Может ли быть сомнение в том, что человечество всегда будет радоваться неповторимой прелести своей героической молодости, что наши потомки будут ценить выше всего и восхищаться прежде всего тем искусством, которое эстетически материализует правду о главном содержании и главном герое нашей эпохи. Вот почему те художники, которые сторонятся проблематики борьбы за коммунизм, рискуют не заметить уникальности времени, в котором они живут, и упустить возможность создать нечто поистине значительное. Вот почему, если кто и может считать себя недостаточно оцененным сегодня и рассчитывать на более высокую оценку в будущем, это прежде всего талантливый революционно-партийный художник, мастер социалистического реализма. Классика социалистического реализма, вышедшего в авангард духовного прогресса человечества, является блестящим подтверждением жизненной силы коммунистической эстетики, которой принадлежит будущее.

СТИХИИ НЕПОДВЛАСТНО

Этот заголовок уже фигурировал в «Огоньке» в прошлом году. Речь шла о тяжелом бедствии, постигшем Дагестанскую республику,— разрушительном землетрясении 14 мая 1970 года.

Прошло немногим более года, города и селения Дагестана уже залечили нанесенные им раны, многое восстановлено, еще больше построено заново. Братскому народу Дагестана помогли не только все народы нашей страны, но и народы других социалистических стран.

Обо всем этом рассказывается в вышедшей в Махачкале книге «Дагестан, 14 мая 1970 года».

На одной из ее первых страниц мы читаем: «14 мая в 12 часов 20 минут после отдаленного подземного гула земля вдруг пришла в движение». В Махачкале землетрясение ощущалось силой в 5—6 баллов. Через девять часов подземная сила вновь дала о себе знать. На этот раз мощность толчков в эпицентре достигла 8 баллов.

На следующей странице приводится целая таблица наиболее сильных толчков. Их было несколько десятков, и продолжались они до конца июня. И еще мы узнаем, что энергия, выделившаяся в очаге этого землетрясения, в сто раз превышает энергию очага ташкентского землетрясения.

Страшные цифры, не правда ли? В них отзвук горных обвалов, грохот рушащихся зданий... Но первый толчок, принесший сравнительно небольшие разрушения, послужил как бы предупреждением, и поэтому ко времени второго катастрофического толчка в жилых домах, больницах, школах, учреждениях уже не было почти никого. Но дело еще и в другом: люди, оставшиеся без крова, твердо знали, что их не бросят в беде.

Буквально через несколько часов после катастрофы заработал штаб Чрезвычайной комиссии. В книге приведен впечатляющий силы документ: расписанный по часам, даже по минутам дневник штаба.

ЦК КПСС и Советское правительство решили за счет государственных средств построить в 1970—1973 годах в районах и городах Дагестана, пострадавших от землетрясения, жилые дома общей площадью 1 миллион 100 тысяч квадратных метров. А для сравнения такая цифра: за годы семилетки (1959—1965) в республике было построено 577 тысяч квадратных метров жилья.

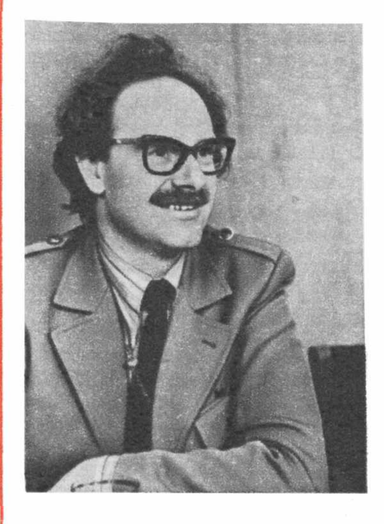
К Дагестану отовсюду потянулись дружеские руки. В иные дни на Махачкалинский телеграф, узнаем мы из книги, приходило около 30 тысяч телеграмм. «Сообщите, сколько выслать палаток и спальных мешков»,— спрашивают из Горького. Прораб из города Грозного А. Хасанов просит «прислать пять-шесть детей или стариков, оставшихся без крова, и обещает приютить их в своем доме, как родных».

Еще не успела осесть пыль от разрушений, как в республику начали съезжаться строители из Москвы и Ленинграда, Киева и Ростова, Баку, Ташкента и Тбилиси.

Пожалуй, лучше всего о том, что произошло в Дагестане, сказал старый колхозник Абдурашид Магомедов из селения Зубутль, от которого остались одни развалины. Авторы приводят его слова: «В старое время нам бы идти с сумой по миру. Почти полтораста лет назад в нашем селении погибло от землетрясения сто человек, а остальные умерли от голода, потому что никто не протянул им руку помощи. Теперь иное время. Мы не почувствовали, что такое голод, потому что сразу же к нам протянулись братские руки...»

М. ХОДАКОВ

Д. Ахмедов, М. Вагабов, М. Магомедов. Дагестан, 14 мая 1970 года. Дагестанское книжное издательство. Махачкала.



ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

На днях нашу редакцию посетил деятель культуры Голландии г-н Р. Розомонд. В теплой и дружественной беседе, которая состоялась между ним и членами редколлегии журнала «Огонек», г-н Р. Розомонд сказал, что голландский институт культуры, директором которого он является, открывает 2 октября в Голландии выставку современных советских художников.

— Дело в том,— отметил г-н Р. Розомонд,— что в следующем месяце у нас в Голландии будет проходить декада советской культуры. В нашу страну приедут видные деятели советской культуры, и среди них композитор Арам Хачатурян и многие другие. Состоится показ фильма «Освобождение» и фильмов, сделанных в советских союзных республиках. В канун этой декады наш институт ставит своей целью провести в разных городах Голландии показ выставки, о которой я уже говорил выше. Ее главная цель — поближе познакомить наш народ с передовой советской культурой, в данном случае живописью.

В заключение беседы г-н Р. Розомонд сказал:

— Я полюбил вашу страну, ваш народ за его открытое, доброе сердце. Советский человек — истинный друг, и в этой дружбе он не руководствуется никакими эгоистическими интересами. Ваша страна реально показала всему миру преимущества социалистического развития.

Продолжаем разговор, поднятый письмом Ольги Н. («Огонек» № 29). Из множества писем, поступивших в редакцию не только от читателей Советского Союза, но и от наших зарубежных друзей, мы выбрали сегодня те, в которых говорится об отношении к родителям, об отношении младшего поколения к старшему.

РОДИТЕЛИ-ЭТО САМОЕ ГЛАВНОЕ

Мне тоже 17 лет. Школу окончила в прошлом году. Было у меня такое время, когда я грезила стройкой завода на Волге, в Тольятти. Собрали мы с подругой чемоданы, разбили свои копилки и отправились на вокзал. Да ничего из этого у нас не вышло: по дороге встретила нас моя мама и вернула домой. Страшно вспомнить, что было с нами и с нашими родителями, сколько мы им наделали хлопот!

Побывали мы и в кабинете директора школы и держали ответ перед классным собранием за прогулы. Ведь в те дни, когда мы задумали удрать, школа была нами заброшена — гуляли по городу и мечтали, как будем работать. Да так намечтались, что теперь пальцев на руках не хватает, чтобы пересчитать тройки в аттестате...

Вообще зря ты хандришь, Ольга, с юности в старики записываешься. Впрочем, неправильно так говорить: у нас крепкие старики, прочная у них закалка. А мы должны стать еще крепче. Ведь они воспитывали нас! Мы растем в самой счастливой стране, под самым чистым и мирным небом, у самых добрых людей. У нас так много еще работы, так много надо еще сделать!..

Надежда Кудашова, Душанбе.

* * *

По-моему, тебе не хватает одного — терпения. Нужно, мне кажется, научиться жить, как следует, сегодня, нынешним твоим днем. Есть разные периоды человеческой жизни. Период, когда человек должен отдавать своей стране, окружающим людям, своим родителям. Для этого мы живем. И другой период — это как раз в твои годы,— когда человек должен суметь взять, взять как можно больше знаний, чтобы нашлось потом что отдавать.

И опыт. Было бы странно, если б каждое поколение начинало жизнь заново, не учитывая опыт предыдущих поколений. Вот этим опытом надо пользоваться в юности.

Ты ушла от отца, который принадлежит к поколению, прожившему нелегкую жизнь. Задумалась ли ты, почему у отца «тяжелый характер»? Или это, может быть, твое собственное нетерпение, неумение понять причины отцовского настроения, отцовской боли!

Стремление стать актрисой — не означает ли это для тебя лишь желание показывать себя людям? Но ведь быть хорошей актрисой — это значит уметь целиком и полностью входить в обстоятельства чьей-то чужой жизни, глубоко проникнуть в характер, может, совсем непохожий на твой собственный; это значит знать хорошо все то, что проходят в школе: классическую литературу, историю, географию, современную физику и т. д.; это значит хорошо понимать людей, которые окружают тебя,— преподавателей, воспитателей, родителей. Понимать, во имя каких идей эти люди терпеливо (а иногда и нетерпеливо), мучительно бьются над тем, чтобы ты стала Человеком. А ты, по-моему, не учитываешь всего этого...

И. П. Лесная, завуч музыкального училища. Березники, Свердловской области.

* * *

Вот мне как отцу, который воспитал четверых детей, причем в самые тяжелые времена Великой Отечественной войны, хочется сказать следующее: нет ничего лучше, чем жить со своими родителями, прислушиваться к ним и с их помощью самому выбирать себе любую интересующую тебя специальность.

Трудовую свою жизнь я начал учеником кузнеца в сельской местности, а когда пришел на завод, стал учеником токаря. Долгое время работал токарем, потом бригадиром и 12 лет сменным мастером, пока в 1965 году не ушел на пенсию. Но когда увидел, что много свободного времени да и как-то неудобно сидеть без дела, пошел опять на завод и стал наладчиком станков. Слышу, некоторые рабочие говорят, что это легкая работа и потому, мол, я «болтаюсь на заводе». Мне этот разговор был не по душе, я пошел работать к станку, только не к токарному, а к фрезерному. Так тружусь уже шесть с половиной лет и этим горжусь, что не ушел из рабочего коллектива.

Никто из моих детей никогда не грубил отцу, учились до 7-го класса, а потом я их определил на завод, и в школе учились вечерней, кончали 10-й класс. Старшая дочь — инженер, сын—офицер, начальник погранотряда, другая дочь сейчас домохозяйка, воспитывает двоих детей, младшая работает товароведом. Сейчас, когда собираются у меня, все довольны. И нам от своих детей веселье и радость.

Г. Д. Егоров, Омск.

* * *

Дорогая Оленька, я в этом году окончила школу в городе Орджоникидзе и буду поступать в университет. Знаешь, Оля, мне кажется, что ты зря так плохо отзываешься о своем отце. Ведь родители — это самое главное для всех нас. Они живут ради нас, всю свою жизнь посвящают нам. Часто взгляды родителей и детей не сходятся. Тебе, наверное, кажется, что отец тебя не понимает и многое тебе запрещает. Пойми, Оля, что потом все его советы тебе пригодятся. Я лично думаю, что не бывает человека ближе, чем мать и отец.

Лариса Коржилова, город Орджоникидзе.

* * *

Пишу вам, как советскому другу. Моя судьба немножко иная. Окончила с трудом школу (у меня мамы нет, а папа не работает). Меня тоже охватили такие мысли: «не сидеть на шее» у папы. Но он хотел видеть меня образованной, и я тоже хотела учиться. Тогда вместе решили — жить скромно, но выполнить мое желание. Сейчас я работаю и учусь заочно в университете. Физически, да и психологически, в самом деле нелегко. Но чувствую, что живу, ощущаю жизнь со всех сторон. А папа счастлив.

А быть «на шее» государства вы не можете, если у вас есть совесть думать об этом и вы хотите трудиться для него. Государство нуждается в сильных людях. Тем более вы должны быть такой ради вашего, Советского государства, потому что русские — народ славный и великий.

С болгарским приветом

Мария Рашкова, Сопот, Болгария.

* * *

Признаюсь, что письмо Ольги Н. меня взволновало, даже возмутило. Не могу себе представить, что в наше время еще существуют (именно существуют) люди, подобные Ольге.

Скука, тоска — ведь это ощущение человека, не имеющего определенных стремлений и целей в жизни. Даже не верится, что это письмо семнадцатилетней девушки. Читаешь и удивляешься: как можно не выносить характер отца, человека, давшего тебе самое дорогое и замечательное — жизнь.

В 1972 ГОДУ

Еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек» вступает в 49-й год своего существования.

Журнал посвятит свои страницы показу великих свершений советского народа, вдохновленного решениями XXIV съезда КПСС.

«СССР — 50 лет» — под этой рубрикой «Огонек» будет рассказывать о великой дружбе советских народов, об их успехах в хозяйственном и культурном строительстве.

Мы продолжим наши журналистские путешествия по крупнейшим стройкам страны — «На маршрутах пятилетки», посвятим многие свои страницы показу всенародного социалистического соревнования за досрочное выполнение девятого пятилетнего плана, побываем у тружеников колхозных полей, в лабораториях ведущих ученых. Выступят в журнале со своими интересными статьями ведущие экономисты.

Советская молодежь найдет на страницах «Огонька» живые рассказы о своих сверстниках, раздумья о жизненных путях-дорогах, перекличку друзей по насущным проблемам, встающим перед молодым поколением строителей коммунизма.

Быт, торговля, сфера обслуживания, производство товаров широкого потребления — этим вопросам будут посвящены наши репортажи, фотоочерки. Продолжим также публикацию заметок под рубрикой «КВД» — острые сигналы об отрицательных явлениях в области обслуживания.

В журнале будут публиковаться выступления, посвященные проблемам морали, нравственности.

В «Огоньке» выступят советские и зарубежные публицисты-международники на актуальные темы, волнующие мир,— «Наш взгляд»; будут опубликованы очерки и фоторассказы о странах социалистического единства, о жизни и борьбе прогрессивных сил в капиталистическом мире.

Познакомит «Огонек» своих читателей с новыми произведениями крупных советских прозаиков и поэтов. В частности, будут опубликованы продолжение повести «Цыган» Анатолия Калинина, новые повести Михаила Алексеева, Николая Асанова, Виталия Закруткина, Вадима Кожевникова и произведения других известных советских литераторов. Будут печататься также продолжения романов «Дом без ключа» А. Азарова и В. Кудрявцева, «Гонка по вертикали» А. и Г. Вайнеров, а также повесть английского писателя Х. Лоуренса «Золотой медальон».

Как всегда, в 1972 году журнал будет публиковать на своих художественных цветных вкладках новые картины мастеров советского изобразительного искусства, а также шедевры мировой и русской живописи. Эти публикации будут сопровождаться очерками, рассказывающими о жизни и творчестве художников, написанными ведущими советскими искусствоведами, писателями, мастерами изобразительного искусства. Познакомится читатель с нашим прекрасным многонациональным искусством, посетит мастерские молодых художников, побывает с помощью наших журнальных публикаций на крупнейших выставках произведений советской графики, скульптуры, прикладного и декоративного искусства.

Познакомит журнал своих читателей с наиболее интересными премьерами спектаклей и кинофильмов, расскажет о творчестве ведущих мастеров советской музыки, театра, кинематографии, о новых интересных работах телевидения и радио, расскажет о новостях большого советского самодеятельного искусства.

Широко будет представлен советский спорт на страницах «Огонька», крупнейшие спортивные события в год мировых олимпийских игр.

Фельетоны, сатирические рассказы, жанровые фотоочерки, карикатуры найдет читатель на страницах, посвященных юмору и занимательной информации.

Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.

Подписка на журнал производится без ограничений.

Я работаю токарем уже 19 лет. За станок стал 14-летним подростком, отец не вернулся с фронта, мама воспитывала нас двоих. Ей приходилось очень трудно. Я был старшим. Закончив семилетнюю школу, я пошел работать и продолжал учиться в вечерней школе. Специальность освоил в совершенстве. Мой младший брат тоже нашел свое место в жизни, работает инженером. Оба мы имеем детей.

Кстати, я когда-то тоже мечтал стать киноактером, но, наверно, актер из меня получился бы никудышный. Лучше быть квалифицированным токарем!

Анатолий Подкорытов.
Город Реж, Свердловской области.

* * *

Всю свою жизнь (а мне 20 лет) я хотела иметь отца и жить рядом с матерью, какими бы они ни были. Но, увы, отец мой погиб, когда я еще не родилась, а мать живет со своей семьей в соседнем ауле. Ты ушла из дома, потому что не выносишь характер отца! Не знаю, есть ли у тебя мать, но так как ты пишешь, что не хочешь сидеть «на шее родителей», думаю, что она есть. Так не жестоко ли это по отношению к ней! Мне кажется, что в семнадцать лет нужно уже уметь воспитывать не только себя, но хоть самую малость влиять на окружающих людей.

Как много я дала бы за то, чтобы вернулись мои 16 лет, и я в форменном платье и фартуке поскакала бы без оглядки в девятый и потом десятый класс. И это при том, что я очень люблю свою работу (окончила музыкальное училище) и безумно, страстно люблю музыку. Я испытываю какое-то неземное блаженство и вдохновение, когда слушаю Бетховена, Листа, Рахманинова. Больше всего на свете хочу иметь свой инструмент и поступить в консерваторию. Да, Оля, жизнь никогда не спрашивала меня, что я хочу, я добивалась своего по мере сил своих и возможностей. Несколько лет прогрессировала у меня болезнь сердца, мне сделали операцию. Теперь я здорова и счастлива. Счастлива тем, что пребываю на земле!..

С комсомольским, адыгейским приветом
Т. Гошнаг.
Аул Октябрьский,
Адыгейская а. о.

ЗАКОН, СЛЕДОВАТЕ

Законы социалистического государства продиктованы интересами народа. «Уважение к праву, к закону,— говорил товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— должно стать личным убеждением каждого человека».

В борьбе за укрепление законности, в борьбе с нарушителями правопорядка, с преступностью большую роль играют люди романтической и благородной профессии — следователи.

Корреспондент «Огонька» Ю. Чернявский попросил заместителя министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта юстиции кандидата юридических наук Б. А. ВИКТОРОВА ответить на ряд вопросов, касающихся работы следователей МВД.

ВОПРОС. Деятельность следователя сложна и многогранна. Но, очевидно, есть что-то в ней самое главное, основное. Не могли бы вы рассказать об этом?

ОТВЕТ. Да, есть. Это самое главное, основное можно было бы определить двумя словами — раскрываемость преступлений. Это подчеркивал в свое время В. И. Ленин. «...предупредительное значение наказания,— отмечал Владимир Ильич,— обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым». Обратите внимание на ленинскую постановку вопроса: ни одного преступления не оставлять нераскрытым, буквально ни одного. Эта задача закреплена нашим законодательством в статье 2-й Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, воспроизведенной во всех республиканских процессуальных кодексах. Статья эта устанавливает, что задача органов следствия и дознания — принять все предусмотренные законом меры к полному раскрытию преступления. Закон требует, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию, но ни один невиновный не должен привлекаться к уголовной ответственности. Ведь не всегда расследование дела кончается обвинительным заключением. Оно может быть и прекращено. А лицо, неосновательно заподозренное в преступлении, будет обязательно реабилитировано.

ВОПРОС. С чего начинает следователь, перед которым поставлена задача раскрыть преступление?

ОТВЕТ. Прежде всего с осмотра места происшествия. Он фиксирует там обстановку, обнаруживает следы, орудия преступления, пути подхода и ухода преступников. И тут ему помогает современная техника — магнитофон, кинокамера, фотоаппарат. И, конечно, как и много лет назад, служебно-розыскная собака.

Времена шерлокхолмсов, следователей-одиночек канули в прошлое. Давно стало правилом: на место происшествия выезжает следственно-оперативная группа, в которую, помимо следователя, входят инспектор уголовного розыска, криминалист, проводник служебно-розыскной собаки. От их умелого взаимодействия, от согласованности в их работе во многом зависит успех всей операции.

Я не случайно начал рассказ о раскрытии преступления с осмотра места происшествия. Мы придаем особое значение этому следственному действию. Оно-то и дает возможность обнаружить такие доказательства, которые, несмотря на хитрость и изворотливость преступника, позволяют изобличить его.

...Ранним мартовским утром 1971 года в Советский районный отдел внутренних дел Челябинска явилась Зубарева, продавец одного из магазинов на окраине города.

Взволнованная, растерянная, она сбивчиво рассказывала о случившемся: из сейфа похищены 7 500 рублей. Ни в поведении, ни в облике этой женщины ничто не вызывало подозрения. Осмотрели место происшествия. На первый взгляд все подтверждало заявление Зубаревой. Сейф открыт, денег в нем нет. В котельной разбито окно, через которое преступник, видимо, и проник в кабинет директора. Но магазин оборудован охранной сигнализацией, а она почему-то не сработала. Снова осмотрели кабинет, окно, сейф. Стекло разбито как раз там, где сигнализация не проходит. Окно в котельной находится выше второго этажа, без лестницы к нему нельзя подобраться. Однако на снегу следов лестницы нет. Тем временем эксперты сообщили, что следов взлома в замке сейфа не обнаружено, он открыт обычным ключом, который находился у Зубаревой. Так возникло предположение: кража совершена ею. Дальнейшее расследование подтвердило эту версию. А как же разбитое окно, открытый сейф? Зубарева призналась: взяв деньги, она решила инсценировать обстановку, которая наводила бы на ложный след, будто кража совершена посторонним лицом. Не проведи следователь вместе с оперативной группой тщательного осмотра места происшествия, Зубарева могла бы «замести» следы...

Конечно, не всегда преступление раскрывается сразу же после его совершения. Порой проходит немало времени, пока наконец удастся найти преступника и доказать его вину. Месяцы мучительных поисков, сомнений, версий, отпадающих одна за другой. Здесь-то и проявляется высокое профессиональное мастерство следователя и работников милиции.

...Более двух лет тому назад в центре Ташкента двое пьяных приставали к прохожим. За женщин заступились их мужья. Хулиганы накинулись на них, избили, а затем нанесли смертельный удар ножом гражданину Котельникову, пытавшемуся утихомирить дебоширов. Событие это взволновало весь город. Было приложено немало усилий, чтобы найти хулиганов-убийц. Задача оказалась сложной. Сразу после совершения преступления были задержаны подозреваемые Козлов и Грудцов. Однако из-за отсутствия улик они были отпущены. Прошли месяцы активных, но безуспешных поисков. Дело это приняла к производству старший следователь следственного управления МВД Узбекской ССР товарищ Логашова. Она сумела найти многих очевидцев гибели Котельникова, собрала подробные сведения о поведении Грудцова и Козлова в быту, на работе. Но и ее усилия поначалу не дали результатов. Свидетели за давностью времени многое забыли, давали противоречивые показания, а неясные обстоятельства гибели Котельникова породили множество слухов.

Чтобы восстановить истину, пришлось всех свидетелей поочередно пригласить на место происшествия. Теперь осмотр этого места производился с их участием. И снова начались допросы свидетелей. Прежние противоречия удалось устранить. Козлов и Грудцов, изобличенные в хулиганстве и нанесении смертельного ножевого ранения Котельникову, были осуждены. При расследовании этого преступления большую помощь следователю оказали киносъемка места происшествия, запись показаний на фонограмму, воспроизведение экспертным путем предметов, которыми наносились удары потерпевшим.

ВОПРОС. Техника — это, конечно, большая помощь следователю. Ну, а кроме нее...

ОТВЕТ. Сила советских органов, ведущих борьбу с преступностью,— в их неразрывной связи с общественностью, с населением. В органах внутренних дел насчитывается несколько тысяч активных общественных помощников следователей.

...В гостинице «Уч-Арал» Алакульского района, Талды-Курганской области, было совершено несколько краж. Одна за другой. И, судя по всему, одним и тем же лицом. И «почерк» все тот же. В поисках вора большую помощь оказал общественный помощник следователя товарищ Оздоев. Изучив словесный портрет преступницы, он не только установил, что это некая Кириллова, но и помог задержать ее. Впоследствии ее опознали потерпевшие, у нее изъяли похищенные вещи.

Помощников у следователя, как правило, бывает много. Важно вовремя оповестить о совершенных преступлениях население города, района, участка, микрорайона, трудящихся завода, фабрики, учреждения. Здесь роль играют печать, радио, телевидение.

В Нижнем Тагиле, на Центральной улице, среди бела дня упал человек. Врачи «Скорой помощи» осмотрели упавшего и обнаружили на теле несколько ножевых ран. Работники милиции оказались в трудном положении: потерпевший без сознания. Решили обратиться за помощью к газете «Тагильский рабочий». Газета рассказала о случившемся и попросила тех, кто был свидетелем происшествия, помочь следствию. И вот уже на другой день к старшему следователю городского отдела внутренних дел товарищу Панову явилась девушка и сообщила подробные приметы преступника. Она указала еще двух очевидцев. С их помощью преступник был опознан и задержан.

ВОПРОС. Какова роль следователя в профилактике правонарушений?

ОТВЕТ. Следователь, выясняя обстоятельства, при которых были совершены преступления, зачастую убеждается, что они могли произойти лишь при определенных условиях: нарушались правила учета продукции, должностные лица халатно отнеслись к исполнению служебных обязанностей, была запущена политико-воспитательная работа в коллективе. Все это, конечно, как говорится, на руку преступникам. Следователь, раскрыв преступление, обязан внести свои предложения, что надо устранить, исправить, дабы впредь не повторялись такие же преступления в данных конкретных условиях. Таков смысл профилактики. Очень важно, чтобы подобные наши представления своевременно и внимательно рассматривались. И, конечно, не только рассматривались. Важно быстро принять соответствующие предупредительные меры. К сожалению, так бывает далеко не всегда. Есть еще и такие руководители: следствие закончилось, преступник осужден, проведено собрание в коллективе, сказаны необходимые в таких случаях гневные слова — и все. На этом ставится точка. А ставить ее еще рано... Требуются не слова, а дела, нужна решительная борьба со всем тем, что порождает обстановку благодушия, самоуспокоенности, недисциплинированности.

ВОПРОС. Профессия следователя, конечно, требует и известной одержимости, таланта, прирожденного дара. Но, видимо, при всем этом нужна большая сумма специальных знаний, профессиональное мастерство. Кто и как готовит кадры следователей?

ОТВЕТ. Вы правы. Одного, как говорится, божьего дара мало. Требуется мастерство, опыт. В органах МВД немало следователей, раскрывших за последние годы буквально все преступления, которые ими расследовались. Я бы назвал товарищей Сажина из Шуи, Ивановской области, Кузыева из Касанского района, Кашкадарьинской области, следователя следственного отделения на Октябрьской же-

ЛЬ, ГРАЖДАНИН...

лезной дороге товарища Смирнова. И вот что характерно для них: все они прошли большую и практическую и теоретическую школу, все они многое знают в своей сфере.

В 1966 году была создана Высшая следственная школа в Волгограде. Недавно там состоялся первый выпуск слушателей. Следственный аппарат МВД получает новое солидное пополнение. Почти все выпускники — коммунисты и комсомольцы, бывшие военнослужащие. Многие из них еще до школы зарекомендовали себя самым лучшим образом, награждались грамотами, денежными премиями, получали благодарности, а лейтенант милиции Игорь Васильевич Троцюк за успешное выполнение задания командования одной из частей Советской Армии награжден орденом Ленина. Он и в школе показал себя достойным этой высокой награды.

Немало хороших специалистов дал нам следственный факультет Высшей школы МВД СССР. Ежегодно группа следователей проходит переподготовку в Ленинградском институте усовершенствования следственных работников.

Большую помощь в подборе кадров следователей оказывают нам партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы. И мы благодарны им за это. Есть все основания полагать, что следственные аппараты нашего министерства в ближайшее время будут полностью обеспечены специалистами с высшим юридическим образованием.

ВОПРОС. Что предпринимается для совершенствования работы следственного аппарата?

ОТВЕТ. В последнее время мы старались добиться известной специализации следователей. Что это практически означает? Люди специализируются на расследовании определенной категории преступлений — против личности, имущественных преступлений и т. д. и т. п. Это позволяет более активно накапливать опыт, осваивать передовую методику, сокращать сроки следствия, повышать его качество. И что еще очень важно: энергичнее используются научно-технические достижения. Первые же опыты применения электронно-вычислительных машин для поиска и установления правонарушителей показали, что здесь перед следователем открываются большие перспективы.

В Риге следователь товарищ Каулиньш занимался делом о хищении электропровода и опор. В его распоряжении имелись данные самые элементарные: похищенный электропровод и опоры обнаружены в трех сельских районах; лица, покупавшие их, показали, что провод и опоры привез из Риги шофер по имени Александр; известно, что украл все это мастер Балодис, но следователь не может доказать его вину, поскольку никто из покупателей лично Балодиса не видел. К тому же ревизия не дала того, что ожидалось. Как быть? Надо найти шофера, продававшего провод и опоры. Это очевидно. А теперь представьте, что значит в городе с 700-тысячным населением найти человека, о котором известно лишь, что он шофер. Да плюс несколько примет. Товарищ Каулиньш решил обратиться к помощи недавно организованного в Риге информационного центра. Все имевшиеся в его распоряжении сведения в соответствующей форме «сообщили» электронно-вычислительной машине, и она выдала данные на несколько десятков человек. Они были проверены по оперативно-справочной картотеке и адресному бюро. Лица, заведомо непричастные к преступлению, были исключены. Под подозрением остались лишь семь человек. Их фотографии следователь с соблюдением всех процессуальных требований предъявил покупателям провода и опор. И те сразу же опознали шофера Александра Мозина. Он признался, что хищением занимался вместе с Балодисом и неким Лицманом.

Сейчас мы серьезное внимание уделяем оргтехнике. Дело в том, что техническое оформление следственных действий отнимает много времени, мешает следователю сосредоточиться на существе дела. В ходе этого оформления иногда детали, имеющие немаловажное значение для оценки доказательств, в протокол не попадают. Ведь пишут его от руки.

В последнее время в крупных следственных отделениях создаются диктофонные центры. Пионерами нового дела явились работники Верх-Исетского районного отделения внутренних дел в Свердловске. Они первыми провели эксперимент по комплексному использованию магнитной звукозаписи и машинописи для фиксации результатов допроса. Что это дало? Следователю не нужно писать протокол допроса. Он слушает показания, делает необходимые пометки, а затем «диктует» диктофону, находящемуся в другом помещении. Фонотипистка сразу же печатает на машинке воспроизведенную с диктофона звукозапись. Пройдет несколько минут, и следователь получит протокол, в котором будут зафиксированы буквально все детали. Сейчас в Свердловской области создано еще три диктофонных центра. Опыт свердловчан будет широко использован.

Важным организационным мероприятием, направленным на современное пресечение и раскрытие преступлений, является создание в городских и районных органах внутренних дел дежурной службы. Она становится центром, который получает информацию, быстро и правильно оценивает ее, своевременно привлекает необходимые силы и средства, принимает неотложные, предусмотренные законом меры. Круглые сутки дежурят следственно-оперативные группы, и это позволяет очень быстро реагировать на сообщения об опасных преступлениях.

ВОПРОС. Мне приходилось слышать от некоторых следователей, что жизнь выдвинула перед ними ряд правовых проблем, требующих своего решения. Каковы они?

ОТВЕТ. Это верно. Я скажу о некоторых таких проблемах. Зачастую невозможно решить вопрос о возбуждении дела без осмотра места происшествия, без производства экспертизы. Между тем только Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, Белоруссии, Латвии и Литвы разрешают осматривать место происшествия до возбуждения дела. А уж экспертиза в этой стадии не допускается ни одним УПК. Практически, конечно, все складывается так, что еще до возбуждения дела следователь тщательно осматривает «поле боя». Но, строго говоря, в одиннадцати союзных республиках нет для этого правовой основы. А с экспертизой и того хуже. Между тем при расследовании пожаров, дорожно-транспортных происшествий просто невозможно возбуждать дело без экспертизы. Видимо, тут требуются коррективы в УПК.

И еще одна проблема. Совершено крупное хищение. В будущем, когда найдут преступника, возникнет вопрос: как возместить причиненный им ущерб? Дело в том, что подозреваемый в хищении, пока шло следствие, успел припрятать все свои деньги, ценности. А нельзя ли узаконить такой порядок: сразу, как только следственные органы получили сигнал о крупном хищении, когда выявилось лицо, подозреваемое в этом хищении, принять меры и к тому, чтобы выявить и сохранить все то, чем он впоследствии должен будет возместить причиненный им ущерб?

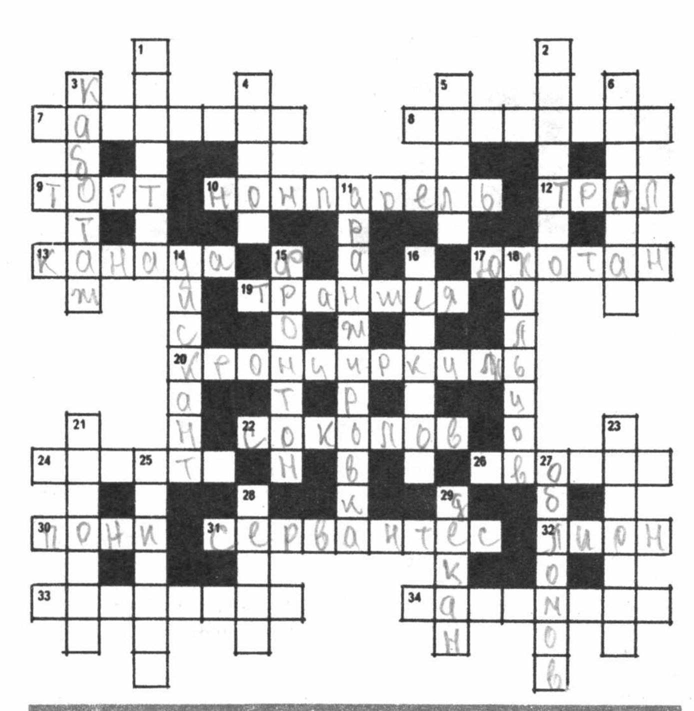
Следователи испытывают и такую трудность: некоторые уголовно-процессуальные кодексы запрещают лицу, участвовавшему по делу в качестве специалиста, проводить экспертизы по этому же делу. А вот в УПК Литовской ССР такого запрета нет. И там никаких осложнений в этой связи не возникает. Опыт работы литовских следователей свидетельствует о том, что порядок, установленный в республике, способствует лучшему использованию возможностей науки и техники для раскрытия преступлений.

Следовало бы подумать и над дальнейшим расширением сферы применения технических средств в ходе расследования. Целесообразно установить такой порядок, который, ни в коей мере не затрагивая прав и охраняемых законом интересов участников процесса, однако, способствовал бы развитию инициативы в применении техники, облегчал бы процесс ее использования.

Работники МВД находятся на переднем крае борьбы с преступностью. Они полны готовности сделать все для того, чтобы каждое преступление было раскрыто.

На государственных экзаменах в Волгоградской высшей следственной школе.

Осмотр следов на месте преступления.



КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский композитор XIX века. 8 Областной центр в Казахстане. 9. Кондитерское изделие. 10. Типографский шрифт. 12. Большая рыболовная сеть. 13. Государство в Северной Америке. 17. Полуостров в Центральной Америке. 19. Длинная узкая выемка для прокладки кабеля. 20. Чертежный инструмент. 22. Герой рассказа М. Шолохова «Судьба человека». 24. Голландский мыслитель. 26. Озеро в Хабаровском крае. 30. Лошадь малорослой породы. 31. Испанский писатель. 32. Административный центр во Франции. 33. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 34. Прибор для измерения мощности электрического тока.

По вертикали: 1. Река в Ростовской области. 2. Трагедия Еврипида. 3. Прибрежное судоходство. 4. Цветок. 5. Рыба семейства карповых. 6. Горный массив на Южном Урале. 11. Переложение музыкального произведения. 14. Высокий детский голос. 15. Верхняя часть фасада здания. 16. Сорт слив. 18. Русский поэт. 21. Птица отряда воробьиных. 23. Порт на озере Онтарио. 25. Скоростные мотогонки на гаревой дорожке. 27. Роман И. А. Гончарова. 28. Спутник планеты Сатурн. 29. Руководитель факультета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 5. «Орестея». 7. Босфор. 8. Булава. 9. Кинология. 10. Алупка. 13. Сутки. 15. Савона. 18. Таймура. 19. Козодой. 20. Коломбо. 22. Неверов. 23. Кварта. 25. Асама. 26. «Мальва». 30. Рембрандт. 31. Глагол. 32. Резеда. 33. Колобок.

По вертикали: 1. Портик. 2. Эскалатор. 3. Рябчик. 4. Эстамп. 6. Майков. 11. Уланова. 12. Компост. 13. Стахова. 14. Иоканга. 16. Апофема. 17. Осокорь. 21. Ставрополь. 24. Рустам. 27. Лайнер. 28. Сеялка. 29. Одарка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В горах, на самом юге Красноярского края, сооружается Саянская ГЭС, энергетическая база Саянского территориально-производственного комплекса. На верхнем снимке: Юрий Плотников, мастер земельно-скальных работ второго участка основных сооружений. Внизу: монтаж понизительной подстанции в поселке Черемушки, на левом берегу Енисея.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Строительство Саянской ГЭС. Идет смена.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/IX-71 г. А 00609. Подп. к печ. 21/IX-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1789. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1814.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

Борис СОПЕЛЬНЯК

Фото А. БОЧИНИНА.

В редакцию пришло письмо. «Дорогой «Огонек»! Недавно я получила приглашение от своей одноклассницы Гали Скрыльник приехать на встречу выпускников нашей школы, которая состоится 8 августа. Приехать я, к сожалению, не смогу и поэтому прошу послать в Новые Сенжары корреспондента, и пусть он расскажет о судьбах десятиклассников, которым через неделю после выпускного бала пришлось надевать военные шинели, отправляться в эвакуацию или томиться в концлагерях. Мне тоже пришлось побывать в этих лагерях, а после освобождения вышла замуж и с тех пор живу в Польской Народной Республике.

С уважением Ефросинья Масловская».
Хойнице.
Польша.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

...До начала выпускного бала оставалось три часа. Галя Скрыльник торопливо дошивала платье, но рукава, хоть плачь, не получаются. Вася Клюшник в сотый раз разбирал фотоаппарат: никак не мог понять, отчего заедает шторку. Леша Лелюх сидел на больничной койке и умолял врача отпустить на вечер: надо же так случиться, утром упал с велосипеда и сломал ключицу. Костя Сулыма носился по этажам и устанавливал динамики: он начальник школьного радиоузла и сегодня отвечает за музыку. Валя Голобородько в последний момент решила поразить подруг: решительно отхватила косы и теперь орудовала раскаленными щипцами. А директор школы Степан Степанович Самсоненко возился в углу зала: маскировал сюрприз — две бочки мороженого.

Ровно в семь прибежала Галя, в новом платье, но без рукавов. Вася спрятался в углу и напропалую щелкал фотоаппаратом. Костя ревниво прислушивался к хрипловатым звукам динамиков. Валя, потряхивая кудрями, гордо расхаживала под завистливыми взглядами подружек. Шум, гам, смех... И вдруг зазвенел звонок. Последний! Все сразу притихли, присмирели. Захлопнулась дверь в детство, и больше туда хода нет...

И вот стоят посередине зала вчерашние школьники. Всего тридцать: первый выпуск Ново-Сенжарской средней школы. Никто из них не предполагает, как часто будет вспоминать этот вечер.

Утром они разошлись. Это было 15 июня 1941 года. А ровно через неделю — двадцать второго — снова пришли в школу, чтобы дать друг другу обещание: как бы ни сложилась жизнь, что бы ни случилось, собраться через тридцать лет — ведь их тридцать человек.

К выпускникам сорок первого обращается Люда Река, окончившая школу в этом году.

И вот 1971-й... Еще зимой Галина Даниловна Скрыльник начала разыскивать одноклассников. Отозвались из Ленинграда, Полтавы, Киева, Донецка, Вильнюса, Краматорска, Днепропетровска и даже из Польской Народной Республики. Сколько было писем, телеграмм, телефонных звонков! И фотографий. Поседевшие, располневшие люди обменивались снимками, чтобы при встрече узнать друг друга.

Наступило 8 августа. Побежали к школе пионеры с букетами цветов. Спешили принаряженные старшеклассники. И очень странно выглядели среди возбужденной детворы немолодые мужчины и женщины. Как они торопились! Как им хотелось побыстрее оказаться среди старых друзей, сесть за свою парту, сбросить груз трех десятилетий!

И вот десять ступенек — и ты в школьном саду. Потом небольшая аллея — и главный вход. Уже видны окна, уже слышны голоса.

Молодцеватый, подтянутый полковник сталкивается на верхней ступеньке с невысокой женщиной. Она резко обернулась.

— Извините,— сказал офицер и шагнул на аллею.

И вдруг прямо в спину робкий возглас: «Вася?.. Клюшник?» Полковник замер. Нет, не узнал. «Кто же? Кто же это? Кто?» «Да я это! Я!!! Косы, помнишь, привязывал к спинке парты!..» «Валя! Голобородько!» Бросился к женщине. Она поглаживала его серебряную голову, все повторяла: «А ведь узнала! Узнала...»

— Валя. Ты жива... А говорили...

— Все было, Вася. И не зря говорили... А ты? Где живешь, что делаешь?

— Расскажу. Потом. Пошли поищем наших!

Побежали по аллее. И вдруг из-за дерева басовитый окрик:

— По коридорам и аллеям бегать воспрещается! Будете дежурить вне очереди!

— Аркаша!— обрадовался Клюшник.

— Не Аркаша, а староста класса Аркадий Голтвянский,— с трудом сохраняя серьезность, поправил он.— Ребята! Черти полосатые! Как же я вас ждал! Пришел ни свет ни заря, спрятался и высматриваю наших. Пока никого. Вы первые.

Тут подбежали Вера Онищенко, Нина Смага, потом налетели однофамилицы Лида и Таня Мых, со спортивной площадки спешил Леша Лелюх, а по аллее шагала Лена Штепа. Все говорили, смеялись, плакали, что-то вспоминали, снова смеялись и снова плакали. А Вася Клюшник напропалую щелкал фотоаппаратом. Потом появилась Галя Скрыльник. Примчался Андрей Клюшник, а за ним, держась за сердце, шагал Дима Мисан.

И вдруг все притихли. Но староста быстро сориентировался, выскочил вперед и скомандовал старшинским шепотом: «Класс, в одну шеренгу становись!»

Засуетились, заметались, забегали... Кое-как построились. А по аллее медленно шли двое — высокий, статный старик и сухонькая, пожилая женщина. Старик шарил по карманам и никак не мог найти очки. Аркадий подбежал к ним и срывающимся голосом отдал рапорт:

— Товарищ директор! Товарищ классный руководитель! Десятый класс «А» в количестве девятнадцати человек для проведения урока построен. Трое отсутствуют по уважительным причинам. Восемь человек явиться не смогут. Никогда...

Строй дрогнул, сломался, все бросились к Степану Степановичу Самсоненко и его жене Марии Акимовне Сажко. Это их любимые учителя. Это о них сказала Вера Никитична Онищенко: «Мы были молоды. Они — тоже. И мы воспринимали их не как строгих наставников, а как умных, добрых друзей. Им поверяли все, вплоть до девичьих тайн. А прийти на урок с невыполненным заданием было просто невозможно».

И вот теперь встреча. Тридцать лет спустя. Майор Самсоненко прошел всю войну — от Москвы до Кенигсберга. Многое видел полковой комиссар, разных встречал людей, но внимательнее всего присматривался ко вчерашним школьникам, и если они оказывались настоящими солдатами, а значит, и настоящими людьми, он мысленно поздравлял учителей, которые их воспитали. А у самого нет-нет, да и екнет сердце: как там его ученики, как воюют, как живут?..

Сейчас Самсоненко вглядывался в лица своих учеников требовательно и тревожно. «Так что вы за люди? Недаром говорят, что только время может выставить оценку педагогу».

И тут зазвенел звонок. Громкий, хрипловатый. Нет, это не тот хрустальный перезвон, память о котором унесли с выпускного вечера. Но все равно — звонок есть звонок и надо идти в класс.

Сначала шли дисциплинированно, строем, без толкотни и шума. Но вот кто-то рванулся вперед, за ним другой, третий... В двери — пробка. Куда делись годы, солидность? Наконец, Степан Степанович требовательно постучал по столу, и все угомонились. Самсоненко встал, надел очки. Снял. Достал какие-то бумажки:

— Разрешите начать урок... В сорок первом году мы дали обещание встретиться через тридцать лет. Едва ли кто-нибудь верил, что эта встреча состоится. Но вот мы снова вместе...— И запнулся, тяжело вздохнул.— Вместе, но не все. Я вижу много пустых парт, много свободных мест. Если провести встречу выпускников сорок первого года в любой школе страны, наверняка в таком положении окажется не только ваш класс. И в основном пустовали бы те парты, за которыми сидели мальчики... Тема сегодняшнего урока — устное сочинение: «Как я прожил последние тридцать лет». Понимаю, не просто рассказать об этом вот так, сразу, но самое главное вспомнить можно... А сейчас сделаем перекличку.

Степан Степанович раскрыл классный журнал. Выпускники отвечали «Есть» и снова садились.

— Голтвян Миша,— вызвал Степан Степанович.

Никто не отвечал. И тогда поднялся староста.

— Пропал без вести.
— Кривонос Федя.
— Погиб под Харьковом.
— Пасько Миша.
— Пропал без вести.
— Соловьяненко Витя.
— Погиб под Полтавой.
— Сулыма Костя.
— Погиб под Днепропетровском.
— Ященко Леша.
— Погиб под Полтавой.

— Почтим их память молчанием!— тихо предложил Самсоненко.

Класс замолчал. И вдруг в этой тишине раздался слабый крик. Не выдержал Леша Лелюх. Он и сказал-то только: «Э-эх!» И как-то неловко махнул рукой. Но столько было в этом возгласе горя, столько отчаяния, что все зарыдали. Оплакивали и погибших друзей, и загубленную юность, и неродившихся детей, и сожженных в концлагерях невест, и расстрелянных отцов.

А к стенке жалась кучка выпускников семьдесят первого года, пришедших поздравить своих «одноклассников». Они терли вспухшие носы и покрасневшие глаза. Они-то прибежали пошушукаться, поглазеть на «стариков», похвастать своими отметками, медалями. А тут вдруг не в кино, а наяву, совсем рядом увидели лицо войны.

Быть может, только сейчас эти ребята по-настоящему узнали, что такое Отечественная война, что такое смерть. Вот сидит за партой хорошо знакомый человек, художник Лелюх. Все витрины и плакаты города сделаны его руками. Веселый, добрый дядя Леша. За партой он сидит один. Рядом — место Кости Сулымы. Нет его на свете. Погиб под Днепропетровском. Потому и пусто за партой.

Потом пришли ребята с горном и барабаном, приняли всех в почетные пионеры и дрожащими руками повязали галстуки...

СОЧИНЕНИЯ ПИШЕТ ЖИЗНЬ

— А теперь займемся сочинением.— Самсоненко встал, окинул взглядом класс.— Начнем с Онищенко и Клюшника.

Из-за парты поднялась высокая седая женщина. Откашлялась и начала:

— Живу в Вильнюсе. Направили туда после окончания техникума. Работаю старшим экономистом на заводе сельскохозяйственных машин. Вот и все.

Вера Никитична помолчала, потом продолжала:

— А войну я была здесь, в Новых Сенжарах... Как сейчас помню: ведут по улице пленных, вот здесь, мимо школы. Совсем молодые ребята, одногодки наши. Может, и стрельнуть-то не успели, а уже в плену. Раненые, измученные... Кто упадет, фашисты добивают. Мы с хлебом, с молоком, с картошкой. Не пускают. Стали бросать на дорогу, под ноги пленным. А они... А их — из автоматов. Нагнется человек за коркой, а его из автомата в спину... Тогда еще был жив Костя Сулыма. Он сделал приемничек. По вечерам мы забирались в погреб, слушали Москву. В сорок первом слышали трансляцию Октябрьского парада... Потом молодежь начали угонять в Германию. Мне повезло: полицай зазевался, и я шмыгнула за сарай. А там — огородами и садами в лес... В сорок третьем пришли наши. В армию меня не взяли, сказали: учись. Поступила в Харьковский стоматологический институт. Я мечтала стать врачом, но пришлось бросить занятия — на стипендию не проживешь. Погоревала, конечно, и подала документы в Полтавский техникум пищевой промышленности. Все поближе к дому: то картошки привезу, то кукурузы... У меня сын и дочь — студенты. Не представляют, что в таких условиях можно было учиться, работать, бегать на танцы, петь в хоре. Все, оказывается, можно. Все!

Женщина умолкла, но Самсоненко не спешил вызывать следующего, надо было успокоиться и Вере Никитичне и всему классу. Наконец он сказал:

— Вася Клюшник, к доске!

Полковник умеет владеть собой: говорит спокойно, четко, только голос стал хрипловатым.

— В июле сорок первого вступил в истребительный батальон... В августе направили в Харьковское авиационное училище связи, но учиться не пришлось: к городу подошли немцы. Училище эвакуировали в Ташкент... В июле сорок второго присвоили звание младшего лейтенанта и направили на Карельский фронт в 7-ю воздушную армию. Был связистом-корректировщиком. Все время находился на переднем крае. Во время форсирования Свири немецкий снаряд разорвался в моем окопе. Всех убило, а меня контузило. Но связисты передали в штаб, что я тоже погиб. Отправили родителям похоронку... Наступление продолжалось, и для корректировки бомбового и танкового ударов меня посадили в танк. Но танкисты ввязались в затяжной бой, а потом бросились в прорыв. И снова меня потеряли. Решили: погиб. Получается, что песня «Похоронен был дважды заживо» — это про меня...

Полковник сел. Потом вдруг снова вскочил.

— Извините, о самом главном забыл. Понимаете, так случилось, что в мае сорок пятого мне дали десять суток отпуска. На Ярославский вокзал я приехал 9 мая! Представляете, в День Победы оказаться в Москве! В жизни меня столько не целовали, как тогда. Кончилось тем, что меня накормили, напоили и на руках отнесли на Казанский вокзал. Да, москвичи это могут... С тех пор, как приеду в Москву, так сразу вспоминаю Комсомольскую площадь, День Победы...

— Есть дополнительные вопросы,— улыбнулся Самсоненко.— А что потом? Как жил после войны?

— Ах, да, после войны...

В сорок седьмом поступил в Ленинградскую военно-инженерную академию имени Можайского. В пятьдесят четвертом окончил, потом защитил диссертацию, получил звание кандидата технических наук, стал доцентом, работаю в той же академии. Я с детства хотел стать авиационным инженером.

— Ну что ж,— поднялся Степан Степанович,— отличники сочинения сдали. Кто следующий? Бычко-Токовая?.. Так я и думал: Вера всегда тянула руку первой.

Из-за парты встала крепкая женщина с суровым лицом.

— Сейчас я — директор гостиницы в городе Зенькове. В прошлом — народный судья. А еще раньше — старший сержант артиллерии,— отчеканила она.— С апреля сорок второго до июля сорок пятого...

— Ты подробнее расскажи.

И тут Вера Ивановна сникла. Одно дело выпалить подготовленные фразы, и совсем другое — вернуться в дни юности, когда на головы молоденьких зенитчиц пикировали фашистские самолеты, когда от непрерывной пальбы раскалялись стволы орудий, лопались барабанные перепонки, когда одна за другой погибали подруги... И вспоминает:

— Эвакуироваться мы успели. Но я пошла в военкомат и записалась добровольцем. Знаете, что такое служба ВНОС? Это воздушное наблюдение, оповещение и связь. Короче говоря, наша задача — обнаружить самолеты раньше всех и сообщить на батарею их координаты. Нас было много, целый батальон девчат. Погибли почти все: одни от бомб, других вырезали власовцы и бендеры... Я вот осталась. Правда, ранена, контужена, но жива.

Какие были девчата! Пикирует на нее «мессер», рядом щель, схоронись, спрячься. А она втянет голову в плечи и знай лупит по гаду! Ведь такие же были,— и она показала на девушек, стоявших у стены.— Тоже думали о мальчиках, танцульках, модах. А надели военную форму — и откуда что взялось. Все дело в закваске, которую мы получили в школе. Ведь никто нас к войне не готовил, никто не думал о той тяжкой доле, которая нам выпала. Были обыкновенными школьницами. А пришлось — стали солдатами.

Потом Самсоненко вызвал Валентину Петровну Голобородько. Встала она не сразу: сидела, спрятав лицо в ладонях и, казалось, ничего не слышит.

— Загнали нас немцы в вагоны. Везли долго, через всю Украину, Белоруссию, Польшу. По дороге подсаживали новеньких. Партизаны пытались отбить — ничего не вышло. Выгрузили в Виттенберге. Пока сортировали, попыталась бежать. Поймали, отправили в тюрьму. Сперва держали в Готтбусе, потом перевели в Галле, а после этого в Потсдам. Как я перенесла все эти карцеры, каменные мешки и полузатопленные одиночки, не знаю.

Валентина Петровна говорила тихо, не отрывая глаз от парты.

— Потом остригли наголо и надели полосатую куртку. Привезли в Равенсбрюк. Загнали в барак — сто пятьдесят восемь русских женщин. Через полгода перевели в Бухенвальд — осталось меньше половины... Только здесь мы поняли, что годы, проведенные в других лагерях, не стоят и недели Бухенвальда. Работай, пока не свалишься. Хлеб из опилок и отрубей. Горы трупов. Собаки-людоеды. И дым из трубы крематория. Этот дым и приторно-сладкий запах сводили с ума. Но я не успела умереть, перевели на подземный завод фаустпатронов в Шлибене. Здесь работали только смертники. Мы это знали. Знали об этом и в других лагерях. За свидетелями далеко ходить не надо: вон сидят Лида и Таня Мых. Они были в концлагере Карлсруэ, а «слава» Шлибена дошла и до них.

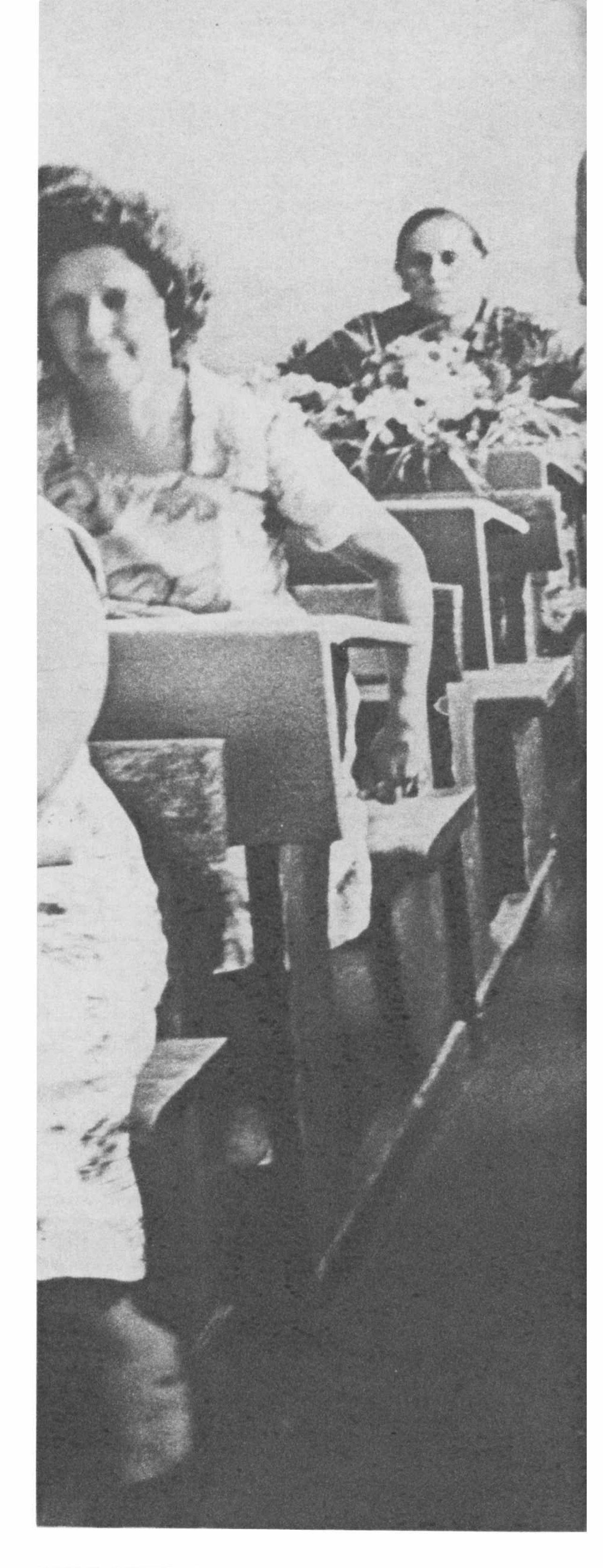
Две суровые женщины, чем-то похожие на Валентину Петровну, согласно кивнули.

— Видите, и плакать-то нам нечем... К смерти мы тогда привыкли, можно сказать, спали с ней на одних нарах. Весной сорок пятого то и дело стали появляться наши самолеты. Все понимали, что Гитлеру капут, значит, надо выжить. Но как раз в это время выжить было особенно трудно: фашисты уничтожали всех свидетелей своих преступлений. Так было и с нами. Завод взорвали, а нас повели на расстрел. К счастью, в это время налетели самолеты. Началась бомбежка, и все бросились врассыпную. Я догадалась забраться в канализационную трубу у дороги. Это и спасло. После бомбежки заключенных снова построили и всех до единого расстреляли... А мы с подружкой дождались темноты, вылезли из трубы и побрели куда глаза глядят. Пришли в какой-то городок, освобожденный американцами. Там нам предложили: не возвращайтесь на родину. На что они рассчитывали? Как может не рваться домой человек, побывавший на том свете и оставшийся в живых! Вернулась, поселилась в Краматорске, работаю диспетчером на заводе тяжелого машиностроения...

Долго не могли прийти в себя одноклассники после этого «сочинения». Но Самсоненко снова раскрыл журнал, и урок пошел своим чередом. Все мужчины — а их осталось шестеро — рассказывали о войне, о том, как стояли насмерть в Сталинграде, как освобождали Ростов и Одессу, Днепропетровск и Киев, Севастополь и Прагу, как теряли боевых друзей, как лечились в госпиталях... А женщины вспоминали фашистскую оккупацию, работу на заводах Урала, годы ученья, когда отказывали себе во всем. Не всем удалось попасть на студенческую скамью, но есть в выпуске 1941-го свои учителя и агрономы, художники и ученые, бухгалтеры и директора заводов, юристы и экономисты...

Обычные судьбы обычных выпускников обычной школы. Обычно все, кроме тех четырех лет, которые были самым большим экзаменом в их жизни, жизни целого поколения, жизни страны. И прав был Степан Степанович Самсоненко, когда, заканчивая необычный урок, сказал:

— Если б был такой журнал, в который ставятся оценки за жизнь, я бы всем поставил пять с плюсом.

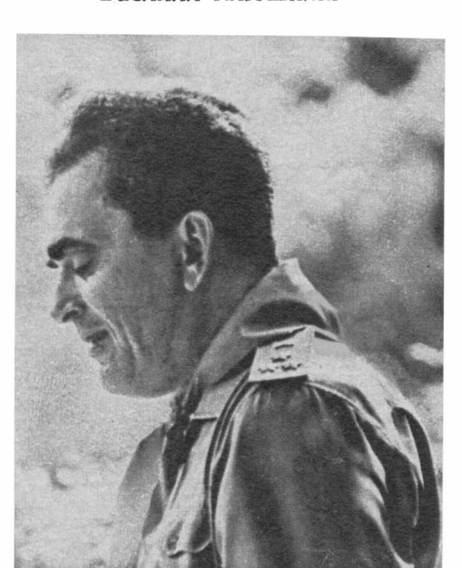


Узнать друг друга, оказывается, не так уж и трудно.

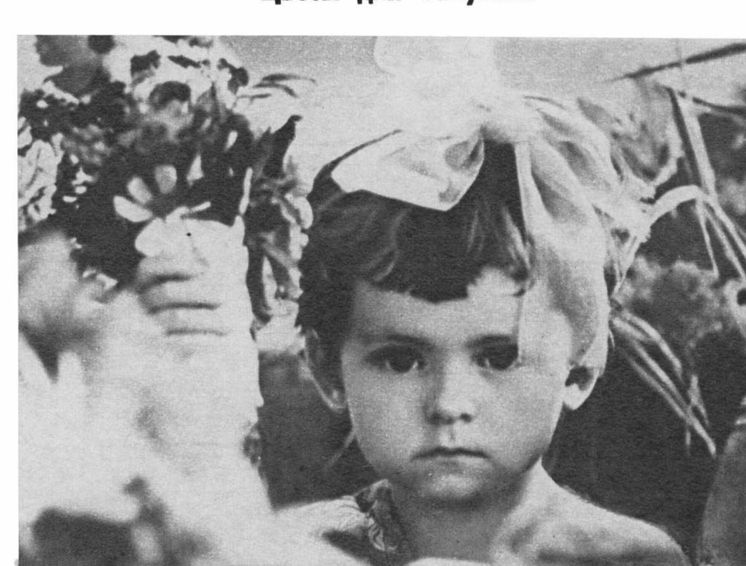
В родном классе через тридцать лет.

Бывшая зенитчица В. И. Бычко-Токовая.

Рассказывает Василий Клюшник.



Цветы для бабушки.



Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.